94 Ww 41
П-27

ЦЕНТРАРХИВ

ПЕРЕПИСКА

Вильгельма II
с Николаем II

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

73355 II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1923

ГЛАВНАЯ ЗАБОТА ТЕПЕРЬ—ПОДГОТОВКА ТЯГОВОЙ СИЛЫ.

Селькоровская бригада Балдинского сель
ета произвела проверку работы Черно-
ского колхоза «Смена». Втечении
олхоз сделал перед единоличниками
та о своей работе. За это время
влилось товарищество по сов-
работке земли.

колхозе поставлены на под-
водится размол зерна на
старых колхозников кор-
плохо дело обстоит с
колхозниками, кото-
имеют. Выделены от-
по уходу за лоша-
од установлены

иведен в бое-
аны полно-
гает толь-
каров.

ТОЖА-

лья-
ра-

ЦЕНТРАРХИВ

ПЕРЕПИСКА

ВИЛЬГЕЛЬМА II
с НИКОЛАЕМ II

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ

1894—1914 г.г.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

П—39

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД 1923

Гиз. № 4450. Главлит. № 10187. Москва. Напеч. 15.000 экз.

„Мосполиграф". 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издаваемые теперь Центрархивом письма последнего германского императора к последнему русскому царю были уже опубликованы за границей с копии, когда-то (1919 г.), в силу печальнейшего недоразумения, уплывшей из соответствующего отдела покойного Главархива. Напечатан был английский текст — в оригинале переписка велась на этом языке,—что придает некоторым письмам Вильгельма, особенно заостренным против Англии, довольно пикантный привкус, напоминая патриотическое предисловие к «Истории Государства Российского» Карамзина, набросанное первоначально по-французски, с немецким переводом. Мы печатаем теперь русский перевод, дополнив его некоторыми сохранившимися черновиками писем Николая к Вильгельму, а также—к сожалению, повидимому, не совсем полной—телеграфной перепиской обоих, поскольку она сохранилась в личном архиве Николая Романова и в «секретном архиве министра иностранных дел». Таким образом, русское издание дает больше, чем германское.

Говорить о значении переписки как исторического источника не приходится. Для изучающего международные отношения конца XIX—начала XX века это—документ первостепенной важности. Наибольшую ценность в этом отношении представляют более ранние письма—до 1907 года. Тут мы воочию видим, как глубоко уходят в прошлое корни мировой войны 1914 года. Англо-германский конфликт уже совершенно определенно прощупывается в самом первом обмене мнений совсем еще молодого тогда германского императора и Николая, только что ставшего русским царем. Линия Вильгельма заключалась в том, чтобы столкнуть лбами Россию и Англию на Дальнем востоке—и тем создать почву для создания континентальной коалиции, направленной против Англии. «Обработка» Николая в этом направлении начинается письмом от 10 июля 1895 г., где Вильгельм распространяется о «великой роли» России «в деле насаждения культуры в Азии и в деле

защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма». Если бы Николай занялся этим «гигантским делом», «возложенным на него небом»—т.-е. предоставил ближний восток всецело Германии,—Вильгельм охотно взялся бы оберегать его тыл. Тут же, в том же письме, кстати, дан и превосходный образчик «старой христианской культуры»: приглашенные на празднество открытия Кильского канала русские почетные гости привезли с собой двух шпионов, которые сфотографировали все военные «секреты» нового германского сооружения.

Обработка—столь же аляповато, сколь настойчиво—продолжается и в целом ряде следующих писем (25/X—1895, 21/I—1896, 4/I—1898, 28/III—1898 и т. д.) Максимума аляповатости она достигает в грубо провокаторском письме от 30/V—1898 года, где рассказывается о предложении, якобы, Англии образовать единый громадный блок с Тройственным Союзом, Японией и Америкой, направленный, само собою разумеется, против России. Вильгельм «советуется» с Николаем, как ему отнестись к этому предложению? Провокация была так наивна, что ее разобрал даже и Николай, ответивший явно ироническим письмом, что и ему Англия делала точь-в-точь такие же предложения. Вильгельм понял, что его блефф не удался—и замолчал.

Объективно развертывавшаяся тем временем дальне-восточная авантюра Романовых загоняла однако же Николая на колею англо-германского конфликта помимо агитации с чьей бы то ни было стороны. В промежутке Вильгельм уже разочаровывался в возможности прельстить Николая «великой задачей» вооруженной борьбы с «язычеством» и начал соблазнять своего русского коллегу багдадской дорогой, которая предоставила бы России «возможность послать несколько полков из Одессы прямо в Ковейт» (на Персидском заливе). Это было в 1902 г., а в 1903—1904 г.г. Вильгельм оказался почти у цели: русско-японский конфликт из-за Кореи, наконец, разразился, и германскому императору оставалось только поспевать хватать с дерева валившиеся спелые груши. «Адмирал Атлантического океана», как весьма, по обыкновению, неуклюже замаскировал себя Вильгельм для телеграфной переписки, сообщил «адмиралу Тихого океана»[1]) несколько мелких, но не вовсе лишенных цены новостей технического характера. Но цена за это заломлена была совершенно ни с чем несообразная. Во-первых, последний Гогенцоллерн не забывал своих

---

[1]) Увы! Корреспонденты не предвидели, сколько ядовитой иронии вложит в этот псевдоним судьба.

обязанностей коммивояжера германской промышленности: русские военно-морские заказы должны были быть переданы германским фирмам (телеграмма 2/X—1904 и письмо 2/I—1905). Во-вторых, в весьма нетерпеливом тоне настаивалось на немедленном подписании русско-германского торгового договора—на условиях, предложенных Германией. И, наконец, Николаю был подсунут проект политического соглашения, явно заменявшего франко-русский союз русско-германским, направленным против Франции фактически столько же, сколько и против Англии.

Соглашение это, в просторечии известное под именем договора в Бьоркэ, в своем первоначальном проекте почти на год старше состоявшегося в этом месте свидания Вильгельма с Николаем и относится к октябрю 1904 года (свидание в Бьоркэ происходило в июле следующего, 1905 года). Повод дал на этот раз сам Николай, после расстрела адмиралом Рожественским английских рыбачьих судов в Северном море (так наз. «Гулльский инцидент») впавший в настоящую панику. Англо-русская война казалась ему неизбежной, на помощь Франции надежда была плоха, союзники нужны были до-зарезу—словом, на этот раз предложение Вильгельма (телеграмма 27/X—1904) «клюнуло». Николай согласился, что «единственное средство»—«как ты говоришь—то, чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Составь и набросай, пожалуйста, проект такого договора и сообщи его мне» [1]).

Вильгельма не нужно было просить два раза. То, к чему он стремился с 1895 года, само плыло в руки. Он немедленно же доставил «дорогому Ники» не один, а последовательно два проекта договора, первый почти открыто направленный против Франции, второй слегка замаскированный в этом направлении, но все же столь еще откровенный, что когда одумавшийся тем временем Николай пожелал «ознакомить правительство Франции с этим проектом», Вильгельм категорически заявил, что это «приведет к катастрофе» (телеграмма 26/XI—1904). Но хотя им были пущены в ход самые сильные средства—вплоть до угрозы «запретить германским пароходам поставлять уголь твоему (Николая) флоту» (письмо 7/XII—1904), который в это самое время совершал свой роковой путь к Цусиме,—раз придя в себя, Николай уже не шел в капкан. Отдать себя на милость и немилость своего «всегда любящего ку-

---

[1]) Телеграмма Николая, без точной даты, но, по всем данным, от 28/X—1904 г.

зена и друга Вилли»,—а к этому сводился смысл договора: разрыв с Францией, уже стоявшей на пороге соглашения с англичанами, оставлял Николаю только одного союзника, Германию,—последний Романов отнюдь не был склонен. И не только потому, что из-под наивной маскировки «кузена и друга» слишком явно торчал волчий хвост,—а и в силу чисто объективных условий, которые Николай сумел сам формулировать в письме по поводу торгового договора (I/VI—1904). «Я сам основательно изучил этот вопрос,—читаем мы там,—и не могу не признать, что главное затруднение заключается в том, чтобы притти к обоюдному соглашению по вопросу о «минимальной» пошлине на рожь, пшеницу и т. д., которая наносит нашему земледелию тяжкий и жестокий удар». И в России, и в Германии было одинаково дворянское правительство,—и никакие «мировые» комбинации не могли заставить прусского и русского помещиков забыть свои ближайшие интересы.

Из переписки неясно, каковы были ближайшие поводы вновь поставить в порядок дня вопрос о союзе летом следующего года, когда этот союз казался ближе к осуществлению, чем когда бы то ни было ранее. Всего вероятнее, это был отказ Франции в дальнейшем субсидировании русско-японской войны. Это сразу должно было дать толчок и к началу русско-японских переговоров и к возобновлению русско-германских. В первом случае Вильгельм опять помог небольшим добрым советом: послать за американским посланником в Петербурге Мейером и «поговорить с ним откровенно»; из дневника Николая мы знаем, что это указание было выполнено пунктуально—при чем из записи Николая видно, что Вильгельм исполнил свое обещание «частным образом снестись» с Рузвельтом («мы с ним большие приятели»,—писал Вильгельм) [1]). Затем Витте уехал в Портсмут, а Николай отправился в Бьоркэ на свидание с Вильгельмом.

Вернувшись из Бьоркэ, последний буквально не помнил себя—и пометил свое первое, после свидания, письмо Николаю 1906 годом. За несколько дней он пережил целый год! «Часы, которые мне дано было провести в твоем обществе, никогда не изгладятся из моей памяти: ты относился ко мне, как милый брат»,—мог прочесть Николай в этом письме. Сам Николай едва ли был на таком седьмом небе—и ратификации договор в Бьоркэ так и не дождался,

---

[1]) Запись Николая под 25 мая ст. ст. 1905: «...Принял американского посла Мейера с поручением от Рузвельта».

несмотря на мелодраматические вопли Вильгельма: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом [1]), который слышал наши обеты» (телеграмма 29/IX—1905). Предлог был все тот же: «Я полагаю, писал Николай, что Бьоркский договор не должен быть проводим в жизнь до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесется Франция».

Мир был заключен, революцию надеялись взорвать при помощи булыгинской думы, восстановление кредита было в виду—к чему было портить отношения к главному кредитору, от которого можно было теперь ждать получек и в будущем?

С 1907 года Вильгельм уже не возбуждает более вопроса о русско-германском союзе против Англии—наступает период попыток Германии непосредственно столковаться с последней. Переписка дает только эхо этих попыток, непосредственно они должны были отразиться в переписке Вильгельма с Эдуардом VII. Это—период всеми, вплоть до антантовской публицистики, засвидетельствованного «миролюбия» Вильгельма II и его уступчивости по отношению к главному противнику. Но объективная история знает теперь, что миролюбию и уступчивости предшествовал период бешеных попыток «окружить» (einkreisen) Англию железным кольцом. Эдуарду VII операция «окружения» удалась лучше.

Подробности, касающиеся других сюжетов, например, аннексии Боснии и Герцеговины, также очень ценны — но всего не перечислить в коротком введении. Менее всего любопытны многочисленные намеки Вильгельма на внутреннюю русскую политику. Вильгельм очень любил и тут подавать советы своему «другу и кузену», но советы эти аляповаты уже до прямой нелепости. Меркой его понимания этих дел может служить письмо от 21/II—1905, где утверждается с большим апломбом, что убившие Сергея Романова (т. е. Каляев), «наверное, иностранцы из Женевы» (!!). Как видит читатель, мы здесь уже под сенью развесистой клюквы.

М. Покровский.

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуемая переписка Н. Романова и Вильгельма Гогенцоллерна печатается в русском переводе с английских подлинников и собственноручных копий, хранящихся во II Отделении Госархива Р. С. Ф. С. Р.

Переписка эта, по всем данным, неполная, так как в Секретном Архиве министра найдены следующие телеграммы в копиях, подлинники которых отсутствуют: телеграммы Вильгельма от 5/IV—1895 г., 6-18/IV—1895 г., 28/X—1897 и 13-26/XII—1907 г., а также и ответы на них Николая. Особенно неполно сохранились письма Н. Романова, которых имеется всего 5.

Не вошли также в данное собрание и некоторые из телеграмм (числом 28), опубликованные проф. Тарле в «Былом» (1917 г. № 1 и 2), подлинников которых в Романовском архиве не сохранилось.

Письма Вильгельма хранятся в особом конверте с надписью рукой Н. Романова: «Письма имп. Вильгельма». Телеграммы последнего к Николаю Р. хранятся отдельно, до сентября 1904 г. в шифрованных подлинниках с разбором на обороте; с сентября 1904 г.— отпечатаными на машинке на особых бланках с печатным заголовком: «Телеграмма на имя вашего императорского величества».

Письма и телеграммы Николая сохранились в собственноручных копиях, написанных большей частью карандашем. Даты как на телеграммах, так и на письмах в большинстве случаев отсутствуют или написаны не его рукой. Даты некоторых телеграмм удалось установить по документам Секретного Архива министра иностранных дел. Из документов Секретного Архива министра видно, что для писем и телеграмм по политическим вопросам Николай пользовался материалом, подготовлявшимся в министерстве иностранных дел. В качестве иллюстрации дан сохранившийся первый набросок письма Николая от 12 января 1909 г. и материал к нему, составленный Извольским.

Телеграммы за 1914 год хранились отдельно, с пометками, сделанными в министерстве иностранных дел, которые и даны в примечаниях. Из материалов архива бывш. министерства иностранных дел (опубликованных в «Красном Архиве» № 4), видно, что в определении дат и времени отправления некоторых телеграмм сведения русского министерства иностранных дел расходятся с данными немецкой Белой книги. В настоящей переписке телеграммы печатаются с теми датами, которые имеются на документах, хранившихся у Николая Романова.

К изданию приложен алфавитный именной указатель и справочник политических событий, упоминаемых в переписке.

В письмах и телеграммах Николая зачеркнутые слова взяты в прямые скобки.

Нумерация писем и телеграмм произведена редакцией.

Материалы подготовлены к печати и снабжены примечаниями и указателем под наблюдением С. А. Пашуканис.

ПЕРЕПИСКА

ВИЛЬГЕЛЬМА ГОГЕНЦОЛЛЕРНА

С НИКОЛАЕМ РОМАНОВЫМ

1.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 8/XI 1894.

Дорогой Ники.

Трудное и ответственное дело, для которого тебя предназначало провидение, оказалось внезапно возложенным на тебя столь неожиданной и безвременной смертью твоего дорогого, горько оплакиваемого отца. Да будут эти строки выражением моего глубокого и горячего сочувствия тебе, твоей Алисе и твоей бедной, убитой горем матери! Я хорошо понимаю чувства, волновавшие твое сердце при виде того, как постепенно угасал твой отец; ведь его болезнь и внезапная кончина сильно напоминают болезнь и кончину моего дорогого папа, на которого покойный царь походил характером и добротой. Я непрерывно молюсь богу за тебя и твое счастье. Да подкрепит тебя небо в твоей скорби, да пошлет оно тебе сил исполнить твой тяжелый долг, и пусть продолжительное и мирное царствование даст тебе возможность заботиться о благе твоих подданных. Сочувствие и искренняя скорбь по поводу безвременной кончины твоего оплакиваемого отца, охватившие мою страну, покажут тебе, как силен монархический инстинкт, и как Германия сочувствует тебе и твоим подданным. Что касается меня, то во мне ты встретишь всегда неизменную дружбу и любовь к тебе. Мы оба прекрасно знаем, каковы наши политические взгляды, и мне нечего прибавить к нашему последнему разговору в Берлине; я могу только повторить, что питаю к тебе безусловное доверие и что буду постоянно поддерживать старинные дружеские отношения с твоим домом. В них воспитал меня мой дед, и я рад, что имел случай доказать их на деле твоему дорогому папа за последние шесть месяцев его царствования, что и было вполне оценено им, как я имел счастье слышать. Я бы лично приехал помолиться с вами на похоронах, но у меня дома столько дела по управлению, что это совершенно невозможно. Генри будет моим замести-

телем. Ген. фон-Плессен (комендант моей главной квартиры), полковник фон-Мольтке, мой адъютант, и ген. фон-Виллауме, твой старый друг, будут сопровождать его в его поездке морем в Кронштадт. Отправляющийся в то же самое время сухим путем полковник имп. Александра гвард. гренадерского полка фон-Сауссин явится к тебе, как к новому шефу этого полка. А твоему гусарскому полку я пожаловал твое имя, чем он будет безмерно горд. В первом из поименованных гвардейских полков личность усопшего царя была глубоко почитаема, и в понедельник весь его офицерский состав, при четырех знаменах, вознес вместе со мной свои молитвы в церкви русского посольства в Берлине. Теперь, милейший Ники, прощай, бог да благословит и да сохранит тебя и дорогую Алису и да пошлет он вам счастье в вашей супружеской жизни—таково горячее желание твоего горячо любящего и преданного друга и кузена

Вилльам.

2.

Письмо Вильгельма.

Потсдам, 5/I 1895.

Дорогой Ники.

Твое милое письмо, доставленное мне Кнорринг ом, принесло очень интересные, но и очень печальные известия. Я тебе очень благодарен за объяснения и вполне понимаю побуждения, заставившие тебя принять решение по поводу графа Шувалова. В то же самое время, могу тебя уверить, что я глубоко опечален тем, что лишаюсь милейшего Павла, бывшего е д и н с т в е н н ы м послом в Берлине, с которым я был действительно близок и который был моим «ami intime» (близким другом), насколько вообще не-германец может претендовать на такое звание. Я, несомненно, буду очень сожалеть о нем. Он вполне заслуживает похвал, которыми ты наделяешь его в своем рескрипте, и никто лучше его не мог бы поддерживать близкие и дружественные отношения между нашими дворами и народами. Я надеюсь и верю, что лицо, которое ты изберешь его заместителем, будет способно вести дело с той же правдивостью и искренностью, с какою вел его Шувалов; ведь взаимные отношения наших двух стран покоятся на освященных преданием основах, совершенно отличных от тех, на которых зиждутся взаимные отношения с другими нациями, и оказывают сильное влияние на весь мир. По определенно выраженному твоим доро-

гим отцом желанию, я заменил Швейница Вердером. Если мне также будет разрешено высказать мое желание, то я бы выбрал заместителем, если возможно, Палена, Рихтера или Стааля.

Теперь позволь мне пожелать счастливого нового года тебе вместе с дорогим ангелом Алисой, и да будет этот год годом мира и счастья! Мой рождественский подарок, надеюсь, займет тебя—это альбом с видами «Fahnenweihe» (освящения знамен) в Берлине. В надежде на то, что нам удастся в этом году где-нибудь встретиться, остаюсь горячо любящий тебя друг

Вилли.

3.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 7/II 1895.

Милейший Ники.

Надеюсь, что Еглоффштейн доставит тебе весь фарфор в целости. Ему поручено приготовить стол для обеда на 50 персон, так чтобы ты мог видеть весь эффект. Надеюсь, что мой завод сделал все возможное, чтобы удовлетворить твои вкусы, и что мой подарок будет полезен вам обоим.

С тех пор, как миновали печальные недели, выпавшие на твою долю, многое произошло в Европе. Ты потерял превосходного старого слугу твоих предшественников— старика Гирса—очень хорошего человека, которого я глубоко ценил. Франция внезапно переменила и своего главу и свое правительство и амнистией открыла двери всем преступнейшим злодеям, засадить которых стоило столько труда прежнему правительству [1]). Уже и здесь чувствуется, как это поощрило демократов и революционную партию. Мой рейхстаг держит себя из рук вон скверно, колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами—католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать [2]).

В Англии министерство плетется к падению, сопутствуемое насмешками всех [3]). Словом, всюду требуется, чтобы «principe de la monarchie» (монархическое начало) проявило свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах [4]). Это было очень кстати и повсюду произвело глубокое впечатление.

Я пригласил все европейские правительства прислать на открытие нашего канала в конце июня военные суда в Киль.

Надеюсь, что твой флот будет тоже представлен одним или двумя судами.

Мое почтение твоей мама и привет Алисе.

Твой горячо любящий тебя друг *Вилли.*

4.

Телеграмма Вильгельма.

5 апреля 1895 г.

Только что получил через мое министерство иностранных дел копию посланных тобой в Токио распоряжений, касающихся китайского вопроса [5]). Я немедленно отправил моему посланнику в Токио инструкцию действовать согласованно с твоими распоряжениями. Очень рад, что могу быть тебе полезным в таком интересном и серьезном вопросе иностранной политики.

Виллиам.

5.

Телеграмма Николая.

Подана 5/17 апреля 7 час. 40 мин. вечера.

Очень рад и признателен тебе за поддержку нашего решения на Дальнем Востоке. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

6.

Телеграмма Вильгельма.

С/18 апреля 1895 г.

Германский адмирал, командующий крейсирующей в водах Китая эскадрой, получил приказ сконцентрировать свои суда в порту Северного Китая и завязать сношения с русским адмиралом.

Был бы очень благодарен тебе, если бы ты не отказал предписать своему адмиралу сообщить нашему свое местопребывание, а также заранее уведомлять меня о тех действиях, которые ты желал бы предпринять, чтобы я мог дать своему адмиралу соответствующие инструкции.

Виллиам.

7.

Телеграмма Николая

Дам приказ нашему адмиралу войти в сношение с германским, но сильно надеюсь, что наша интервенция кончится миром.

Н.

На подлиннике приписано Н. Романовым синим карандашом: «В. К. Алексей Александрович об этом уже все знает от меня».

8.

Письмо Вильгельма.

Кальтенброни-Шварцвальд, 26/IV 1895.

Милейший Ники.

Князь Радолин едет скоро в Петербург, и я посылаю тебе с ним эти строки. Это мой близкий, испытанный друг, проявивший себя на деле во время краткого царствования моего папа, когда, будучи министром двора (Chief of the Household), он упорно сопротивлялся всяким попыткам интриг, откуда бы они не исходили. Ты можешь относиться к нему с полным и безграничным доверием, так как сдержанность его вошла в поговорку. Он жаждет сделать все возможное, чтобы угодить нам обоим и укрепить традиционные узы, уже почти столетие связывающие наши семьи и страны. Он ненавидит поляков и интересуется ими не больше, чем какими-нибудь туземцами Сандвичевых островов.

От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии. Давно пора приступить к энергичным действиям, они должны произвести прекрасное впечатление как в самой Японии, так и повсюду. С полной очевидностью обнаруживается, как важно нам быть заодно, и то обстоятельство, что Франция примкнула к нам обоим, показывает, что существуют общие основные интересы, на основе которых в с е европейские нации могут объединиться для совместных действий на пользу всех *). Пусть только прочнее укрепится убеждение, что такое совместное действие возможно без того, чтобы

*) См. прим. 5.

была затронута чья-либо национальная честь,—тогда, без сомнения, страх перед европейской войной постепенно рассеется.

Твои добрые пожелания и ценные сообщения, доставленные мне через Остен-Сакена, при посредстве графа Эйленбурга в Вене, являются превосходным доказательством твоей верности и откровенности по отношению ко мне. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке. Ибо несомненно, что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником. Ты прекрасно понял это указание свыше и быстро уловил момент; это будет иметь огромное политическое и историческое значение и наилучшие последствия. Я с интересом буду ожидать дальнейшего развития нашего дела и надеюсь, что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не «стеснит» тебя. Я боюсь, что из-за норвежцев, которые пришли в состояние, близкое к сумасшествию [6]), мое летнее путешествие у берегов Норвегии не состоится, и мне придется плавать у шведского берега в Балтийском море. Нельзя ли в таком случае устроить так, чтобы наши яхты встретились где-нибудь в удобном для тебя месте, и мы немного поболтали бы. Это было бы так хорошо. А теперь, милейший Ники, передай сердечный привет Алисе и глубокое почтение твоей мама от твоего преданного и любящего друга

Вилли.

P. S. Радолин вполне «eingeweiht» (посвящен) во все те мысли, которые я только что развивал тебе.

9.

Письмо Вильгельма.

Стора Сундби, 10/VII 1895.

Милейший Ники.

Во время своего путешествия в Швецию и вдоль ее берегов я оказался поблизости к твоим владениям и к твоему «buen retiro» (прекрасному уединению), и вот, находясь от

тебя на расстоянии одного короткого переезда, я не могу упустить случая, чтобы не отправить тебе несколько строк, потому что мне, к несчастью, не удастся встретиться с тобой на море. Позволь мне еще раз от всей души поблагодарить тебя за то, что ты прислал такие великолепные суда—они являлись достойными и могущественными представителями русского флота в Киле [7]). Алексей был воплощением любезности и веселости и всеми силами старался, чтобы наше общение с нашими русскими товарищами не оставляло желать ничего лучшего. Твое любезное разрешение включить его в состав нашего флота чрезвычайно льстит нашим офицерам и, кажется, доставило ему удовольствие. Мне удалось поговорить об очень важном вопросе (по поводу Восточно-Азиатских дел) с Алексеем и с его старым добрым бароном Шиллингом, большим другом моего деда. Я думаю, что он уже сообщил тебе об этом. Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Что Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; что если Россия занялась этим гигантским делом,—то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно и тебе не грозила бы опасность в тылу; и что, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе, в то время, как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом.—Все это так же бесспорно, как «аминь» в церкви (as sure as amen in church).

Случилось одно происшествие, о котором, мне кажется, я должен сообщить тебе, так как я уверен, что произошло оно без ведома Алексея, а, став известным среди нашего офицерства, оно произвело очень неприятное впечатление. На борт «Грозящего»—судно, на котором я п р и г л а с и л адмирала Скрыдлова и его капитанов пройти канал, тайным образом были приняты два инженерных офицера, о присутствии которых ничего не было заявлено нашим властям. Старший был полковник Бубнов. Офицеры эти вместе с лейтенантом, специалистом этого дела, имевшим большой фотографический аппарат, все время делали снимки с наших фортов и баттарей, заметки и рисунки, и наконец—когда Скрыдлов заметил, что мой морской атташе был очень удивлен, увидя на судне совершенно незнакомых людей,—они были ему представлены, как два управляющих водными

работами и водными путями. В Киле поведение Бубнова сделалось настолько подозрительным, что полиция и жандармы стали за ним следить. Он ходил переодетым в статское платье и шатался вокруг укреплений, что иностранцам строжайше воспрещается.

Я полагаю, что не совсем красиво, будучи приглашенным в качестве гостя и присутствуя на празднике в чужой стране, открывшей вам гостеприимно двери и пустившей вас в свою военную гавань, злоупотреблять гостеприимством, шпионя у своего друга, да еще надевая при этом личину. Последствием этого будет то, что к русским военным судам будут относиться с большим недоверием, и создается тягостное настроение, о котором я очень сожалею и которое я надеюсь преодолеть. Извини, пожалуйста, что я пишу тебе об этом, но я считаю, что лучше сказать тебе это прямо, вместо того, чтобы писать дипломатические ноты и т. д., потому что ты знаешь, каковы мои чувства по отношению к тебе и России. Всякое затруднение, которое могло бы помешать сближению наших стран, я хочу устранить прежде, чем оно пустит корни.

Прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и тебе.

С пожеланием спокойного лета и появления хорошенького маленького мальчика.

Верь мне, дорогой Ники,
всегда твой горячо любящий друг и кузен

Вилли.

10.

Письмо Вильгельма.

Охотничий дом Роминтен, 26/IX 1895.

Милейший Ники.

Мой дядя канцлер, рассказывая мне, как любезно и мило ты его принял, признался, что ты прямо пленил его своим обращением, а твое знакомство с политическим положением и спокойная манера судить о важных вопросах произвели на него глубокое впечатление. Он передал мне также, что ты выразил желание, чтобы я поддерживал завязавшуюся между нами переписку и писал тебе, когда найду это нужным. Я делаю это с удовольствием. Положение дел на Дальнем Востоке дало тебе случай поговорить об этом с моим дядей, и я благодарю тебя за то, что ты так любезно отозвался о моем сотрудничестве с Россией и коснулся вопроса об угольной станции. Развитие Дальнего Востока

и особенно кроющаяся в нем для Европы и нашей христианской веры опасность сильно занимали меня со времени наших первых совместных шагов весной. Наконец, мысли мои вылились в определенную форму, и я набросал их на бумагу. Вместе с одним художником—первоклассным рисовальщиком—я разработал этот набросок, и закончив его, выгравировал его для того, чтобы сделать его доступным всем. На картине представлены европейские державы в виде гениев, которых посланный с неба архангел Михаил призывает о б ъ е д и н и т ь с я во имя защиты креста, для сопротивления вторжению буддизма, язычества и варварства. Специально подчеркивается о б ъ е д и н е н и о е сопротивление в с е х европейских держав, необходимое также против наших общих внутренних врагов: анархизма, республиканизма, нигилизма. Я решаюсь послать тебе одну такую гравюру и прошу ее принять, как знак моей горячей и искренней дружбы к тебе и России. Среди этих мирных занятий и спокойной охоты свалилось на меня поразительное известие из Парижа, что бюджетная комиссия французской палаты депутатов при обсуждении военного бюджета предложила отозвать XIX корпус (Алжир и Тунис) и образовать н о в ы й континентальный корпус н а м о е й з а п а д н о й г р а н и ц е! Подобное предложение было сделано раньше только один раз, в 1870 г., когда Франция воевала с нами. Подобный проект во времена полнейшего мира явился для Германии громовым ударом и возбудил сильнейшее беспокойство. Чувство это было тем сильнее, что предложение это стало известным тотчас после того, как князь Лобанов и ген. Драгомиров официально присутствовали на смотре французской «пограничной армии», на границе Лотарингии среди бешеных восторгов «пограничных жителей» [8]). Армия эта, как нам о том в течение целого ряда недель твердят французские газеты, предназначается для первого удара на наши пограничные земли в случае войны реванша. Эта армия состоит из 4 корпусов против 2-х—(XV и XVI). Предполагаемый новый корпус увеличит и без того уже подавляющие французские силы до 5 корпусов и является угрозой и серьезной опасностью для моей страны. Конечно, я должен отнестись к этому делу очень серьезно. В то время, как твои офицеры получают знаки отличия, и Лобанову устраиваются овации, до ушей моего атташе доносятся далеко нелестные замечания; все это создает здесь тягостное настроение и производит впечатление, что Россия отнеслась бы сочувственно к тому, если бы Франция, в расчете на помощь России, напала на Германию. Эта серьезная опасность заставит меня значительно

увеличить мою армию, для того чтобы быть в состоянии противустоять такому страшному неравенству сил. Хотя это будет для нас очень тяжелым финансовым бременем, народ мой ни на минуту не поколеблется перед необходимостью обеспечить свою безопасность. Я прекрасно знаю, что ты лично и не думаешь нападать на нас, но ты не можешь, однако, удивляться тому, что европейские державы встревожены, видя как о ф и ц и а л ь н о е присутствие твоих офицеров и высших сановников во Франции разжигает страсти пылких французов и способствует делу шовинизма и реванша.

Видит бог, что я делал все от меня зависящее, чтобы сохранить в Европе мир, но если Франция, открыто или тайно подстрекаемая к этому, будет продолжать своим поведением так нарушать и правила международной вежливости, и самый мир, то в один прекрасный день, мой дорогой Ники, ты очутишься nolens-volens (волей-неволей) внезапно втянутым в самую страшную войну, какую когда-либо видела Европа! И народные массы, а даже, быть может, и сама история укажут на тебя, как на причину этой войны. Не сердись, пожалуйста, если я, совершенно того не желая, огорчаю тебя, но я считаю своим долгом перед нашими странами и перед тобой, моим другом, писать тебе об этом совершенно откровенно. Твое уединение, по случаю глубокого траура, препятствует тебе видеть людей и мешает следить в подробностях за тем, что происходит за к у л и с а м и.

У меня есть некоторый политический опыт, и я вижу совершенно неоспоримые симптомы и спешу поэтому выступить перед тобой, моим другом, в качестве защитника мира в Европе. Если ты «плохо ли, хорошо ли» состоишь в союзе с Францией,—прекрасно, держи тогда этих проклятых мерзавцев в повиновении, заставь их сидеть смирно,—если нет, не допускай, чтобы твои люди ездили во Францию и уверяли бы французов в том, что вы союзники, и легкомысленно кружили бы им головы до потери рассудка, иначе нам придется воевать в Европе вместо того, чтобы биться за Европу против Востока!

Подумай о страшной ответственности за жестокое кровопролитие.

Ну прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и верь, что я всегда твой преданный и верный друг и кузен.

Вилли I. R.*

*) Imperator Rex.

11.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец Потсдам, 25/X 1895.

Милейший Ники.

Чрезвычайно обрадовавший нас неожиданный приезд дяди Миши, который только что позавтракал с нами, доставляет мне приятный случай горячо поблагодарить тебя за твое письмо, привезенное сюда Мольтке. Последний всецело находится под впечатлением твоей любезности и прямо восхищен тобой и твоим обращением. Твои идеи о печати в общем совершенно сходятся с моими. Она сделала и все еще продолжает делать массу зла, и нам приходится выносить огромное количество злобы, лжи и вздора. Все же влияние, которым, horribile dictu (страшно сказать), печать пользуется, приходится оценивать в зависимости от духа народа различных рас. Твои и мои подданные мыслят медленнее, в суждениях своих они трезвее и спокойнее, чем, например, южане или французы. Романские и галльские расы гораздо легче возбудить, они скорее бросаются навстречу опасности, и раз они возбуждены, то представляют для мира гораздо бо́льшую угрозу, чем тевтонская или русская расы. В Англии печать более выражает общественное мнение, чем на континенте, и более защищает интересы своей страны!

Мне было очень интересно принять Лобанова: он безусловно очень способный дипломат и блестящий собеседник. То, что он мне рассказал о Франции, было «sehr beruhigend» (очень успокоительно). Я счел, что о Франции можно с ним говорить с полной откровенностью, так как он сказал мне, что ты обсуждал с ним этот вопрос. Касательно одного пункта мне было трудно разъяснить ему, что я не хотел бы быть понятым неправильно. Именно, что неприятен не самый факт хороших отношений (rapport) или дружбы между Россией и Францией,—всякий государь является единственным хозяином интересов своей страны и сообразно этому ведет свою политику,—а та опасность, которая кроется для нашего монархического принципа—в форме, в которой эта дружба проявляется. Республика как бы возносится на пьедестал. Постоянное появление коронованных особ, великих князей, государственных деятелей, генералов в полной парадной форме на смотрах, похоронах, обедах, скачках вместе с главой республики или с его свитой, позволяет республиканцам, как таковым, воображать, что они совершенно порядочные, прекрасные люди, с которыми корono-

ванные особы могут быть на равной ноге. Каковы же последствия от этого у нас дома? Республиканцы—революционеры de natura (по существу), и с ними совершенно правильно обращались, как с людьми, которых следует расстреливать или вешать. Теперь они говорят нашим другим, лояльным подданным: «О! мы совсем не дурные и не опасные люди. Посмотрите на Францию! Вы видите, что там их величества за панибрата с революционерами! Почему бы не быть этому и у нас?» R. F. (Французская Республика) происходит от великой революции, проповедует ее идеи и должна это делать. Не забывай, что Фор—это не его личная вина—сидит на троне короля и королевы Франции божьей милостью, головы которых отрублены французскими республиканцами! Кровь их величеств все еще лежит на этой стране. Посмотри на нее, была ли она с тех пор когда-либо счастлива и спокойна. Не шла ли она от кровопролития к кровопролитию? А в периоды своего величия разве не шла она от войны к войне, пока не залила всей Европы и России кровью. Пока, наконец, не дошла опять до коммуны. Ники, даю тебе слово—божье проклятье вовеки тяготеет над этим народом. На нас, христианских королях и императорах, лежит священный долг, возложенный на нас небом, именно—поддерживать принцип «божьей милостью». В хороших отношениях с R. F. мы можем быть, но быть с ней близкими—никогда. Я всегда боюсь, что благодаря частым и продолжительным поездкам во Францию люди, сами того не чувствуя, пропитываются республиканскими идеями. Вот тебе пример: несколько лет тому назад, один господин—не германец—с ужасом рассказывал мне, что в одном фешенебельном салоне в Париже он слышал, как русский генерал на вопрос, разобьет ли Россия германскую армию, ответил: «О, конечно, нас разобьют вдребезги, но что же из этого? Тогда у нас будет республика». Вот чего я боюсь для тебя, мой дорогой Ники. Не забывай Скобелева, развивавшего как-то раз за обедом свой план похищения сразу всей императорской семьи! [9]). Поэтому следи зорко за тем, чтобы твои генералы не слишком увлекались бы R. F.

Прости мою откровенность, но мне хочется, чтобы ты видел, как горячо я тебе сочувствую,. как безпокоюсь о тебе, и хорошо понимал, каковы мои побуждения.

Затем были очень интересны новости, которые сообщил мне Лобанов о Турции,—а именно, будто у него есть все основания подозревать, что Англия метит на Дарданеллы. А поэтому снова всплыл армянский вопрос [10]). От таких новостей я, признаюсь, остолбенел. Нет никакого сомнения, что с того времени, как вступил в должность Салисбери,

иностранная политика Англии стала совершенно таинственной и непонятной [11]), а необычайный способ, каким английский флот угрожающе собрался вокруг Дарданелл, показывает, что они там что-то замышляют. Но в таком случае они нарушили бы Берлинский трактат, чего без разрешения всех прочих, подписавших договор, держав, им сделать не позволят, а те такого разрешения никогда не дадут. Но, повидимому, англичане намерены так или иначе изменить свою политику в Средиземном море, так как два дня тому назад Малет, во время своего прощального визита в наше министерство иностранных дел, говорил в очень хвастливом тоне о том, что Германия в Африке плохо ведет себя по отношению к Англии, что дальше так продолжаться не может, и что, подкупив Францию уступками в Египте, Англия может обратить свое внимание на нас. У него даже хватило бестактности употребить слово: «война». Он сказал, что Англия не остановится перед войной против меня, если мы не сократимся в Африке. Я дал ответ в том смысле, что англичане в этом случае ставят себя в смешное положение и становятся неприятными всем, и что если они из-за этого столкнутся с кем бы то ни было, то я на помощь им не двину ни одного померанского гренадера. Мне кажется, это их охладит. Я так и сказал Лобанову. Кроме того, я сказал ему, что если Россия будет иметь серьезные затруднения на Востоке, то я считаю своим долгом защищать ваш тыл в Европе против кого бы то ни было и следить, чтобы все было спокойно; что же касается Франции, то с моей стороны ей не грозит ничего, предполагая, конечно, что на меня не нападут. Он меня горячо благодарил за это. Я разделяю его опасения, что у Японии имеется какое-то соглашение с Англией, и что потому-то она так и упорна. Позволь мне, прежде чем кончить письмо, выразить тебе мое горячее сочувствие по поводу приближающегося первого ноября. Один бог может смягчить горе, наполняющее твое сердце скорбью о твоем милом отце, о таком прекрасном и хорошем человеке, столь походившем на моего бедного папа! Позволь мне высказать тебе то, что у меня теперь на сердце. Принимая во внимание наши близкие отношения и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы итти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял

в мой maison militaire [12]) кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтке? Пока не буду тебя долее беспокоить. Прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и «будущему» и верь, что я всегда

твой преданнейший и любящий друг и кузен.

Вилли.

12.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 2/I 1896.

Милейший Ники.

Возвращение Радолина в Петербург дает мне случай послать тебе несколько строк. Позволь от всей души поблагодарить тебя за многократно проявленные тобой по отношению ко мне и моей стране расположение и дружбу, которые внушают чувство спокойствия и уверенности, и которых я прошу у тебя для нас и в наступающем году.

Вместе с горячими пожеланиями к новому году и к рождеству я возношу за вас свои молитвы; да благословит и да сохранит бог от всякого зла, печали и болезни тебя, милую Алису, ваше прелестное дитя и всю вашу семью. Да будет царствование твое счастливым, и да увидишь ты исполнение многочисленных планов, выработанных тобой на благо подданных. Да будут страны наши объединены, как и прежде, для дела упрочения и поддержки мира и защиты их веры и интересов против всех внешних и внутренних врагов.

Политический горизонт в настоящий момент неясен. Англией поставлены и требуют разрешения армянский вопрос *) и вопрос о Венецуэле [13]), а теперь вдруг на Трансваальскую Республику произведено самое гнусное нападение [14]), как кажется, не без ведома Англии. Я заговорил в Лондоне очень суровым языком и возбудил в Париже вопрос о совместной защите наших интересов, которым грозит опасность, так как французские и германские колонисты, по собственному почину, объединились для помощи обиженным бурам. Надеюсь, что ты к этому отнесешься благосклонно, так как здесь поставлен вопрос о необходимости выполнить заключенные договоры; надеюсь, что все уладится. Но что бы там ни случилось, я никогда не позволю англичанам раздавить Трансвааль! Надеюсь, что ты имеешь

*) См. прим. 10.

более благоприятные известия от своего бедного брата, который, как я вижу, прибыл на Ривьеру.

Пожалуйста, передай мой сердечный привет Алисе; еще раз благодарю тебя за всю твою любезность по отношению к Штранцу и бывшим с ним. Верь мне, дорогой Ники, всегда твой нежно любящий кузен и друг

Вилли.

13.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 20/II 1896.

Милейший Ники.

Генерал Вердер имеет великое удовольствие и честь быть твоим гостем, и я поручаю ему это письмо. Позволь мне еще раз поблагодарить тебя от всей души за картину и за письмо, присланные к моему дню рождения. Внимание твое было и любезно и мило, так как открытие канала было делом, которое я принимал очень близко к сердцу, и которое, действительно, являлось успехом. Картину я отослал в Киль, где ее и повесят в моей собственной квартире, в которой жил твой дорогой оплакиваемый отец во время нашей последней встречи в Киле. Вердер передаст тебе также две фотографии. Одну тебе в воспоминание обо мне и другую для Алисы, чтобы показать ей, какова моя дочка. Она— настоящая ртуть и страшно тиранит своего папа.

Твое посольство запросило меня относительно моего представительства на коронации в Москве,—и я назначил своим представителем Генри. Я был бы очень благодарен тебе, если бы ты был так любезен выяснить вопрос об его месте. Как я слышал, твой церемонийместер сказал Радолину, будто бы Генри должен итти после всех н а с л е д н ы х германских великих герцогов и принцев, даже после сына князя Черногорского. Это, конечно, совершенно недопустимо. Мой дом, как дом, царствующий в Германии, является первым, и принцы, принадлежащие к нему, идут впереди сыновей ц а р с т в у ю щ и х о с о б в Германии. Я спрашивал об этом Владимира, когда он был здесь; он вполне согласен с этим и обещал мне поговорить об этом с тобою. Кроме этого, он (т.-е. Генри) ведь твой шурин и, как таковой, должен считаться принадлежащим к твоей семье, подобно тому, как это было с герцогом Эдинбургским во время коронации твоего папа.

Я видел тетю Санни в Ольденбурге, и когда она была здесь проездом. Она очень удручена медленной и мучитель-

ной смертью своей бедной сестры и страшно страдает от бессонницы, бедняжка.

Голубая книга в лондонском парламенте еще раз подтвердила, как правильна была твоя политика в Восточном вопросе, и как Англия старалась вовлечь и тебя и нас в затруднения. В Трансваале их coup de bourse (спекуляция), волей неба, потерпела неудачу, и хотя погибло несколько жизней, однако, удалось не допустить революции, кровопролития и массового грабежа. Отношение их ко мне было очень непристойным, но меня это оставляет совершенно равнодушным, а вот мобилизация их знаменитого летучего эскадрона против нас сделала их прямо смешными.

Ну прощай, милейший Ники. Сердечный привет Алисе и верь мне,

всегда твой преданнейший кузен и друг

Вилли.

14.

Письмо Вильгельма.

Кобург, 19/IV 1896.

Милейший Ники.

Здесь состоялась веселая свадьба, и лица многих гостей переносят меня на два года назад, в то время, когда на мою долю выпало счастье помочь тебе стать обладателем этого очаровательного и совершенного ангела, твоей жены. И другие тоже вспомнили апрель 1894 года, почему мы и сговорились послать тебе телеграмму. Смею думать, что я тогда не сказал и не пообещал тебе ничего такого, чего бы ты потом не нашел в своей супружеской жизни. Да будет благословенье божье на вас обоих, особенно в следующем месяце, когда ты будешь коронован пред лицом всего восхищенного мира. От всего сердца благодарю тебя за милое письмо, полученное мной через Вердера в тот день, когда я отправился в свое путешествие по Средиземному морю. Он был очень доволен своим пребыванием в Петербурге, где видел множество знакомых лиц. Я вполне согласен с тем, что ты говоришь в заключение своего письма об англичанах; их вызывающий тон по отношению к нам делает их до крайности смешными, а на меня не производит ни малейшего впечатления. Чем более они завязнут в Африке, тем лучше для нас в Азии. Ну, прощай, дорогой Ники, привет Алисе и пожелание всего хорошего от твоего преданного кузена и друга

Вилли.

15.

Письмо Вильгельма.

Летцлинген, 12/XI 1896.

Милейший Ники.

Владимир так любезен, что берет эти строки с собой, вручит их тебе и передаст тебе также мой сердечный привет. Я рад, что ты благополучно возвратился домой, и что твое блестящее путешествие по Европе не слишком утомило тебя.

Я крайне огорчен возмутительным поступком Бисмарка [15]). Хотя это «coup» (удар), направленный исключительно против меня лично, тем не менее, он является нарушением верности по отношению к твоему правительству и пятнает память как моего дорогого деда, так и твоего дорогого отца. Я уже дал наставления моему дяде канцлеру, как говорить в парламенте, и надеюсь, что ты будешь удовлетворен нашим отношением ко всей этой предательской истории. Я полагаю, что этот последний удар князя и бесстыдная манера, с какой говорится обо мне в его прессе,—особенно попытка уверить народ, что я был и все еще нахожусь под «а н г л и й с к и м»(!) влиянием,—помогут более ясным головам понять, что я был прав, удалив от дел этого своевольного человека с его низким характером. Я твердо убежден, что ты будешь доверять мне, как это было до сих пор, и что между нами ничто не изменилось и не может измениться после того, как мы в Бреславле установили линию нашего поведения. Владимир вернулся из Парижа, убежденный, что там все спокойно. Я могу подтвердить то же самое, основываясь на отчетах моего посла, который находится в наилучших отношениях с правительством и в восторге от способностей и хладнокровия Ганото. Последний несколько обеспокоен по поводу Турции, но, по моему мнению, без достаточного основания, так как ничего тревожного я оттуда не слыхал. Ганото, как я слышал, решительно против созыва какой-бы то ни было конференции о Турции, и в этом отношении он совершенно прав.

На нашей границе в Литве мы открыли и локализировали много случаев проказы. Кто-то занес заразу из соседних мест Балтийских провинций. Я приказал построить в Мемеле госпиталь, чтобы поместить туда несчастных. Это ужасная и очень заразительная болезнь, и я спрашиваю тебя не могли ли бы наши пограничные власти сообща наблюдать и предупреждать случаи этой болезни, назначив несколько докторов для медицинского надзора.

У нас прекрасный спорт и отличная погода, и мы были очень рады видеть Владимира здесь на его прежнем месте.
Сердечный привет Алисе.

Твой любящий друг и кузен

Вилли.

16.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 3/III 1897.

Дорогой Ники.

Согласно твоему благосклонному разрешению полковник ф. Мольтке будет иметь честь через несколько дней засвидетельствовать свою преданность своему царственному шефу. Это дает мне повод послать тебе в эти трудные дни несколько дружеских строк. Я глубоко благодарен тебе за то, что ты так лойяльно, ясно, как истинно государственный человек, понял суть этого несчастного критского дела [16]), и горжусь тем, что наши воззрения на этот вопрос вполне совпадают. С точки зрения «семейной» тебе пришлось пережить минуты, которые явились серьезным испытанием для твоих чувств, и твое решение поступить так, как поступил ты, сложилось, вероятно, после продолжительной и мучительной внутренней борьбы. Но ты вполне прав. И ты видишь по последствиям, что твое «démarche» (выступление) объединило все державы (добровольно или нет) в одной общей демонстрации, и я надеюсь, что это упрочит европейский мир. Ты еще раз показал всему миру, что если три великих империи «marchent d'accord» (действуют согласно), и к ним присоединятся другие крупные континентальные государства, т.-е. если весь континент заодно, то остальной мир д о л ж е н следовать за нами, даже наиболее сильные! Греческий король должен быть прямо сумасшедшим, если он не прекратит своих безумных попыток поджечь весь мир «pour y allumer sa pipe» (для того, чтобы зажечь свою трубку). Я рад, что турки так рассудительны и вводят в Македонию сильные войска: в ней скрыта большая опасность, и спокойствие в ней надо поддерживать всеми средствами.

Я посылаю тебе с Мольтке несколько моментальных снимков с парада, после того как твои ленты были прикреплены к знаменам Александровского полка. Мольтке передаст тебе также труд, посвященный моему дорогому деду и выпущенный к столетию дня его рождения. Его прекрасные письма и речи являются наилучшей его характеристикой.

Наш бал прошел очень удачно и оставил впечатление чего-то сказочного, как грезы о давно прошедших днях.

Ленты, которые я собираюсь послать моим гренадерам, готовы, и я был бы очень благодарен тебе, если бы ты сообщил мне, могу ли я сам передать их, или ты считаешь, что лучше послать их с нашими офицерами. Ну, сердечный привет Алисе, которая, я надеюсь, скоро будет совсем здорова.

Верь мне, всегда твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

17.

Телеграмма Вильгельма *).

На германскую католическую миссию в Чантуне было произведено китайцами неожиданное нападение, повлекшее за собой потерю жизней и имущества [17]). Так как католическая миссия находится под моим личным покровительством, я должен наказать этих китайцев. Надеюсь, что согласно нашим личным переговорам в Петергофе, ты одобришь переход моей эскадры в Кио-Чау для того, чтобы оттуда действовать против мародеров, это единственно удобная гавань, а я обязан показать католической партии в Германии, что я в состоянии защитить их. Наказание необходимо, и принесет пользу всем христианам.

18.

Телеграмма Николая **).

26 октября 1897 г.

Очень благодарен тебе за личное предупреждение. Сожалею о нападении, произведенном китайцами на католическую миссию, находящуюся под твоим покровительством. Не могу одобрить или неодобрить твоего распоряжения направить германскую эскадру в Кио-Чау, так как недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895—96 г.г. Боюсь, что строгие меры наказания могут вызвать тревогу и неспокойное настроение на Дальнем Востоке и, возможно, еще более увеличат пропасть между христианами и китайцами.

(Подписано) *Ники.*

---

*) Телеграмма печатается с копии, хранящейся в Секретном архиве министра за 1897 г., и имеет следующие надписи: «Петербург из Царского Села министру иностранных дел, 26 октября 1897 г. Я только что получил от императора германского телеграмму следующего содержания:» следует текст телеграммы и дальше слова «(подп.) Николай».

**) Телеграмма печатается с копии, найденной в Секретном архиве министра ин. дел.

19.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 4/I 1898 г.

Милейший Ники.

Только что наступил новый год и закончился старый. Но, при окончании его, я не могу не вспомнить о прелестных, блестящих днях августа, когда я мог обнять тебя и Алису, и не поблагодарить тебя за твое ласковое, великолепное и даже чрезмерное гостеприимство по отношению ко мне и Виктории. С глубоким чувством благодарности я вспоминаю о приятных часах, которые я мог провести с тобой в беседах, выяснивших, что у нас обоих одни и те же основные взгляды на то, как следует выполнять задачу, возложенную на нас царем всех царей. Каждый из нас старается сделать все возможное для развития и благосостояния своей страны. Это его долг! А сообща мы прилагаем все усилия, чтобы обеспечить нашим странам благословенный мир!

Пусть этот новый год будет счастливым годом для тебя, для дорогой Алисы и для всего твоего дома и страны. Пусть осуществятся все твои планы, которые ты разрабатываешь для блага своего народа. Поручение, данное Генриху *), имеет целью поддержать твои возвышенные идеалы (без которых не может существовать ни один властитель) в деле поощрения цивилизации, т.-е. христианства, на Дальнем Востоке. Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди евангелия, истины и света на Востоке. Я сделал этот набросок на рождественской неделе при сиянии елочных огней.

Посылаю также альбом фотографий, изображающих смотр, произведенный перед новым штандартом твоего гусарского полка в день твоего рождения в Висбадене, и присягу рекрутов твоего прекрасного Александровского полка, а также вид их лагеря. Книгу воспоминаний графа Веделя, оберштальмейстера моего отца, я пришлю тебе в скором времени, потому что сейчас не готов еще переплет. Он служил при Наполеоне I в 1812 г. в России, был взят в плен вашими войсками и очень интересно рассказывает о походе и о своем плене. Виктория шлет свои лучшие пожелания; она

*) См. прим. 17.

довольно долго пролежала в постели—очень страдала нервами, у нее болело горло, и только сегодня она встала в первый раз. Она была очень измучена болезнью двух младших детей, у которых была свирепствующая здесь инфлюэнца; они пролежали в постели около месяца.

Ну, прощай, милейший Ники. Сердечный привет Алисе и глубочайшее почтение твоей дорогой мама от твоего преданного и верного друга и кузена

Вилли.

20.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 28/III 1898 г.

Милейший Ники.

Генерал фон-Вердер привез мне от тебя и от Алисы привет из Петербурга, при чем сиял от удовольствия при воспоминании о проведенных там днях, которые ты, по обыкновению, постарался сделать приятными. Благодарю тебя от всего сердца за все, что он передал мне от тебя—излишне говорить, что я от всей души шлю тебе те же пожелания. Милый старый генерал является не только дорогим остатком старины,—это человек, по убеждениям своим твердо и глубоко преданный тебе и твоему дому; поэтому для меня он—живое воплощение старых преданий, соединявших всегда наши семьи на пользу наших стран, а через это на пользу всего мира.

Я от всей души поздравляю тебя с достигнутым тобой у Порт-Артура успехом [18]); мы вдвоем будем хорошими стражами при входе в Печилийский залив и внушим к себе достодолжное уважение, особенно желтым.

Мастерское соглашение в Корее [19]), которым тебе удалось успокоить чувства сердитых японцев, я считаю замечательным образцом дипломатии и предусмотрительности; какое это было счастье, что благодаря своему великому путешествию ты на месте смог изучить вопрос Дальнего Востока; теперь, собственно говоря, ты хозяин Пекина.

Радолин передал мне твой очень интересный разговор о Китае и твое желание поставить инструкторов в те области, которые считаются состоящими под русским влиянием. Я приготовил приказ германским офицерам, но не мог выпустить его из-за того, что нельзя было точно определить границу территории, не отметив ее на карте. Маленькая черта, проведенная тобой на клочке бумаги, успокоила бы меня,

потому что мне было бы в высшей степени неприятно, если бы, по недоразумению, офицеры, без всякой вины со своей стороны, перешли бы на русскую территорию единственно из-за отсутствия действительной, точно установленной пограничной линии. Та мысль, которую стали распространять в прессе с того берега канала, мысль о том, что китайские дела должны решаться на международной конференции, встретила здесь с моей стороны суровую отповедь, потому что я сейчас же понял, что это было скрытой попыткой связать тебе руки на Дальнем Востоке, тогда как, по моему мнению, твои отношения к нему прежде всего твое дело и вовсе не касаются других народов.

От Генри я получил хорошие вести, он в Гонконге, где чинится его судно. Он дружески встретился с «Сысоем Великим» и «Наварином» в К о л о м б о, и они в полном согласии плавали несколько дней вместе, к великому удивлению н е к о т о р ы х! Гм-гм! Это и забавляет меня и доставляет мне удовольствие, как русскому адмиралу. Полковник фон-Мольтке, мой адъютант и командир твоих «александровцев», передаст тебе это письмо и вместе с ним ящик с двумя охотничьими ружьями малого калибра, большой меткости и очень дальнобойными. Я надеюсь, что они сослужат тебе хорошую службу и помогут тебе убить много прекрасных «матерых оленей!» Ну, прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и Weidmannsheil (привет охотника) от твоего горячо любящего и преданнейшего друга

Вилли.

21.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 30/V 1898 г.

Частное и *о ч е н ь к о н ф и д е н ц и а л ь н о е.*

Милейший Ники.

Совершенно внезапно и для меня неожиданно я должен принять очень серьезное решение, имеющее для моей страны огромную важность; последствия его могут зайти так далеко, что я совершенно не могу их предвидеть. Ты, конечно, согласишься сам, что в отношениях, касающихся наших двух домов и стран, я всегда хранил традиции, в которых воспитал меня мой дед, хранил как его священное наследие и льщу себя надеждой, что моя верность в отношении тебя и твоей семьи выше всяких подозрений. Поэтому я и обращаюсь к тебе, как к другу, которому все поверяешь, чтобы изложить тебе

суть дела, как человек, ожидающий честного и откровенного ответа на честный и откровенный вопрос.

В начале апреля сыпавшиеся до того времени со стороны британской печати и британского народа на мою страну и на меня лично нападки внезапно прекратились, и, как ты это сам, вероятно, заметил, наступило временное затишье. Нас это несколько удивило, и мы не могли уяснить себе, в чем дело. Частным образом я узнал, что ее величество, сама королева, через одного своего друга дала понять британским газетам, что ей желательно прекращение подлой и предательской потехи. Это «в стране свободной печати»! Такой необычайный шаг, конечно, заставил нас притти к заключению, что что-то носится в воздухе. Около пасхи один видный политический деятель proprio motu (по собственному почину) вдруг пригласил моего посла и прямо предложил ему заключить с о ю з н ы й д о г о в о р с Англией! Крайне удивленный граф Гатцфельд сказал, что ему неясно, как это может быть после всего того, что произошло между нами с 95 года? В ответ было сказано, что предложение сделано совершенно серьезно и искренно. Посол ответил, что передаст, но что он сомневается в том, чтобы парламент такой договор ратифицировал,—ведь Англия до сих пор давала понять всем, кто только хотел ее слушать, что она никогда, ни в каком случае не заключит союза ни с одной из континентальных держав! [20]) Потому что она желает сохранить за собой свободу действий. В 1897 г. (юбилейный год) принцип этот нашел себе даже выражение в стихах, где говорится, что Англия не нуждается в союзниках и может, если понадобится, сражаться против целого мира одна, а припев гласит: «We've got the ships, we've got the men, we've got the money too»! (мы обладаем кораблями, мы обладаем людьми, мы обладаем также и деньгами). В ответ на это нам возразили, что точка зрения теперь совершенно изменилась (?), результатом чего и является данное предложение. После пасхи запрос был возобновлен в с п е ш н о м п о р я д к е, но по моему приказу на него ответили холодно, с промедлением и неопределенно. Я полагал, что дело кончено. Теперь, однако, запрос возобновлен в третий раз и в форме очень определенной, при чем окончательный ответ требуют от меня в о ч е н ь к о р о т к и й с р о к, и сверх того, запрос сопровождался такими огромными предложениями, обещающими широкую и великую будущность моей стране, что я считаю своим долгом перед Германией основательно обдумать свой ответ. И вот, прежде чем сделать это, я прямо и откровенно обращаюсь к тебе, мой уважаемый друг и кузен, и сообщаю тебе об этом, так как я

чувствую, что это, так сказать, вопрос жизни и смерти. Мы оба мыслим одинаково, мы желаем мира и мы его до сих пор поддерживали! Какова цель союза, ты поймешь хорошо, так как мне сообщено, что он должен быть заключен с Тройственным союзом, с присоединением к нему Японии и Америки, с которыми уже открыты предварительные переговоры! Ты можешь сам вообразить, какие тут заключаются возможности, в зависимости от того, откажемся ли мы или примем это предложение! Так вот, мой старый и верный друг, я прошу тебя, скажи мне, что ты можешь предложить мне и что ты сделаешь, если я откажусь? В этом трудном положении, прежде чем я приму окончательное решение и дам ответ, необходимо, чтобы мне было все ясно, а потому и предложения твои должны быть ясны, открыты и без каких-либо задних мыслей, чтобы я, согласно с моим долгом, мог обсудить и взвесить в своем уме и перед богом, что нужно для поддержания мира, для блага моего отечества и всего мира. Относительно своей союзницы ты не беспокойся, ей будет отведено подобающее место в комбинации, согласно твоему желанию, каково бы ни было твое предложение. Отправляя это письмо, милейший Ники, я вполне полагаюсь на твое молчание и скромность в отношении всех и каждого и пишу совершенно так же, как и в старые времена мой дед написал бы твоему прадеду Николаю I! Да поможет тебе бог притти к правильному решению! Это для будущего поколения! Но время не терпит, и, я прошу, отвечай поскорее.

Твой преданный друг

Вилли.

P. S. Если ты пожелаешь где-нибудь со мной встретиться, чтобы переговорить словесно, я готов в любое время, на море или на суше!

22.

Письмо Николая.

Сердечно благодарю тебя за твое интересное и длинное письмо, содержание которого меня сильно удивило. Я тебе весьма признателен за лояльность и искренность, с которой ты, по обыкновению, спрашиваешь мое мнение, прежде чем решить какой-либо вопрос.

Три месяца тому назад, во время наших переговоров с Китаем, Англия вручила нам меморандум [21]), содержавший много з а м а н ч и в ы х предложений, пытаясь побу-

дить нас притти к полному соглашению по в с е м пунктам, где наши и ее интересы соприкасаются. Предложения эти носили столь необычайный характер, что я должен признаться, мы были поражены и даже их истинный смысл показался нам подозрительным; никогда еще Англия ничего подобного России не предлагала. Это нам ясно показало, что Англия в это время нуждалась в нашей дружбе, чтобы иметь возможность скрытым путем помешать нашему развитию на Дальнем Востоке. Мы, не задумываясь, отклонили ее предложение.

Двумя неделями позже Порт-Артур был наш. Как тебе известно, мы пришли с Японией к соглашению по поводу Кореи [22]), а с Северной Америкой у нас еще задолго до того установились прекрасные взаимоотношения. Я, право, не вижу причины, почему последняя обратилась бы вдруг против старых друзей только ради «les beaux yeux» (прекрасных глаз) Англии.

Мне очень трудно, если не совсем невозможно, ответить на твой вопрос: полезно ли будет для Германии принять эти часто повторяемые предложения Англии, ибо я не имею ни малейшего представления об их ценности. Ты, конечно, должен сам решать, что лучше и что более необходимо для твоей страны!

Германия и Россия издавна в мире, как добрые соседи, и, даст бог, останутся и впредь б л и з к и м и и л о я л ь н ы м и д р у з ь я м и. К счастью, между нашими государствами нет никаких политических трений, и наши интересы нигде не приходят в столкновение.

История с Кио-Чау служит прекрасным тому примером, и я в п о л н е у в е р е н, что так будет и впредь.

23.

Письмо Вильгельма.

Вильгельмсхее, 18/VIII 1898.

Милейший Ники.

Твое любезное разрешение послать милого старого Вердера в Москву, в качестве моего представителя на церемонию открытия памятника твоему дорогому деду *), даст мне возможность послать тебе с ним эти строки. Посылая его, я действую под влиянием чувства, а вовсе не из желания

*) Александру II.

просто соблюсти вежливость. От деда я часто слышал об Александре II, и, когда имел честь быть ему представленным, я быстро подпал под его «чары», как это случалось со всяким, кто имел счастье быть в его обществе. Его благосклонности я обязан тем, что ношу форму блестящего гренадерского полка, праздник которого сегодня, и это устанавливает крепкую связь между мной и твоей прекрасной армией, которую я буду ценить и любить до самой моей смерти.

Дипломатия твоя достигла только что нового крупного успеха в Китае [23]), и я позволю себе поздравить тебя, тем более, что сделано это было без единого выстрела и ненужного шума и похвальбы. Результатом будет сильный толчок в развитии вашей торговли и промышленных предприятий твоей страны. Генри только что телеграфировал мне, как любезно приняли его твои власти и как они всеми от них зависящими мерами стараются сделать его пребывание возможно приятнее; с удовольствием пользуюсь этим случаем, чтобы поблагодарить тебя от всего сердца.—Меня страшно поразил весь вздор, распускавшийся в европейских газетах по поводу моей поездки в Иерусалим [24]). Приходишь в отчаяние, видя, что чувство истинной веры, побуждающее христианина стремиться в ту страну, где жил и страдал наш спаситель, почти совершенно исчезло в так называемых высших классах XIX века, так что им приходится простое паломничество объяснять политическими мотивами. Что дозволено тысячам даже ваших низших крестьян, то должно быть дозволено и мне! С тех пор, как я писал тебе тогда в июне, Англия от времени до времени возобновляла переговоры с нами, но ни разу не раскрыла вполне своих карт. Насколько я понимаю, они стараются изо всех сил найти континентальную армию, которая стала бы сражаться ради их интересов! Я полагаю, им будет нелегко найти таковую,— по крайней мере это будет н е м о я! Их последний ход— это желание отвлечь от тебя Францию, и потому они внезапно решили послать герцога Коннаутского *) на маневры французской армии. Милый проектик Курселля, как я думаю, который усердно работает между Парижем и Лондоном. Я уже однажды предупреждал твоих относительно его! Ну, теперь прощай, милейший Ники. Как я завидую Вердеру, что он увидит тебя и будет с тобой говорить! Сердечный привет Алисе.

Ты хочешь ввести опять старую форму и пуговицы?

Верь мне, всегда твой любящий и преданнейший друг и кузен

Вилли.

---

*) Артура.

24.

Письмо Вильгельма.

Яхта «Лорелей». Стамбул, 20/X 1898 г.

Милейший Ники.

Во время своего пребывания в Стамбуле я дал аудиенцию послам. Я имел удовольствие познакомиться с Зиновьевым. Я встретил в лице его законченнейшего дипломата, человека с очень ясной головой и энергичным характером, словом то, что называют сильным человеком. Я поздравляю тебя с таким удачным выбором. Мы долго разговаривали, и, конечно, мнение его о восточных делах было для меня чрезвычайно ценно, а слушать его было удовольствием. Он едет к тебе, и это дает мне случай переслать тебе через него эти строки. Разговор коснулся также критских дел и последних событий там.

Источник, вызвавший последние беспорядки, был, без сомнения, не очень чист, и, конечно, причиной их не был так называемый «мусульманский фанатизм», о котором обычно говорят в европейской прессе. Я осмелюсь предположить, что интриги некоей, сующей всюду свой нос, державы имеют кое-какое отношение к этому. Во время нашего разговора Зиновьев откровенно сказал, что положение далеко не безопасно и что единственной возможностью выбраться из «impasse» (тупика) было бы заставить турок покинуть Крит вовсе! Так ли это, я, конечно, не знаю, но,—как я уже указывал тебе в Петергофе,—критский вопрос необходимо разрешить так, чтобы из-за этого не произошло всеобщего переполоха, которого эти презренные критяне вовсе не стоят. Я говорил со многими старыми и видными турками, и все они уверяли меня, что Крит стал для всего народа вопросом национальной чести. Если султан *) просто согласится совершенно очистить Крит, то, по их словам, это будет стоить ему власти, короны, даже, может быть, жизни; они глубоко встревожены и опечалены всем этим. Я решаюсь поэтому сообщить тебе это, надеясь, что при твоем уме тебе удастся найти выход, чтобы спасти положение султана в глазах его армии и его авторитет, как калифа, пред лицом всего мусульманского мира. Из донесений Остен-Сакена ты знаешь, какие побуждения заставили меня «положить мою флейту на стол» **). Дело в том, что я почув-

*) Абдул-Гамид.
**) См. прим. 16.

ствовал и увидал, что некая держава пользуется всеми нами как своим орудием, чтобы заставить нас помочь ей овладеть Критом или бухтой Суда, а я не из числа тех, о ком думают, что они явятся с хлебом-солью и с лежащими поверх них ключами Крита с просьбой к выше упомянутой державе, чтобы она благосклонно позаботилась о благе «бедняжек»— критян! провались они все к черту! Последние события показали мне, что я был прав в своих подозрениях, и что известная держава замышляет злое и употребляет силу. А именно: они желают выгнать мусульман, которые такие же критские природные туземцы, как и христианские повстанцы, только обращенные в ислам.—Они являются землевладельцами, после того как те потеряли все, что имели. Теперь нужно передать эти имения христианам, которые до сих пор были арендаторами и рабочими мусульман, а теперь взбунтовались против своих хозяев. Такова в кратких словах сущность критского вопроса! Это то, что я называю—денной грабеж! Ты не имеешь понятия о том, какое впечатление получилось от этого грабежа в магометанском мире, а я чувствую и вижу его, и слышу о нем; трудно себе представить, какой это страшный удар престижу христиан вообще в глазах мусульман, и какая последовала вспышка старой ненависти! Державы, заинтересованные в Крите, играли безрассудную и очень опасную игру,—это и заставляет меня обратить твое благосклонное внимание на это дело! Припомни, что и ты, и я условились в Петергофе никогда не забывать, что магометане были бы страшно крупной картой в нашей игре в том случае, если бы ты и я внезапно оказались в состоянии войны с известной, сующей всюду свой нос державой! Ты, как повелитель миллионов мусульман, являешься наилучшим судьей в этом вопросе. Если в вопросе о Крите ты по-прежнему будешь следовать руководству другой державы, то это окажет самое плачевное влияние на твоих собственных подданных— магометан и на Турцию, и ты потеряешь самый драгоценный козырь в своей игре! Поэтому я усиленно прошу тебя обратить самое серьезное внимание на это дело и, если возможно, найти средство вывести султана из опасного и неловкого положения envers ses sujets (по отношению к его подданным) и разрешить критский вопрос приемлемым для него образом. Не забудь, что его войска храбро и победоносно сражались за Крит у Ларисы и Домокоса и завоевали обратно провинцию. Они никогда не забудут и не простят другой державе изгнания их собратьев по оружию и их повелителя из отвоеванной обратно провинции. Какой блестящий случай тебе вступиться и спасти султана от позора,

мир от кровавой войны и стяжать благодарность всех магометан! В противном случае может случиться революция, и кровь султана может пролиться по твоей вине!

Прости меня, что я отнимаю твое время и нарушаю твой покой, но положение слишком серьезно, связанные с ним интересы слишком многообразны, и я бы не хотел видеть Россию, утратившей прекрасное положение, какое она занимала здесь до сих пор. Глаза всех с надеждой обращены к великому императору Востока; принесет ли он разрешение, которого все ждут? Пусть моя несколько грубая откровенность послужит тебе доказательством того, как велика и сильна моя любовь к тебе. Сердечный привет Алисе.

Твой любящий кузен и друг

Вилли.

25.

Письмо Вильгельма.

Дамаск, 9/XI 1898.

Милейший Ники.

Твоя любезная телеграмма, посланная мне в Иерусалим, показывает, что ты с интересом следишь за моим путешествием. Это побуждает меня, заканчивая его, послать тебе несколько строк с моими впечатлениями. Они так разнообразны, что трудно их привести в порядок.

Прежде всего внимание наше занял, конечно, Иерусалим из-за многочисленных мест, полных воспоминаниями о нашем спасителе. Мысль, что его взор покоился на этих самых холмах, что нога его ступала по этой самой земле, волнует сердце и заставляет его биться быстрее и горячее. Но я откровенно должен признаться, что далеко не все то, что видишь здесь относящегося к христианской вере, способствует возбуждению таких чувств. Множество различных исповеданий и сект нашей общей христианской веры настроили здесь слишком много церквей, монастырей, часовен и т. д. на так называемых «традиционных святых местах». Создалось какое-то состязание, конкурс на высочайшие башни или величайшие церкви, которые совсем не гармонируют с местами, где они воздвигнуты. Право, можно назвать это выставкой церковных моделей! Это повлияло также на духовенство различных церквей,—они находят удовольствие в интригах и политических замыслах, разжигающих ненависть вместо любви и влекущих за собой настоящие битвы и стычки в церквах, вместо пения псалмов и дружеского

общения. Но что еще хуже, вместо поклонения самому божеству они создали поклонение камням и деревьям, запрещенное второй из десяти заповедей. Один француз сказал мне: «Это обожание камня в т а к н а з ы в а е м ы х «святых местах», святости которых н е л ь з я гарантировать, а б о ж е с т в о тут не п р и ч е м». Совершенно верно, хотя и очень печально для наших христианских чувств. Естественно, что это, прости за выражение, идолопоклонство вызывает в мусульманах величайшее презрение к христианам. Когда я уезжал из святых мест, то моим личным ощущением был глубокий стыд перед мусульманами и сознание, что если бы я приехал туда, не имея никакой религии, то, конечно, стал бы магометанином! Религия, понимаемая так, как ее понимают в Иерусалиме, не поможет обратить ни одного магометанина или вырастить хоть одно дерево и выкопать хоть один новый колодезь. Я боюсь, что часто духовенство в Иерусалиме пользуется религией, как прикрытием для политических интриг и происков. Это, конечно, нежелательно и причиняет христианству огромный вред, так как мусульмане давно это заметили, и сообразно с этим установилось их отношение к нам. Я возвращаюсь домой с чувством глубокого разочарования и с т в е р д ы м убеждением, что могила нашего спасителя наверное н е н а х о д и т с я п о д церковью гроба господня, которая по внешности своей и по своим украшениям очень проигрывает по сравнению с мечетью Омара в ее простом и внушающем благоговение величии.—Увы!—Интереснейшим и красивейшим городом в смысле восточного колорита является, без сомнения, Дамаск. Бейрут с его прелестными виллами, садами и аллеями напоминает больше города на юге Италии или Сицилии. Святая земля прямо ужасает своей бесплодной сухостью и полным отсутствием деревьев и воды. Но здесь все изменяется, как по волшебству! Большая река Барадер дает жизнь и прохладу и питает очаровательнейшую растительность. Город расположен среди садов и тенистых аллей, орошаемых маленькими ручейками; если посмотреть сверху—он имеет вид большого парка размером около 2 квадр. миль! Удобные прелестные дворы с их арабской архитектурой, их тенистые уголки и журчащие фонтаны с холодной водой в мраморных бассейнах прямо бесподобны,—как в сновидении. Для тебя было бы наслаждением побывать здесь,—ты такой знаток Востока! Прием, который нам оказали здесь, прямо поразителен. Ни одного христианского монарха—гяура—не чествовали так и не принимали с таким безудержным воодушевлением. Это оттого, что я друг их султана и калифа и потому что я всегда вел честную

и открытую политику в отношении его, что я так часто советовал и тебе. Ненависть к англичанам сильна и все более и более возрастает—и неудивительно, в то же самое время попутно растет открытое презрение к Франции, потерявшей все уважение, каким она пользовалась в старину! Это является неизбежным последствием того страшного болота, в котором барахтаются теперь французы в своих внутренних делах, разбрызгивая грязь направо и налево, так что вся Европа пропитана зловонием, и показывая, какие глубокие корни пустили продажность, лживость и бесчестность в народе и особенно в армии. Здесь смотрят на них, как на вымирающую нацию, особенно после последнего и позорнейшего отступления французов в Фашоде [25]). Что с ними сделалось?! После такой образцово организованной и смелой экспедиции несчастного и храброго Маршана? Положение их в Африке было блестящим, и они могли там помочь всем нам, так как мы были в самом плачевном положении и нуждались в энергичной поддержке! Последние вести были прямо ударом грома для восточной публики,—никто не хотел им верить! Во всяком случае, если газеты сообщают правду, говоря, что граф Муравьев посоветовал Франции предпринять этот безумный шаг,—то это было с его стороны чрезвычайно и исключительно необдуманно, ибо нанесло здесь твоим «друзьям и союзникам» смертельный удар, после которого прежний их престиж больше уже никогда не восстановится! Мусульмане называют это вторым французским Седаном, а бедный французский консул, с которым я говорил, сказал мне со слезами, что все вокруг него рассыпается в прах! Франция не забудет никогда этого образчика дружбы и никогда не будет чувствовать за него благодарности. Таковы, дорогой Ники, мои наиболее интересные наблюдения, которые я сообщаю тебе откровенно и без задней мысли, после того, как видел собственными глазами и слышал собственными ушами, что творится в этой интереснейшей стране. Все мои предположения и расчеты, которые я так часто сообщал тебе, оказались вполне подтвердившимися. Турция вовсе не умирающий человек, а напротив, живет полной жизнью. Берегись затрагивать национальную честь мусульман или их калифа!

Сердечный привет Алисе.

Твой преданнейший друг и кузен

Вилли.

26.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 6/V 1900 г.

Милейший Ники.

Второпях пишу несколько строк, чтобы поблагодарить тебя от всего сердца за твое ласковое и милое письмо, присланное мне через Костю. В самом деле я так хорошо помню все, что было при твоем совершеннолетии, и все обряды, сопровождавшие его! Каким молодцом произнес ты свою присягу и как тронут был твой милый отец, обнявший тебя после этого! Как летит время! Теперь ты тоже стал правителем великой империи и имеешь детей, а у меня уже взрослый сын *)! Какая это была хорошая мысль прислать Костю и милого старика Рихтера с другими представителями твоей свиты для того, чтобы они присутствовали на торжестве совершеннолетия моего мальчика.

Я так благодарен тебе за то участие, которое ты проявляешь к совершающимся в нашем доме событиям, и так горжусь им; оно является опять-таки доказательством той прочной дружеской связи, которая досталась нам в наследство от наших отцов и которая с божьей помощью никогда не исчезнет. Торжество принятия им присяги при старых знаменах 1-го гвардейского полка произвело сильное впечатление и было очень трогательно; мальчик держал себя очень просто и в то же время был молодцом перед громадным собранием коронованных особ и проч.

Тысяча благодарностей и привет милой Алисе и пожелания хорошего лета. Всегда твой горячо любящий друг и кузен

Вилли.

P. S. Наши большие маневры при участии гвардейского и II-го армейского корпусов будут в этом году вблизи Штеттина. Если тебе захочется посмотреть их, приезжай на своей яхте в Свинемюнде, а оттуда я могу доставить тебя рекой прямо в город.

В

*) Фридрих-Вильгельм.

27.

Письмо Вильгельма.

Киль, 13/VI 1901 г.

Милейший Ники.

Сердечно благодарю за полученные через Полиса письма. Все будет, как ты хочешь. Флот бросит якорь, избрав, в зависимости от ветра, место стоянки с наилучшим прикрытием. Буи с русскими флагами будут поставлены для твоих судов. Вас встретят авизо и миноносцы и проведут к месту, где становиться на якорь. Я не возьму с собой никого из дипломатов; даже канцлер *) будет лишь в том случае, если ты сам пожелаешь его видеть.

Вальдерзее будет для того, чтобы тебе представиться. Милый старый Шувалов сейчас в Берлине, и весь гарнизон паломничает к нему; на улицах всякий солдат становится перед ним «во фронт», проходящие под его окнами военные оркестры играют твой гимн. С величайшим удовольствием ожидаю встречи с тобой! Алисе Weidmannsheil.

Вилли.

28.

Письмо Вильгельма.

Свинемюнде, 8/VII 1901 г.

Милейший Ники.

Шлю тебе эти строки через моего сына Адальберта, которого, надеюсь, ты удостоишь своей благосклонности. Он в первый раз посещает иностранное государство, и так как он только еще морской кадет, прошу тебя, не придавай его присутствию слишком официального характера. Он молодой, но благоразумный малый, и я надеюсь, что ты будешь так добр, что посмотришь за тем, чтобы он не попал в неподходящее или дурное общество. Сердечный привет Алисе и ее малюткам. Предвкушая с величайшим удовольствием нашу встречу на море, остаюсь твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

*) Бюлов.

29.

Письмо Вильгельма.

Вильгельмсхее, 22/VIII 1901 г.

Милейший Ники.

Сегодня утром получил твое любезное письмо от 17-го и спешу поблагодарить тебя за выраженные тобой в нем теплые чувства. С радостью узнал из него, что действительно буду иметь удовольствие встретить тебя близ Данцига. Это меня радует, и я тем более тебе за это благодарен, что встречу тебя во главе своего флота, который горит желанием приветствовать своего адмирала и надеется получить его одобрение на смотру. Ведь офицерам и команде моих морских сил хорошо известно, насколько ты интересуешься морским делом, и что при твоем знакомстве с ним, ты отнесешься вполне серьезно к своему положению нашего почетного адмирала и будешь производить смотр глазом знатока. Поэтому они приложат все старания к тому, чтобы показать, что они в состоянии сделать. Прошу тебя только не забыть того, что ты прекрасно знаешь из нашей печати—именно, что мой флот в данный момент увеличивается и преобразуется. Это, конечно, неблагоприятно отражается на его внешнем виде, так как старые и новые суда самых разнообразных типов собраны вместе, благодаря чему общий вид флота являет плачевное отсутствие стройности и однородности.

Ты любезно упомянул о посещении Адальберта, которого ты ужасно баловал своим радушным гостеприимством; твои похвалы возбуждают чувство гордости в папа и мама; я надеюсь, что он всегда будет достоин этих похвал. Твое сочувствие мне по поводу утраты, понесенной мной со смертью моей дорогой мама, глубоко тронуло меня. Потеряв отца, ты по собственному скорбному опыту можешь судить о том, что значит утрата одного из родителей, который, по человеческому разумению, должен был бы жить еще долгие годы! На этот раз, однако, страдания были так ужасны, что конец, когда господь призвал ее к себе, можно было считать облегчением, и я благодарю бога за то, что ее последние минуты были мирны и безболезненны. Благодаря быстроте моей яхты и сопровождавших ее судов, доставивших меня в 28 часов из Бергена в Киль, я смог прибыть в Кронберг во-время, чтобы застать ее еще в сознании.

Я передал канцлеру твое любезное желание встретиться с ним. Он чувствует себя глубоко осчастливленным, для него совершенно неожиданно такое внимание с твоей сто-

роны. Я сам этим очень доволен, так как он очень хороший «connaisseur» (знаток) русских дел и традиций и хранит благодарные воспоминания и глубокую привязанность к твоей семье еще со времени своего пребывания в Петербурге. Что касается графа Ламсдорфа, то я его, конечно, приму, если он будет с тобой на яхте. Если же его там не будет, и так как мы совсем не будем на берегу, то, пожалуйста, не затрудняй бедного министра, заставляя его делать длинное путешествие в Данциг. Жара, которую нам пришлось претерпеть в Норвегии, была ужасна, до 33° Р. в тени! Как в Сирии! Моя свита, около 20 человек, ухитрилась распить в о д и н день 167 бут. Аполлинарис! Хорошо, если бы во время твоего пребывания была хорошая погода, но без вышеупомянутых последствий. Подробности программы передаст тебе Полис. Сердечная благодарность за китайскую медаль, которую только что получил—она очень красива и доставляет мне большое удовольствие. Сердечный привет Алисе.

Твой преданнейший и любящий друг

Вилли.

30.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 17/XII 1901 г.

Милейший Ники.

Посещение твоего дорогого брата Миши подходит к концу, и мы очень жалеем, что он уезжает. Он очаровательный и необыкновенно милый молодой человек, пленивший здесь всех, даже мою дочь! Он очень хорошо стрелял и молодцом выполнил все «corvées» (повинности) официального обеда с представлениями и cercle *). Чувствовал, однако, большое облегчение от того, что не было «речеговорения». Все, видевшие его, поражались его ясным, открытым, мужественным лицом и чистосердечным выражением. Вообще он имел большой успех. Я очень благодарен тебе за любезные слова по поводу Данцига, они преисполняют меня гордостью. Я надеюсь, что при моем визите летом я смогу показать тебе более однородную эскадру и один из новых броненосных крейсеров! Я с удовольствием ожидаю нашего свиданья. Полковник Казнаков находится здесь вместе с офицерами

*) Придворный термин, обозначающий высочайшую послеобеденную беседу с частью лиц, приглашенных к обеду.

моих драгун; он, кажется, замечательно милый офицер; я так рад, что все они здесь. Прошу тебя в память о моей дорогой мама принять от меня булавку и медальон для Алисы. Миша передаст их тебе. Искреннейшие пожелания всего наилучшего в новом году и веселого рождества. Любящий тебя кузен и друг

Вилли.

31.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 3/I 1902 г.

Милейший Ники.

Пишу эти строки, чтобы пожелать тебе веселого рождества и счастливого нового года. Бог да благословит и да сохранит тебя, жену и детей,—будьте все здоровы и телом и духом. Да увенчаются полным успехом как работа твоя для дела всеобщего мира, так и твои проекты, направленные к достижению блага твоей страны.

В качестве рождественского подарка посылаю тебе офицерский кортик того образца, который я ввел в нашем флоте приказом, подписанным на «Варяге»; прошу тебя принять его, как воспоминание о твоем посещении меня в Данциге и о веселых часах, проведенных вместе.

Это новое оружие так популярно среди наших офицеров, что, я думаю, они с ним даже спят.

Мой флот, Генрих и я, мы уже ждем с нетерпением дня, когда сможем в этом году отдать тебе твой визит, и мне было бы очень приятно узнать, когда и где ты нас ждешь?

Так как ты интересуешься нашим флотом, то тебе будет любопытно узнать, что постройка нового броненосного крейсера «Принц Генрих» быстро подвигается к концу, его машины уже испытывались, и результаты были весьма удовлетворительны. В конце зимы, после испытания, он, вероятно, присоединится к флоту. Мы надеемся, что новый линейный корабль «Карл Великий», пятый из «класса Кайзер», будет готов к испытанию на море в конце этой недели; Генрих думает, что он войдет в состав флота через месяц.

Класс «Виттельсбах» тоже подвигается очень быстро, и надеются, что после маневров сможет примкнуть к Генриху. Это значит, что флот увеличится пятью линейными военными судами, и Генрих будет располагать совершенно однородным флотом «Миротворцев», которые, без сомнения, будут иметь благотворное влияние и помогут тебе поддержать в мире спокойствие. Пять новых линейных кораблей

были заказаны и начаты; они составляют первую дивизию второй эскадры.

Постепенно из газет я вижу, что исторический «Варяг» прибыл в «Ковейт» [26]).—Это очень умно, что твой флаг показался там, потому что, кажется, нет ничего невозможного в том, что некая держава собирается повторить очень удачный опыт, который она проделывала порой: стащить флаг султана, высадить некоторое количество войск и пушек, поднять под каким-нибудь предлогом тот или иной флаг и затем заявить «j'y suis, j'y reste» (я здесь и тут останусь). В таком случае она получила бы господство над всеми торговыми путями Персии, ведущими к заливу, а следовательно, и над самой Персией, а следовательно «тю-тю» твой проект упрочения русской торговли, чему ты так удачно положил начало, заключив с Персией Zollverein (таможенный союз). Поведение иностранной державы у Ковейта ясно показывает, какое огромное значение имеет подавляющий флот, господствующий над подступами с моря к местам, лишенным путей сообщения на суше, и которые для нас недоступны, потому что наши флоты слишком слабы, благодаря чему весь наш транспорт находится всецело во власти врага. Это еще раз доказывает, как необходима Багдадская дорога [27]), которую я намереваюсь построить с помощью германского капитала. Если бы великолепнейший султан не толок годами воды в ступе по поводу этого вопроса, то постройка дороги началась бы несколько лет тому назад, и тебе теперь была бы предоставлена возможность послать несколько полков из Одессы прямо в Ковейт; тогда дело бы приняло иной оборот для некой державы, потому что русские войска господствовали бы над внутренними линиями берега, против чего даже и величайший флот бессилен по многим причинам. Из них г л а в н е й ш а я—перефразируя ответ коменданта Кронштадта Петру Великому, в объяснение того, что он ему не салютовал—«D'abord parce que les vaisseaux ne peuvent pas marcher sur terre» (прежде всего потому, что суда не могут ходить по суше); к этому ты можешь прибавить «cela suffit» (этого достаточно).

Подлинный ответ доблестного адмирала—«D'abord parce que je n'ai plus de poudre« (во-первых, потому, что у меня нет пороха)—изволил дать Генриху капитан «Аскольда» накануне Николина дня. Чтобы ознаменовать день твоих именин, моя эскадра получила приказ расцветиться флагами и произвести королевский салют. Но когда Генри спросил капитана Рейценштейна, в котором часу должно начаться торжество, последний объявил, что ничего подобного не будет,—и даже после того, как Сергей послал ему пару слов,

Рейценштейн категорически отказался поднять свой вымпел и салютовать своему императору, несмотря на то, что «Аскольд» находится в готовности к плаванию и весь экипаж был на судне. Моя эскадра была глубоко разочарована и—если смею так выразиться—возмущена поведением этого человека! Кроме кортика я посылаю тебе очень интересную книгу о южно-африканской войне, написанную англичанином, решительно осуждающим как те способы, какими война была начата, так и те цели, ради которых она была затеяна. Книга написана очень ясно и обнаруживает беспристрастность автора до самого последнего момента; в высшей степени отрадное исключение из правила, установившегося теперь в Англии. Совершенно неожиданна и поразительна параллель, которую он проводит между этой войной и войной с американскими колониями 1775—1783. Мои подарки вручит тебе мой адъютант капитан фон-Уздом, несколько лет тому назад бывший некоторое время адъютантом Генри. Он командовал «Гертой» во время китайских событий, и это он спас экспедицию Сеймура [28]) и доставил ее в целости обратно в Тянь-Дзин. Он был фактическим начальником штаба адмирала, и ему дан ставший теперь историческим приказ, которым так гордятся мои «голубые куртки»—«Германцы на фронт», когда британские моряки отказались итти дальше.

Его не было в Данциге, так как он повредил себе ногу, упав с лошади, а я думаю, что ты охотно выслушал бы его собственный рассказ о том, что пришлось вытерпеть людям, принимавшим участие в этой несчастной экспедиции. Ну, прощай, дорогой Ники, сердечный привет Алисе, Мише и твоей мама от твоего любящего преданнейшего кузена и друга

Вилли.

32.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 30/I 1902 г.

Милейший Ники.

Позволь мне еще раз письмом поблагодарить тебя за то, что ты так любезно вспомнил о дне моего рождения и прислал своего любимого адъютанта Оболенского с подарками. «Пелерина» очень практична и сослужит хорошую службу при всякой погоде, особенно же хороша для путешествий на «Штандарт» и с него на «Гогенцоллерн» в Ревеле! Вазы очаровательны; сиреневая с «pâte sur pâte»—прямо редкий экзем-

ляр и будет изящнейшим украшением моих салонов. Оболенский сопровождал меня при всей процедуре празднования дня моего рождения и сможет рассказать тебе, что должен претерпеть бедный переутомленный «Landesvater» (отец народа), прежде чем иметь возможность посидеть, наконец, спокойно и получить немного пищи и папиросу!! Как бы то ни было, нам удалось повеселиться, так как все мои Geschwister (братья и сестры) были в сборе, и Генри сумел поддержать оживление в семье, гордый предвкушением своего мимолетного визита к американцам[29]) и их прелестным дамам; к нашему величайшему удовольствию визит этот, кажется, возбуждает значительную «зубную боль» на одном из берегов канала!!

Но я не должен отнимать у тебя больше твоего драгоценного времени; Оболенский привезет тебе таблицы русского, американского и японского флотов, исполненные согласно последним отчетам, а также фотографии Данцига, о котором я всегда вспоминаю с благодарностью и с удовольствием, как твой покорнейший и преданнейший кузен и друг.

Сердечный привет Алисе. *Вилли.*

33.

Письмо Вильгельма.

Позен, квартира главнокомандующего, 2/IX 1902 г.

Милейший Ники.

После моего возвращения из Ревеля я был страшно занят, как ты это должен был видеть из газет. Теперь, когда после удачного посещения, мой высокий гость король *) отбыл, я могу среди «суматохи» маневров выбрать несколько свободных минут и посвятить их этим строкам. Едва ли нужно говорить, что воспоминание о Ревеле все еще живо стоит перед моими глазами; проявленные тобой по отношению ко мне любезность и дружба, прекрасный военный смотр, действия твоего флота при стрельбе в цель и эволюциях и last not least (последнее, но не меньшее)—много приятных, проведенных в твоем обществе часов дружеского, без всякой помехи, обмена мыслей, все это еще так живо в моем воспоминании и настолько занимает мою свиту и меня, что я чувствую, что было бы решительно нетактично и невоспитанно еще раз не поблагодарить тебя в этом письме от всего моего сердца.

*) Виктор-Эммануил.

Все мое пребывание там было для меня одним сплошным наслаждением и даже более того. Показанная мне по твоему приказу морская артиллерийская школа является существеннейшей частью развития флота и подготовки его к «работе». Разрешив мне видеть ее, ты оказал мне особый знак доверия, в сущности взаимного ввиду того, что я показал тебе в Данциге, что предполагает полнейшее доверие к посетителю, и возможно только между людьми, у которых принципы и идеи одни и те же, а между двумя монархами означает согласную работу над общим делом сохранения мира для их государств. Оказанное тобой мне доверие не является, могу тебя уверить, неуместным, так как оно вполне взаимно. Доказательством этого служит то, что секретные планы моих новейших судов, недоступные иностранцам, были переданы тебе и доверены скромности твоих морских властей. Прибавь к этому, что мы оба заинтересованы в том, чтобы увеличивать наши флоты, что у нас врожденная страсть к морю, и будет ясно, что мы должны смотреть на наши два флота, как на о д и у большую организацию, обслуживающую о д и и великий континент и охраняющую его интересы как у его берегов, так и в отдаленных морях. Практически это означает мир всего мира.

Как правители двух держав, руководящих двумя великими континентальными объединениями [30]), мы можем обмениваться нашими взглядами по любому из общих вопросов, касающихся интересов этих объединений, и раз приняв какое-либо решение,—сможем побудить наших союзников согласиться с нашими взглядами и, таким образом, если два союза, т.-е. 5 держав решат, что мир не должен быть нарушен,—то и весь мир его сохранит и будет наслаждаться его благодеяниями. Вот живая иллюстрация того, как два союза поддерживают равновесие Европы и мира, входя в тесное общение друг с другом путем ежегодных встреч их руководителей для обмена мыслей. Это необходимо тем более, что известные симптомы на востоке, повидимому, доказывают, что Япония становится несколько беспокойным контрагентом, и что положение требует от мирных держав полного хладнокровия и решительности. Известие о прикомандировании японского генерала Яман—прежнего командующего японскими войсками в Китае—к японскому посольству в Пекине для руководства реорганизацией китайской армии,—т.-е. с негласной целью—выжить из Китая всех других иностранцев—известие очень серьезное. 20—30 миллионов обученных китайцев, при поддержке ½ дюжины японских дивизий и под командой пылких неудержимо ненавидящих христиан японских офицеров,—вот бу-

дущее, которое мы должны предвидеть не без душевного волнения; а это весьма возможно. В сущности, это фактическое появление той «желтой опасности», которую я изобразил несколько лет тому назад, и за изображение которой большинство публики меня высмеивало.

Очень интересна сводка возможного распределения морских сил в случае, если бы возникли осложнения на востоке. Поэтому я сделал в общих чертах приблизительное вычисление и составил таблицу, которую и посылаю тебе. Суда постоянно меняются, и поэтому цифры не точны, но они дают общую руководящую нить. Суда, близкие к окончанию, сосчитаны в качестве действующих, а самые старые и мелкие не приняты в расчет. Смотр прошел хорошо, и V-ый корпус был так же хорош, как когда ты видел его при Герлице. Все были рады приветствовать твоих офицеров и губернатора, генерала Черткова. Я очень благодарен тебе за то, что ты им позволил приехать, и прямо очарован всей манерой себя держать прекрасного старого солдата, оказавшегося совершенно таким, каким ты мне его описывал. Я дал ему Черного Орла, чтобы показать, как я ценю его посещение. Он и все твои офицеры, которые произвели на меня превосходное впечатление,—были глубоко опечалены несчастием с Алисой, так же как и все мы, включая, конечно, и мою жену. Дай бог ей скорее поправиться и не чувствовать дурных последствий. Сердечный привет от Виктории и от меня вам обоим.

Твой преданнейший друг и кузен

Вилли.

34.

Секретная телеграмма Вильгельма *).

Из Нового Дворца, 18/31 октября 1902 г.

Шифром:

По приглашению дяди «Берти», я отправляюсь с ним охотиться в будущем месяце. Если бы он или его министры заговорили о континентальной политике и нашем свидании

---

*) Над телеграммой имеется надпись чернилами: «Ялта, в ночь с 18 на 19 октября 1902 года».

Переписанный от руки расшифрованный текст телеграммы вложен в следующую собственноручную записку Н. Романова, написанную простым карандашом с пометкой, сделанной рукой Ламсдорфа: «Ливадия, 19-го октября 1902 года».

19-го окт.

Так как представляется возможным согласиться с сутью теле-

в Ревеле, я предлагаю ответить следующее: его величество император всероссийский как глава двойственного союза и я, как глава тройственного *), имеем в виду оба одну великую цель—обеспечить мир для наших наций и наших друзей. Поэтому мы трудимся над поддержанием мира, соблюдая эти интересы, общие континентальным нациям, желающим укреплять и развивать свою торговлю и свое экономическое положение.

35.

Секретная телеграмма Вильгельма.

Новый Дворец, 9/22 ноября 1902 г.

Шифром:

Мне представилось несколько случаев произнести перед людьми ответственными фразу, относительно которой мы условились, и я видел, что она производила сильное впечатление. Надеюсь, она поможет обеспечить мир. Сердечный привет Алисе.

Вилли

36.

Телеграмма Николая **).

Ливадия, 9 ноября 1902 г.

Очень благодарен за твое сообщение. Я надеюсь, что и в других случаях мы всегда сможем рассчитывать на нашу взаимную, искреннюю дружбу и на нашу любовь к миру.

Ники.

37.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 14/I 1903.

Милейший Ники.

Эти строки передаст тебе мой мальчик ***). Мои сестры зовут его обычно «Билли № 2» или «маленький Вилли»,

---

граммы императора Вильгельма,—я ему отвечу открытою телеграммою.

Благодарю Вас, граф, за расшифрование этой депеши, которую возвращаю вам для хранения, как исторический документ.

Николай.

*) См. прим. 30.

**) Ответ написан II. Романовым на телеграмме Вильгельма от 9/22 ноября простым карандашом с припиской: «Прошу составить шифром ответ императору германскому следующего содержания:» Дата поставлена рукой Ламсдорфа.

***) Вильгельм.

чтобы отличить его от отца. Я поручаю его твоему благосклонному покровительству и надеюсь, что ты останешься доволен тем, как он себя держит. Он еще очень молод и находится в переходном возрасте, так что, если он наделает каких-нибудь bévues (оплошностей), то ты отнесись к нему снисходительно. Кроме этих строк, он привезет тебе несколько рождественских подарков, которые мне не удалось переслать раньше: 1) большую модель броненосца нашего нового типа (H) военных судов, получить которую ты выразил желание в Ревеле,—Шиммельман может в любой момент дать тебе необходимые пояснения; 2) акварель, изображающую формы и цвета наших полковых знамен и штандартов со времени великого курфюрста до моего времени,—первая половина—от курфюрста до 1806, вторая — 1900; 3) полную форму, — оружие, кирассу и проч. обмундирование—твоего кирассирского полка, которая, надеюсь, будет тебе впору. Все это находится в ведении моего старого камердинера, которого ты видел в Ревеле, «папа» Шультца. Он научит твоего «человека», как надо надевать различные вещи. 4) несколько брошюр и журналов, которые, по моему мнению, могут заинтересовать тебя в часы досуга.

У меня есть к тебе просьба касательно знамен нашей армии. На первой таблице (таблица курфюрста) есть первые знамена гвардейского полка первого короля, названного после его коронации Фридрихом I. Синее с золотыми коронами, пламенем и орлами и белое с черным орлом и золотыми коронами. Эти знамена хранились в нашем арсенале до того момента, когда во время 7-летней войны занявшие Берлин русские войска вывезли их вместе со многими другими вещами из арсенала. Мы теперь с величайшей тщательностью и трудом воспроизводим историю наших знамен, и я был бы так благодарен тебе, если бы ты любезно разрешил скопировать их акварелью или масляными красками, чтобы у нас была точная копия с тех знамен, которые хранятся в Петербурге. Надеясь, что все пойдет хорошо, и завидуя моему мальчику, который будет иметь удовольствие видеть тебя, остаюсь всегда твой горячо любящий друг и кузен

«Билли» № 1.

38.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 19/XI 1903 г.

Милейший Ники.

Невозможно обойти молчанием внезапную и трагическую смерть этого прелестного маленького солнечного луча, не написав тебе ни слова о том, как глубоко я сочувствую вам всем в этом горе. Трудно представить себе, что этого милого ребенка уже нет среди нас! Как весела была она тогда в Вольфсгартене, когда я там был—полна жизни, веселья и здоровья, и подумать, что мы ее более никогда не увидим в этом мире! Какой страшный, потрясающий удар для бедного Эрни *), который обожал эту маленькую волшебницу. Дай бог ему силы перенести эту утрату! Я все еще нахожусь под впечатлением 2 очаровательных дней, проведенных с тобой; они останутся для меня восхитительным воспоминанием. Помнишь ли ты наш разговор о Балканах и о Турции и мою последнюю телеграмму с инструкциями моему послу, чтобы он внушил султану, что пора ему, наконец, сообразоваться с Мюрцштегской программой [31]). В результате этих инструкций несколько дней тому назад между моим послом и султаном имел место разговор, продолжавшийся 1¾ часа. Султан был очень умрям и совершенно убежден, что отказ покориться русско-австрийским желаниям, поддерживаемым мной, особого вреда ему не принесет! Посол должен был прибегать к самым энергичным выражениям, допустимым в обращении к монарху, чтобы дать понять его величеству всю серьезность положения, и покинул его «человеком более печальным, но и более мудрым», не оставив в нем никаких сомнений в том, что я не пошевельну пальцем, чтобы его поддержать, и не скажу слова в его защиту, если он навлечет на себя и на свою страну серьезные последствия, отказавшись исполнить желания их величеств русского и австрийского императоров, обнаруживших почти ангельское терпение и сдержанность в отношении его поведения и всецело остающихся верными февральской [32]) и Мюрцштегской программе, которую поддерживаю и я. У посла сложилось убеждение, что султан окружен какой-то темной бандой, которая ведет оживленные интриги и при помощи невероятной лжи злоупотребляет его доверчивостью и оттирает великого визиря, влияния которого они боятся

*) Эрнст Гессенский.

и который добросовестно действует в полном согласии с нашими 3 послами.

Другая очень интересная новость дошла до меня из Софии. Премьер «архи-интригана» *) в одном послеобеденном разговоре изъявил крайнее недовольство свое и своей страны Мюрцштегской программой. Он сказал, что этого им мало и что они должны настаивать на получении большего. Но так как он вполне уверен, что императорские державы не дадут больше, то все в Болгарии обратились в сторону Италии, Англии и Франции! Только от этих стран можно ждать чего-либо для будущего Болгарии и Македонии. Только они дадут «свободу», т.-е. парламенты и республики угнетенным балканским народам. Это еще раз доказывает тебе то, на что я намекал в нашем разговоре, что «крымская комбинация» [33]) образуется и действует в ущерб русским интересам на востоке. «Демократические страны, управляемые парламентским большинством, против императорских монархий»—история будет постоянно повторяться.

С сердечным приветом Алисе и надеждой на ее скорое выздоровление остаюсь вечно твой верный и преданный друг и кузен

Вилли.

39.

Секретная телеграмма Вильгельма.

Новый Дворец, 18 ноября—1 декабря 1903 г.

По обнародованному ответу на речи, произнесенные в Англии и Франции, ты, вероятно, видел, как сердиты западные державы за то, что Порте навязана Мюрцштегская программа. Посещение Парижа сотнею британских парламентских господ [34]) и дам показывает, насколько «крымская комбинация» увлекается своей работой. Твоя союзница не стесняется в своем флирте; тебе бы надо ее сдерживать. Я все еще без голоса. Привет охотника!

Вилли.

---

*) Фердинанда, князя Болгарского.

40.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 4/XII 1903 г.

Милейший Ники.

Посылаю тебе для развлечения кое-что интересное. Статьи о политике, о морских вопросах, описание наводнения в Петербурге,—о котором я не знаю, насколько оно верно.—и иллюстрированный журнал, посвященный последним маневрам.—Может быть, некоторые из затронутых там тем напомнят тебе наш последний разговор и покажут, как смотрят в Европе на совершающиеся события; иногда, пожалуй, не совсем так, как в Петербурге. Прости, если там окажутся вещи, тебе уже известные, но в Вольфгартене ты говорил, что это не беда, лишь бы это были сведения, имеющие отношения к вопросу о безопасности наших обоих народов, поэтому я решаю тебе их послать; это вырезки из самых разнообразных источников и газет. Как я рад, что Алиса опять здорова, и что эти ужасные боли не мучают ее больше! Результаты охоты очень хороши, и я от всего сердца желаю тебе «Weidmannsheil». Я посылал ген.-адъютанта ф. Левенфельда в Лондон, чтобы передать дяде Артуру крест за долголетнюю службу (25 лет) и в то же время для того, чтобы «reconnoître» *) (разузнать), каково отношение общественного мнения к восточному вопросу. Его мать—англичанка, и он очень хорошо говорит по-английски. Я сообщу тебе, что он там видел и слышал.

Офицеры моих войск, находящихся в Китае, получили уже давно приказ хорошенько следить за отношениями между японскими и китайскими военными и наблюдать за все возрастающим влиянием японцев в китайской армии. Два дня тому назад я получил донесение, что за твоей и за моей спиной японцы тайно вооружают против нас китайцев. Что они тайно обязались снабдить китайскую армию 20.000 новых магазинных ружей с патронами, 18-ю полевыми и 12-ю горными орудиями (скорострельными) со снарядами, при чем все должно быть поставлено до будущего лета. Китайские войска обучаются день и ночь и, как говорят люди, видевшие их, напр., в Пао-Тин-Фу, дело идет очень хорошо! Командуют японские офицеры-инструктора, число которых постоянно возрастает! Хорошие дела! Я полагаю, китайцам не следовало бы позволять иметь в своей армии

*) Правописание подлинника.

японцев! Они несомненно пробуждают надежды в китайцах, разжигают их ненависть против белой расы вообще и создают серьезную опасность у тебя в тылу на случай, если бы тебе пришлось на том берегу противустоять каким-нибудь агрессивным действиям со стороны японцев.

Прошу тебя извинить меня за мою бесцеремонность и надеюсь, что адмирал Тихого Океана не будет в претензии на сигналы [35]), подаваемые ему адмиралом Атлантического Океана, который постоянно настороже!

Сердечный привет Алисе от преданного тебе друга и кузена

Toujours en vedette (всегда на-страже)!

Вилли.

41.

Секретная телеграмма Вильгельма.

Новый Дворец, 1/14 декабря 1903 года.

Король едет из Копенгагена и будет у нас в гостях через два дня. Должен ли я в беседе с ним коснуться предмета нашего последнего разговора о нейтрализации датских вод и контроля над ними в случае вторжения туда могущественного иностранного флота? Мой голос много лучше. Привет Алисе.

Вилли.

42.

Телеграмма Николая.

Царское Село, 2 декабря 1903 года.

Благодарю за телеграмму. Я полагаю, что визит короля— прекрасный для тебя случай узнать его мнение по поводу нейтралитета Дании. Это крайне серьезный вопрос для обеих наших стран. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

43.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Разговор с королем Дании весьма удовлетворителен. Он вполне понял, насколько вопрос серьезен и насколько важно для России иметь хорошо охраняемый тыл, если бы она была вовлечена в осложнения на востоке. Он открыто при-

знал невозможность для Дании оградить нейтралитет от нарушения его более сильной морской державой или охранить неприкосновенность датских вод против флотов, подавляющих численностью. Он считает весьма приемлемым предложенное решение, чтобы Россия с Германией предложили гарантировать датский нейтралитет, и сказал, что с его души свалился камень. Он обещал ничего не говорить об этом своему министру... парламентский человек *), пока ты не решишь, как повести это дело. Ганс фон Бюлов, с которым я говорил о том же, очень доволен этим предложением и также держится мнения, что сюда не нужно вмешивать датского первого министра, а наипаче их парламента; что это тайное соглашение между тремя государями должно быть облечено в форму любого акта, какой им угодно будет составить через своих представителей; что в случае войны Дания должна немедленно объявить свой нейтралитет, а мы с тобой должны заявить о нашем твердом намерении гарантировать таковой и, если необходимо, то помочь защищать его силою. Буду благодарен, если ты любезно дашь мне знать, соответствует ли это предложение твоим желаниям. Король чувствовал себя хорошо, благодарит тебя за твои добрые намерения в этом вопросе и очевидно вздохнул свободно, когда увидел, что два его великих соседа находятся в полном взаимном согласии и придут к нему на помощь. Сердечный привет Алисе, голос у меня опять почти в порядке.

Вилли.

Подана в Герде, 18 декабря 1903 г. 9 ч. 5 м. пополуд.
Получена в Царском Селе, 5 дек. 1903 г. 1 ч. 15 м. пополудни.

44.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 3/I 1904 г.

Милейший Ники.

Пишу эти строки с тем, чтобы они дошли до тебя в сочельник, и надеюсь, что они застанут тебя и поправившуюся Алису здоровыми и счастливыми, окруженными веселой компанией малышей, резвящихся вокруг вас при свете елки. Еще раз желаю тебе благословения неба на всех твоих путях, да сохранится твоя драгоценная жизнь как для всех нас,

*) На месте, обозначенном пунктиром, в подлиннике пропуск, почему смысл слов не совсем ясен.

так и для всех тех, кого ты любишь. Да увенчаются планы твои полным успехом: если мирным путем, то покойно, как журчащий ручеек; если силой оружия, то да будет оно победоносно и да развеваются твои знамена, увитые свежими лаврами.

Благодарю тебя за твое милое письмо от 20 декабря,—являющееся новым свидетельством столь мне дорогого твоего доверия ко мне.—Нам надо только стараться, чтобы план, так удачно начатый, не потерпел бы крушения из-за какой-нибудь мелочи. Когда я расстался с твоим милым старым дедом, королем *), у меня осталось впечатление, что вопрос этот его занимает и что он его обдумывает, стараясь найти наиболее соответствующую потребностям его страны форму. Я воспользовался некоторыми статьями датских газет относительно датского нейтралитета, как основой нашего разговора. Так как рассуждения их привлекли, повидимому, к себе внимание Дании, я прилагаю к этому письму краткое из них извлечение, которое покажет тебе, каких затруднений король ждет и опасается со стороны своего собственного народа. Понятно, что король, как сторона наиболее заинтересованная в том или ином разрешении этого вопроса, имеет преимущественное право высказать свои взгляды по этому поводу, и надо, чтобы их формулировал и отстаивал кто-нибудь из людей, пользующихся полным доверием короля. Поэтому мне пришло в голову, что всего лучше было бы, если бы ты теперь же написал своему деду, прося его представить нам его предложения, как только они получат приемлемую для него форму, и сообщить все его соображения касательно датского нейтралитета. Если принять в расчет минувшие дни 64-го года [36]), то понятно, что датчане все еще косо смотрят на нас и потому на предложение, касающееся их судеб, они взглянут благосклоннее, если оно будет исходить от тебя, такого близкого родственника их короля и сына принцессы, которую они обожают. Посылаю тебе при этом письме несколько интересных статей. Одну о нашем флоте и русской политике в XIX веке; одну—о твоем торговом флоте; 2 английские вырезки из 4-копеечной газеты, которую читают ежедневно тысячи людей на улицах Лондона и повсюду в Англии. Последнее, чтобы показать тебе, что за материал и что за тон у этой прессы, что преподносит она своим читателям в течение ряда недель и как раздувает пламя, где только может. Нам здесь на континенте это лицемерие и ненависть и отвратительны и непонятны. Здесь всякий прекрасно понимает, что Рос-

*) Христианом IX.

сия, подчиняясь законам экспансии, должна стремиться выйти к морю и иметь незамерзающую гавань для своей торговли. В силу этого закона она в праве претендовать на полосу берега, где находятся такие гавани (Владивосток, Порт-Артур). Hinterland (лежащие за ними земли) должен быть в твоих руках для того, чтобы можно было построить железные дороги, необходимые для подвоза товаров к портам (Манчжурия). Между двумя портами есть полоса земли, которая, попади она в руки противника,— может сделаться чем-то в роде новых Дарданелл. Этого ты не можешь допустить. Эти «Дарданеллы» (Корея) не должны быть угрозой для твоих путей сообщения и помехой твоей торговле. Так обстоит дело на «Черном Море», но на Дальнем Востоке ты не можешь примириться с подобным положением. Поэтому для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской. Когда и как— до этого никому нет дела и касается только тебя и твоей страны. Таково мнение нашего народа здесь, и потому здесь нет ни возбуждения, ни «emballement», ни бряцания оружием или чего-либо подобного. Что Корея когда-нибудь будет твоей, здесь считается вещью само собой разумеющейся, так же, как и оккупация Манчжурии [37]), поэтому здесь никто об этом не беспокоится.

Новогодние открытки позабавят тебя, их сняли в твой приезд в Висбаден—маленькое воспоминание о счастливых днях. Счастливого нового Года и Weidmannsheil также «для крупной дичи» от твоего преданного кузена и друга

Привет Алисе. *Вилли.*

45.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

От души спасибо. Терракоты—из моего керамического магазина в Кадинене. Да увенчаются успехом твои усилия поддержать мир с честью. По частной информации из Генуи, два новых броненосных крейсера, купленные Японией, выходят завтра в Корею из Ансальдосских доков, с английскими офицерами и экипажем. Их отплытие в конце января есть утка, пущенная находящимся ныне в Генуе японским адмиралом Мутсу, чтобы ввести в заблуждение твою Средиземную эскадру из опасения, как бы последняя не захватила эти два судна. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Подана в Новом Дворце. 7 января 1904 года 11 ч. 55 м. пополуд.
Получена в Царском Селе, 25 декабря 1903 г. 1 ч. 50 м. пополудни.

46.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Сигнал адмиралу Тихого океана.

Дальнейшая информация из частного и достоверного источника гласит следующее: 1) британское правительство послало извещение крупной лондонской фирме, снабжающей углем твой флот, что воспрещается продолжать отпуск тебе угля; 2) японский адмирал Мутсу, ныне в Генуе командующий двумя броненосными крейсерами, купленными у Аргентины, сказал при одном интервью, что Япония не покупала этих двух судов, а что их тайно купила Англия одновременно с двумя чилийскими военными кораблями, с целью не дать им попасть в русские руки, и не только поднесла их Японии, но снабдила английскими офицерами и матросами, которые при отъезде из Лондона были предметом демонстративных оваций; 3) в чилийский парламент был внесен билль, уполномачивающий адмиралтейство продать Японии два броненосные крейсера, 7 минных крейсеров, 2 миноносца, 2 транспорта и несколько бронированных башен с пушками, построенных Грузоном (Магдебург)—вероятно, для фортов или усиления обороны, для базы в Корее. Кажется, нет сомнения, что деньги, так щедро расточаемые Японией, должны иметь источником «очень дружескую» услугу, так как японское казначейство не может дать в них отчета. Большие количества консервов в жестянках заказаны в Америке для японских армий и флота. Надеюсь, что Алисе лучше и что ей понравился ящик от Зальбургов с римскими подсвечниками; это—точные копии с найденных Якоби во время раскопок. Остаюсь верным другом. Только что получил от Остен-Сакена официальное сообщение о положении. Ты выказываешь самообладание и самую великодушную готовность облегчить задачу поддержания мира. Поздравляю тебя. Если тебе удастся заставить Японию не нарушать мира, то этим одержишь бескровную, но значительную победу.

Вилли.

Адмирал Атлантического океана.

Подана в Новом Дворце, 9 января 1904 года 7 ч. 48 м. пополудни.
Получена в Царском Селе, 27 декабря 1903 г. 11 ч. пополудни.

47.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 9/I 1904 г.

Милейший Ники.

Только одну строчку, чтобы сказать тебе, насколько мои мысли постоянно заняты тобой в это серьезное время. Дай бог, чтобы все прошло гладко, и чтобы японцы вняли голосу разума, несмотря на ожесточенные усилия подлой прессы некоей страны. Кажется, она решила без конца валить деньги в бездонный колодезь японской мобилизации. Я очень благодарен тебе за communiqué (сообщение), присланное мне тобой официально через Остен-Сакена. Оно очень ясно и, несомненно, приведет к укреплению мира. Я надеюсь, что оно охладит пыл нахальной военной партии в Японии, так как, конечно, удовлетворит беспокоющиеся за свою торговлю остальные державы, которым были обещаны «открытые двери» [38]).

Посылаю тебе экземпляр «Marine Rundschau» («Морского Обозрения») со статьей о «броненосных крейсерах», написанной L. Под этим L скрываюсь я сам, так как автор ее—я, но никто и не подозревает об этом, кроме Тирпица. В качестве материала для моей статьи,—написанной в ноябре,—мне удалось получить интересные детали относительно «Rivadaria» («Ривадария») и «Moreno» («Морено»), строившихся для Аргентины. Теперь Англия подарила их Японии.

Совершенно «с е к р е т н ы е» проекты их были предоставлены мне, согласно непосредственному разрешению президента Аргентинской республики, и присланы мне Амальдо. Так как суда эти могут представить для тебя некоторый интерес, то я посылаю тебе атлас для т в о е г о л и ч н о г о пользования. По моему мнению, суда являются совершеннейшим типом броненосного крейсера, так как, несмотря на незначительный тоннаж, они «multum in parvo» (многое в малом) обладают многими серьезными качествами.

Они стоят 15 миллионов франков каждый—это немного. Только бы твоим людям не довелось сражаться против них; как жаль, что ты не купил их. Газетные вырезки покажут тебе, что некоторые люди называют нейтралитетом. Наилучшие пожелания счастья и мира в новом году; надеюсь увидать тебя в течение его. Сердечный привет Алисе. Вечно твой преданный

Вилли.

P. S. Прости, что беспокою тебя так часто телеграммами, но в Вольфсгартене ты сказал, что был бы благодарен за всякое сообщение, которое я нашел бы нужным и смог тебе сделать. Конечно, я вполне полагаюсь на твою скромность, так как новости эти предназначаются только для тебя.

Адмирал Атлантического океана.

48.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Сигнал адмиралу Тихого Океана.

Печать и частные сообщения показывают, что японский ответ от двенадцатого не имеет окончательного характера; тем не менее я знаю из двух абсолютно достоверных источников, что не только все японские государственные люди решительно стоят за войну, но они действительно склонили маркиза Ито на сторону военной партии.

Вилли, адмирал Атлантического океана.

Подана в Новом Дворце, 14 января 1904 г. 10 ч. 35 м. пополун.
Получена в Петербурге, 1 января 1904 года 12 ч. 55 м. дня.

49.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Сигнал от адмирала Атлантического океана адмиралу Тихого.

Получены известия из достойного доверия китайского источника; губернаторы долины Ян-тзы-кианга уведомлены Японией, что, так как война с Россией неизбежна, то им придется взять под свое покровительство иностранные торговые интересы. Китайское министерство иностранных дел приказало всем губернаторам приморских провинций оставаться строго нейтральными. Японская колония в Чи-ли получила с родины предупреждение, что следует ожидать начала войны в конце этого месяца.

Вилли.

Подана в Берлине, 19 января 1904 года 10 ч. 10 м. пополун.
Получена в Петербурге, 6 января 1904 г. 1 ч. 5 м. пополудни.

50.

Секретная телеграмма Николая.

Царское Село, 8-го января 1904 г.

Сердечно благодарю за сообщение. Я очень надеюсь, что буду в состоянии притти к соглашению с Японией, последние предложения которой сделаны в умеренном и примирительном тоне. Все тревожные известия относительно приготовления к войне на дальнем востоке исходят из некоего источника, в интересах которого поддерживать это возбуждение.

Не шифром.

Алиса чувствует себя хорошо и каталась сегодня утром в санях. Сердечный привет от обоих.

Ники.

51.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 11/II 1904 г.

Милейший Ники.

Ответ на твое милое, сильно меня обрадовавшее письмо, в котором ты поздравляешь меня с днем рождения, был уже начат, когда произошли события, приведшие к войне между тобой и Японией. Я решил подождать какого-нибудь известия от тебя, на случай, если бы понадобилось ответить на какой-либо вопрос. Открытие военных действий имело для твоего храброго флота печальные последствия, глубоко меня взволновавшие. Да и могло ли быть иначе,—ведь я русский адмирал и горжусь этим титулом. Теперь ясно, что посланные мной тебе в шифрованных телеграммах предостерегающие сообщения были совершенно правильны, и что давно уже японское правительство бесповоротно решило воевать. Часть судов, находящихся в Порт-Артуре, я знаю по моим смотрам, знаю также и их офицеров и команды и всем сердцем сочувствую несчастным семьям, потерявшим своих.

Я прекрасно понимаю, как тяжело у тебя на сердце после того, как все твои усилия поддержать мир оказались тщетными. Но, с другой стороны, благодаря этому, совесть твоя спокойна и чиста, а это позволяет человеку, как я часто говорю, итти в бой без ранца и без помех. Мне кажется, что все это предначертано небом, на помощь которого мы

оба будем твердо надеяться! Поэтому считай эти события и с п ы т а н и е м, ниспосланным тебе и твоей стране, чтобы дать возможность тебе и ей обнаружить и развить все дремлющие в русских великие свойства, уже проявленные некогда в славные годы начала XIX века!

Мне бы очень хотелось, чтобы с твоего разрешения принц из моего дома сопровождал твои войска в качестве наблюдателя для изучения военного искусства. Я бы выбрал принца Фр.-Леопольда, моего шурина, он говорит по-русски и стремится ехать. Пожалуйста, сообщи мне, может ли быть удовлетво́рена моя просьба.

Будь уверен, что днем и ночью я думаю о всех вас. Я посылаю это письмо через Шенка—т в о е г о полковника. Он передаст тебе «гренадерскую шапку», принять которую просит тебя Александровский полк. Молю небо сохранить и защитить тебя и твою семью. Сердечный привет Алисе и твоей матери от твоего преданнейшего друга и кузена

Вилли.

Подтверждаются известия, которые я сообщил тебе месяц тому назад, о продаже оружия Китаю—Юаньшикаю Японией. Мне удалось достать копию с контракта, подписанного в октябре этого года с фирмой Оква и К° (Okwa) в Японии. 1) 14.000 новых японских пехотных винтовок с обоймами и т. д., 22 таэлей каждая, и 7 миллионов патронов, которые должны быть сданы в Тянь-Дзин в будущем апреле. 2) 48—75 mm пушек (Арисака), по 5668 иен каждая. 12—75 mm горных пушек (Арисака), по 1710 иен каждая, 48 зарядных ящиков, 5 походных кузниц, 200 гранат по 10 иен, 200 шрапнелей по 8 иен каждая. Сырье на орудие—сталь должна быть выработана во Франции (Крезо)—твоей союзницей—и окончательно обработана в Японии. Сдача в Тянь-Дзине в будущем мае. Нанкинский вице-король заказал той же самой фирме в сентябре 1903 г. 200.000 ящиков боевых припасов и ранцы на 70.000 человек.

52.

Письмо Вильгельма.

Гаэта, 29/III 1904 г.

Милейший Ники.

Я уверен, что тебя интересует мое плавание по Средиземному морю. Наше путешествие на большом пароходе Ллойда «Король Альберт» было очень удачно. Море было все время

спокойно; даже Бискайский залив был подобен озеру в Петергофе. Если и был легкий ветерок или волна, то всегда сзади.

Большой пароход, 15.000—16.000 тонн водоизмещения, был очень удобен, очень покоен, никакой тряски от машин, прекрасно содержался под управлением первоклассного капитана. Кухня была превосходная, компания веселая. Такая жалость, что ты не мог быть с нами, как бы ты наслаждался всем. Испанский берег очень красив, но без растительности. Виго—огромная бухта, где могли бы поместиться флоты всего мира. Британские эскадры заходят туда каждый месяц; Генри был там в прошлом году с нашей эскадрой. Проливы внушительны, но Гибралтар прямо подавляющ! Я никогда не видал ничего более грандиозного. Слова совершенно бессильны дать хотя бы слабое представление о том, что это такое. Величественна сама природа и внушительна военная мощь, сконцентрированная на этом могучем утесе и вокруг него. В военных кругах я заметил большой интерес к войне, но никаких приготовлений к ней и никакой вражды к России. Порт Магон—это спокойный, чрезвычайно чистый испанский город с живописной, хорошо укрытой берегами, гаванью. Нечто вроде Мальты в миниатюре. Неаполь чрезвычайно красив и вообще очарователен: летняя погода, масса цветов, особенно гвоздики и усыпанные плодами апельсиновые деревья! Король был любезен и очень заинтересован войной, за ходом которой он прилежно следит. Он сказал, что до него дошли известия о мобилизации Туркестанских и Кавказских войск, которые уже движутся. Я ответил, что, по моему мнению, это неправдоподобно, и что я об этом ничего не слыхал. Я успокоил его по поводу Балкан, которые, как кажется, его всегда сильно привлекают, и сказал, что там ничего не случится, так как великие империи твердо решили не допускать никого делать глупости. Из газет для меня постепенно выясняется, что наш торговый договор [39]) стоит на мертвой точке. Кажется, тайные советники и чиновники, истратив предварительно массу чернил, во всяком случае более того, чем следует,—впали в сладкий сон. Я бы дорого дал, чтобы посмотреть, каков был бы эффект, если бы ты внезапно ударил своим императорским кулаком по «покрытому зеленым сукном столу», так чтобы лентяи подпрыгнули! В конце концов, невозможно же ждать вечно, принимая во внимание, что столько месяцев уже прошло совершенно бесплодно. Я уверен, что обещание небольшой прогулки в Сибирь произвело бы чудо. Возможно, что дело пошло бы значительно быстрее, если бы ты послал в Берлин прямо к Бюлову, с поручением договориться с

ним лично, кого-нибудь, выдающегося по способностям и компетентного в таких делах; это было бы очень хорошо.

Завтра мы выходим в Сицилию, в Мессину, где мы проведем пасху. Прощай, дорогой Ники, благослови тебя бог; да будет он с тобой в это серьезное время; ты знаешь, что теперь я мысленно постоянно с тобой. Привет Алисе.

Твой любящий кузен и друг

Вилли.

53.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Узнал из частного источника, что Франция и Англия— накануне заключения тайного договора касательно Марокко. Англия, повидимому, предоставляет Марокко Франции взамен больших компенсаций, обещанных последнею Англии, вероятно, на востоке [40]).

Вилли, адмирал Атлантического океана.

Подана в Мессине 4 апреля 1904 г. 11 ч. 3 м. пополуп.
Получена в Петербурге 22 марта 1904 г. 1 ч. 33 м. пополудн.

54.

Телеграмма Вильгельма.

Расшифровано:

Мальта очень интересна. Средиземный флот в превосходном состоянии. Интересуются войной очень сильно и всецело на стороне японцев. К моему великому удивлению, преобладает в обществе твердое убеждение, что, в конце концов, Япония окончательно разобьет Россию и продиктует ей мир. Это строго конфиденциально. Погода прелестная, как в августе, масса цветов. Сердечный привет Алисе. Крымская комбинация усердно работает.

Вилли, адмирал Атлантического океана.

Подана в Сиракузах, 19 апреля 1904 г. 11 ч. 20 м. пополуп.
Получена в Петербурге, 6 апреля 1904 г. 2 ч. 30 м. пополудни.

55.

Письмо Николая.

*Ц. С. *) 19 мая—1 июня 1904 г.*

M. D. W. **).

Твоя телеграмма, извещающая о твоем желании прислать сюда Ламсдорфа, как заместителя Лютвица, устранила трудный и щекотливый вопрос, о котором я собирался писать тебе, поэтому говорить об этом не буду, и очень рад, что Лютвиц получил другое назначение.

С большим интересом читал твое милое письмо из Гасты с подробным описанием твоего плавания по Средиземному морю.

Я з н а ю, что ты сочувствуешь нам в этот серьезный момент и отрадно сознавать, что и с т и н н ы е д р у з ь я думают о нас и симпатизируют нам. Конечно, Куропаткин оказался в тяжелом положении, но случилось это на половину по его собственной вине. За последние два года я постоянно убеждал его в том, что России безусловно необходимо усилить свою позицию на дальнем востоке. Он упорно противился этому до последней осени, когда было, пожалуй, уже слишком поздно увеличивать там количество войск! Теперь же, командуя армией, он убедился в своей ошибке и горько себя упрекает за свое упрямство, и (как каждый из нас) он желал бы иметь в своем распоряжении вдвое больше людей.

Японцы прекрасные и храбрые солдаты в атаке; правда, что в обоих сражениях они превосходили нас численностью, приблизительно 5—6 против одного. Со всем тем, они замечательно настойчивы в своих усилиях, и поэтому время осады Порт-Артура будет для нас самым тяжелым и трудным периодом всей войны. Поставив себе серьезную цель, они стремятся к достижению ее, не останавливаясь перед огромными жертвами людьми,—и в этом лежит секрет успеха.

Я надеюсь, что дорогой Адальберт покинул Пекин и что он и его судно благополучно вышли из Печилийского залива,—зная, что он находится вблизи военных действий. я постоянно о нем беспокоюсь.

Поездка на юг для смотра X и XVII армейских корпусов доставила мне удовольствие. Я хорошо осмотрел каждую

---

*) Царское Село.
**) (My dear Willy, мой дорогой Вилли).

пехотную бригаду на месте ее расположения, также и артиллерию и остался чрезвычайно доволен их прекрасным внешним видом, несмотря на то, что их мобилизация была только что закончена. Люди выглядели молодцами в новых рубашках-хаки, только что введенных для войны. Один корпус уже отправился в свой долгий путь к фронту; через 10 дней за ним последует и XVII.

В своем последнем письме ты говоришь, что наш торговый договор стоит на мертвой точке. Совершенно верно. Я дал его вновь пересмотреть некоторым министрам и рекомендовал Витте итти возможно дальше навстречу немецким предложениям. Я сам основательно изучил этот вопрос и не могу не признать, что главное затруднение заключается в том, чтобы притти к обоюдному соглашению по вопросу о «минимальной» пошлине на рожь, пшеницу и т. д., которая наносит нашему земледелию тяжкий и жестокий удар.—Все же я думаю, что откровенные объяснения и взаимные уступки той и другой стороны помогут нам скоро довести это дело до конца. Витте во всяком случае охотно с ним поспешит. Сообщи только, где бы ты желал вести эти переговоры!

Прости пожалуйста за это обширное письмо, которое, я боюсь, тебе сильно надоело. Алиса и я шлем тебе и Виктории сердечный привет.

Всегда, д. В., твой горячо любящий кузен и друг

Н.

56.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 6/VI 1904 г.

Милейший Ники.

Твое любезное письмо, переданное мне два дня тому назад Крупенским, очень меня тронуло.

Вдвойне мило с твоей стороны, что ты уделил мне столько времени в эти дни тяжких испытаний для тебя, твоей армии и твоей страны; я вижу в этом доказательство того, что ты рассчитываешь на меня, как на истинного друга, как ты правильно выразился, и особенно горжусь этим. Именно так. И могу тебя уверить, что никто с бо́льшим вниманием и интересом не следит за всеми фазами войны, чем я. Твое замечание о Куропаткине было прямым откровением для меня. Меня чрезвычайно поразила близорукость, которую он проявил, не слушаясь беспрекословно твоих распоряжений. Он бы должен был следовать твоим советам, тем более.

что ты сам был в Японии и поэтому являешься гораздо более компетентным в суждениях о японцах, чем он сам. Твои предостережения были совершенно справедливы и вполне подтвердились фактами. Я надеюсь, что, даст бог, генерал не будет рисковать окончательным успехом твоих войск, слишком поспешно подвергнув их опасности потерпеть неудачу, прежде чем все его резервы присоединятся к нему; я полагаю, что они все еще частью в пути. Старая поговорка Наполеона I остается правильной: «La victoire est avec les gros bataillons» (победа на стороне крупных сил). Для битвы никогда нельзя быть чересчур сильным, особенно это верно в отношении артиллерии. Чтобы обеспечить победу, необходимо абсолютное и несомненное ее превосходство. У меня был интересный разговор о войне с французским военным атташе. На мое замечание, что меня поражает, почему французы в качестве твоих союзников не послали своего флота к Порт-Артуру, чтобы препятствовать его блокаде до тех пор, пока не придет твой Балтийский флот, он ответил, что это верно, но что приходится считаться с другими державами! По многим намекам мне стало ясно то, чего я всегда опасался,—что англо-французское соглашение имело один главнейший результат, а именно: помешать французам помочь тебе. Само собой разумеется, если бы Франция должна была помогать тебе своим флотом или армией, я бы, конечно, пальцем ее не тронул; ведь это было бы очень нелогично со стороны автора картины «желтая опасность»!

Я уверен, что время от времени Англия будет возобновлять свои попытки предлагать тебе посредничество,—насколько мне известно, такова специальная миссия Гардинга; хотя ты очень энергично отверг эти попытки, и хотя они являются верхом самонадеянности с ее стороны, ввиду того, что война только что началась, но она боится за свои деньги и желает возможно дешевле приобрести Тибет. Конечно, при первом же свидании с дядей Берти *) я попробую уговорить его не утруждать тебя больше подобными предложениями. Если бы по ходу событий посредничество стало д л я т е б я желательным, то ясно, что инициатива должна исходить от т е б я ж е, и ты можешь быть уверен, что я всегда буду к твоим услугам! Мне бы хотелось поздравить тебя с тем, что у тебя такие храбрые и доблестные солдаты и матросы. Они заслуживают всяческой похвалы и дрались прекрасно! Я обдумал твою мысль по поводу торгового договора и переговорил об этом деле с канцлером. Мы

*) Эдуардом VII.

не заинтересованы в вопросе о том, где закончить переговоры, но так как ты любезно предложил прислать сюда Витте, то мы будем очень рады его приезду, и чем скорее ты дашь ему полномочия, тем лучше для обеих наших стран.

В качестве военного атташе я выбрал майора графа Ламсдорфа—моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I-го и Александра II-го. В своих донесениях он ответствен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом, ты можешь доверить ему какое угодно поручение, запрос, письмо и т. д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время этих серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий, посольств и т. д. Меня очень интересует, что скажет дядя Берти в Киле. Во всяком случае я извещу тебя обо всем.

А пока прощай, милейший Ники, привет Алисе и твоей мамà, и да хранит бог всех вас—таково искреннейшее желание твоего горячо любящего друга и кузена

Вилли.

57.

Письмо Вильгельма.

Замок Вильгельмсхее, 19/VIII 1904 г.

Милейший Ники.

Как это мило с твоей стороны, что ты подумал о том, чтобы пригласить меня крестным отцом твоего мальчика! Ты можешь себе представить нашу радость, когда мы прочли твою телеграмму, сообщающую об его рождении! «Was lange währt, wird gut» (что долго длится, венчается успехом),—говорит старая германская пословица, пусть так будет и с этим дорогим крошкой. Да выйдет из него храбрый солдат и мудрый, могущественный государственный деятель; да будет с ним благословение божье во веки и да сохранит оно его от всякого зла, телесного и душевного. Пусть он посто-

янно будет для вас обоих лучем солнца, каким он явился теперь в это время испытаний. Генри передаст тебе эти строки и мои искренние, сердечные пожелания тебе, Алисе и мальчику. Прилагаю при этом для моего маленького крестника кубок, который, он, я надеюсь, начнет употреблять, когда сообразит, что жажда мужчины не может быть утоляема одним только молоком! Может быть, он тогда придет к заключению, что поговорка «Ein gut Glas Branntwein soll Mitternachts nicht schädlich sein» (добрый стаканчик водки в полночь повредить не может), не только всем известная, ходячая истина, но что часто «Im Wein ist Wahrheit nur allein» (в одном вине правда), как поет дворецкий в «Undine»; в заключение же приведу классическое изречение нашего великого реформатора, д-ра Мартина Лютера: «Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Leben lang» (кто не любит вина, женщин и песен, тот всю жизнь остается дураком)—таковы правила, в которых мне хотелось бы воспитать моего крестника!! В них глубокий смысл и против них ничего нельзя возразить!

Ход военных событий был очень тяжел для твоей армии и флота, и я глубоко скорблю о потере стольких храбрых офицеров и солдат, павших и потонувших во имя долга, честно выполняя присягу, данную ими своему императору. Пусть подкрепления, которые должны были быть отправлены, настолько увеличат контингент и мощь твоей армии, чтобы установился неоспоримый перевес также и в численности. По моим расчетам, у Куропаткина должно быть 180.000 человек действующей армии, в то время, как японцы собрали 250—280.000,—это все еще большое несоответствие сил, которое крайне затрудняет задачу твоего доблестного генерала. Если бы твоим судам при их последней попытке прорваться из Порт-Артура не удалось из-за повреждений в битве достичь Владивостока, то всего лучше для них было бы пытаться пройти в Тсин-Тау, там они были бы в сохранности до конца войны, вместо того, чтобы быть взорванными или потопленными; мы позаботимся также и о «Цесаревиче» и о миноносцах. Дай бог, чтобы будущий год был счастливее; тогда армия, более подготовленная и хорошо организованная, сможет начать наступление на врага с бо́льшим успехом, чем теперь, потому что мне кажется, что Куропаткину все еще грозит опасность быть отрезанным на пути его отступления по направлению к Мукдену, куда он должен пробиваться. Дай бог, чтоб это ему удалось. Старое изречение Наполеона I-го все еще остается в силе: «La victoire est avec les gros bataillons».

Я не сомневаюсь, что ты, в конце концов, должен победить и победишь, но это будет стоить и денег и большого количества людей, так как враг храбр, прекрасно руководим и может быть побежден только подавляющей численностью, временем и терпением. Конечно, действия сухопутной армии станут легче и дадут лучшие результаты, как только появится на сцене Балтийский флот и,—загнав японский флот в его порты, восстановит т в о е г о с п о д с т в о н а м о р е, в данный момент утраченное благодаря неспособности адмиралов, командующих морскими силами в Порт-Артуре. Г о с п о д с т в о н а м о р е—совершенно необходимо для окончательного успеха сухопутной армии, так как оно лишает врага поддержки его базы, подкреплений и т. д.; теперь он пользуется всем этим совершенно свободно, посылая резервы, снаряды, снабжение, эвакуируя раненых и т. д.

Когда в феврале началась война, я выработал для себя план мобилизации, основываясь на численности японских первоочередных войск. Так как последние насчитывают *10—12* дивизий, то для безусловного перевеса над ними нужно *20* русских дивизий, т.-е. *10* армейских корпусов; принимая во внимание *4* сибирских корпуса, которые уже на месте и составляют манчжурскую армию, остаются *6* корпусов, которые должны быть присланы из России. Из них должны быть сформированы *2* армии, по *3* корпуса каждая, при них по кавалерийскому корпусу из *8* бригад с *4* батареями на каждую *армию*. Вот что, по моим соображениям, должно было быть послано и чего было бы достаточно для победы. Манчжурскую же армию следовало оставить в качестве как бы передового заслона, прикрывающего подход корпусов из России к их базе, их формирование и развертывание. Я не решился писать тебе эти свои соображения, так как не мое дело вмешиваться в твои дела, и я боялся, что ты скажешь мне, чтобы я занимался своими собственными делами, и что ты лучше знаешь, что нужно для России. Но теперь первый период кампании фактически закончен, и я полагал, что этот мой план может представить некоторый интерес для тебя.

Привет Алисе и «солнечному лучу». Остаюсь твой преданнейший и любящий друг и кузен

Вилли, адмирал Атлантического океана.

58.

Телеграмма Вильгельма.

В Ревель.

Полковник моего Выборгского полка [41]) передал мне по телеграфу факт твоего благосклонного признания храбрости этого полка, выразившийся в пожаловании большого числа знаков отличия; как шеф, от души благодарю тебя за это и выражаю мое удовлетворение доблестным поведением выборжцев! Узнаю из газет, что флот практикуется в стрельбе на хорошо известном рейде близ Ревеля, где мы провели столь очаровательные дни. Надеюсь, что моряки основательно изучат свое дело и заведут телескопические искатели *), подобные тем, какие имеются у японцев при орудиях, которых не хватало Порт-артурскому флоту. Полагаю, что когда станет лед, флот устроит себе базу в Либаве или близ датского берега, хотя бы в бухте Кёге, месте очень удобном зимою для машинного и эскадренного учения. Поэтому, когда придет весна, моряки будут готовы к отплытию на восток, зная своего вождя, свои корабли и орудия; и там восстановят русское преобладание на море.—Как и все у меня на родине, я восторженно восхищаюсь храбрым Стесселем и его доблестным гарнизоном; да поможет им бог устоять! Суда в гавани составляют, разумеется, главную приманку для японцев. Надеюсь, они попытаются напасть на японский флот и, если сумеют, потопить, разбить или повредить оставленные Японии четыре линейных военных корабля, хотя бы рискуя сами при этом погибнуть, то они исполнят свой долг, подорвут морское могущество японцев и подготовят победоносный успех Балтийскому флоту, которому, по его прибытии, легко будет одолеть ослабленного противника, лишенного возможности исправить свои суда или своевременно выстроить новые **). Тогда преобладание на море окажется опять в твоих руках, и сухопутные силы японцев будут в твоей власти. Тогда ты протрубишь «генеральное наступление» своей армии и врагу. Сейчас, когда я кончил телеграмму, Шебеко принес от тебя

---

*) Telescopic sights.

**) В оригинале: I hope they will make a try for the Japanese fleet, and if they manage to run down or smash, or damage the 4 line of battleships left to Japan, though they themselves may perish too, they will have done their duty: shattering the strength of the Japanese seapower and preparing the way for the Baltic fleets victorious success on its arrival, in winning easily against a damaged antagonist, unable to repair his ships or build new ones in time.

письмо. Много раз сердечно благодарю. Я уже распорядился, чтобы Гамбургско-Американской пароходной компании не чинилось никаких препятствий, и чтобы она могла свободно делать, что ей угодно. Очень разумно продержать эскадру здесь, пока суда не будут вполне оборудованы и не будут готовы выйти все вместе. Нет сомнения, что появление свежего сильного флота, м н о г о ч и с л е н н о г о—хотя бы в состав его и входило несколько более старых судов—даст хорошие результаты и решит сражение в твою пользу; самое главное, чтобы порт-артурские корабли напали на японцев и старались потопить, пробить или повредить возможно больше их судов, с целью подготовить почву для Балтийского флота, так чтобы последнему по прибытии пришлось бы только покончить с остатком вражеских кораблей. Думаю также, что с твоей стороны было бы целесообразно начать заказывать частным фирмам ряд военных судов, что японцы уже сделали в Англии, так чтобы, когда через год или два начнутся переговоры о мире, ты мог располагать свежим резервом, чтобы продиктовать свою волю и обеспечить себе независимость от чужестранного вмешательства.

Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Губертусштока 25 сентября—8 ноября *) 1904 г. 6 ч. 25 м. пополудни.

59.

Письмо Вильгельма.

Губертусшток, 10/X 1904 г.

Милейший Ники.

Чтобы не терять времени, я немедленно телеграфировал тебе после того, как видел Шебеко. Я очень тронут всеми знаками внимания, которые он передал мне от тебя, и благодаря им вижу, что твоя вера в мою лойяльность не поколеблена. Без сомнения, отставка Алексеева значительно упростит дело. Один генерал, в лице которого сосредоточивается и высшее командование и контроль над всеми войсками Манчжурии, будет, несомненно, больше отвечать потребностям войны. Куропаткин, кажется, пользуется популярностью среди войск, и они ему вполне доверяют; это в высшей степени важно для конечного успеха.

*) Несоответствие месяцев при обозначении даты имеется в подлиннике.

Шебеко сообщил мне о твоем намерении послать Черноморский флот на соединение с Балтийским и просил меня высказать мое мнение по этому поводу. Признаюсь, что я давно ждал выполнения этого плана. Это вполне правильная мысль с военной точки зрения и, приведенная в исполнение, обеспечит победу. Что касается того, как лучше действовать, то, основательно обдумав этот вопрос и наведя справки, я пришел к следующему выводу. Самое лучшее было бы, молча и не торопясь, приготовить флот, не говоря ни единого слова кому бы то ни было или какой бы то ни было другой державе о твоем намерении. Затем, в подходящий, по твоему мнению, момент спокойно и гордо плыть через Дарданеллы. Мы с тобой можем быть вполне уверены, что со стороны султана ты не встретишь и тени сопротивления, а когда вы их пройдете, мы все окажемся перед fait accompli (совершившимся фактом) и примем его с полным спокойствием. Я нисколько не сомневаюсь в том, что и Англия примирится с ним также, хотя печать будет неистовствовать с пеной у рта, а эскадры их немножко покрейсируют, как они это часто делают, в Средиземном море. Но они не предпримут ничего серьезного, если увидят, что все прочие державы остаются спокойными. Вся суть в том, чтобы это случилось внезапно и совершенно неожиданно и застало весь мир врасплох, т.-е., чтобы тайна не была раскрыта преждевременно. Здесь будет соблюдено полнейшее безмолвие.

С твоего согласия я подпишу приказ о назначении Ламсдорфа в твою свиту и состоящим при твоей особе, а ты, пожалуйста, сделай то же самое относительно Шебеко.

Всегда твой преданный

Вилли.

Привет Алисе.

60.

Телеграмма Вильгельма.

Новый Дворец, 6/19 октября 1904 г.

Из хорошего источника узнал, что бывший японский посланник в Петербурге, Курино, вновь появился в Европе. Он в Париже и, будто бы, уполномочен добиваться посредничества Франции и Англии—entente cordiale! *)—в пользу Японии в целях заключения мира. Кажется, и китайцы, побуждаемые Японией, тоже намерены предложить посредничество со своей стороны. Это показывает, что силы Япо-

*) См. прим. 40.

ний в отношении людей и денег будут скоро исчерпаны, и что теперь, получив перевес над манчжурской армией, японцы воображают, что *они* могут сейчас остановиться и попробовать пожать плоды трудов своих, соблазнив другие державы вмешаться в дело и приобрести Манчжурию путем мирной конференции. Так как я знаю твои мысли насчет дальнейшего развития войны, и, что, после тяжких неудач, ты, разумеется, никогда не станешь содействовать подобным поискам, я счел своей обязанностью сообщить тебе о том, что, кажется, происходит за кулисами. Думаю, что нити всех этих деяний идут с той стороны канала.

Вилли.

61.

Телеграмма Николая *).

В Новый Дворец.

Будучи на охоте я не мог ответить раньше на твою интересную телеграмму. Очень благодарен за сообщение о деятельности Японии в некоторых государствах Европы. Я тоже об этом слышал, но не могу уяснить себе, идут ли нити этих деяний через канал, или, может быть, через Атлантический океан. Можешь быть уверен в том, что Россия доведет эту войну до конца: до тех пор, пока последний японец не будет выгнан из Манчжурии; только тогда можно будет толковать о мирных переговорах и то только между двумя воюющими сторонами. Да поможет нам бог. Сердечно благодарю за твою верную дружбу, в которую я верю больше всего.

Ники.

62.

Телеграмма Вильгельма.

Уже некоторое время английская печать грозит Германии, что ей ни в каком случае не будет дозволено снабжать Балтийскую эскадру углем теперь, когда она в пути. Нет ничего

*) Над телеграммой находится пометка: «Подчеркнутое зашифровать».

невозможного, что правительства Японии и Англии сообща заявят протест против снабжения нами ваших кораблей углем, присоединив к нему «требование» о прекращении этого в дальнейшем. Конечным результатом такой угрозы войною была бы полная неподвижность твоего флота и невозможность для него достигнуть своего назначения вследствие отсутствия топлива. Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обеим напомнить твоей союзнице Франции об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с тобой и указать на «casus foederis» [42]). Не может быть и речи о том, чтобы на подобное приглашение Франция попыталась уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику. Хотя Делькассе—ярый англофил, но он достаточно умен для того, чтобы понять, что английский флот совершенно не в состоянии спасти Париж! Таким путем создалась бы мощная комбинация трех наиболее сильных континентальных держав, и прежде чем напасть на нее англо-японской группе не раз бы пришлось подумать. Жалобы Англии на наше снабжение русских судов углем тем более легкомысленны, что с самого начала войны она, подарив Японии два броненосца, «Ниши» и «Касугу», с британскими офицерами и экипажем,—еще все время снабжала своим углем японский флот и продала туда не менее тридцати пароходов. Морские сражения, данные Того, велись при помощи Кардифского угля. Нам, разумеется, было бы гораздо приятнее, если бы англичане были разумны и, помня все это, оставили нас в покое и предоставили самим себе. Но я никогда ни на минуту не отступлю перед несправедливой угрозой. Очень жалею о случившемся в Северном море [43]). Если флот боится ночных нападений, то думаю, что для ограждения судов от неожиданностей было бы достаточно одного употребления прожекторов при условии направления всех огней на секторы с внешней стороны флота; употребление же пушек—особенно в европейских водах—следовало было бы насколько возможно ограничить. Мои вести из Лондона гласят, что печать и черни проявляют беспокойство, адмиралтейство несколько тревожится, но правительство, двор и общество смотрят на это происшествие совершенно спокойно, как на несчастие, явившееся последствием излишней нервности. Я имею достоверные сведения из Италии о том, что «Терний-ский судостроительный трест» (Терни, Одеро, Орландо) строит три сверхброненосца, водоизмещением в 12.000 тонн каждый, для иностранной державы, которой не называют,—вероятно, для Японии; это напоминает мне о моем уже вы-

сказанном совете, что тебе следует не забыть тоже заказать новые линейные корабли для того, чтобы иметь наготове некоторые из них к окончанию войны. Они окажутся превосходными «доводами» во время мирных переговоров; наши частные фирмы были бы очень рады получить заказы. Я прикомандировал Ламсдорфа к твоей свите и особе, как ты имел любезность прикомандировать ко мне Шебеко. Я глубоко признателен за твою лестную оценку моего поведения по отношению к тебе и к России и могу тебя уверить, что ты всегда можешь рассчитывать на мою безусловную верность и лояльность.

Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Нового Дворца, 14/27 октября 1904 года, в 1 часа 28 мин. ночи.

63.

Телеграмма Николая *).

В Новый Дворец.

Шифром:

Твоя телеграмма получена в очень серьезный момент. Сердечно благодарю тебя за нее. Из телеграммы нашего адмирала ты, конечно, узнал первые подробности инцидента в Северном море **). Это, конечно, совершенно меняет характер происшествия. Не нахожу слов выразить свое негодование по поводу поведения Англии. Повидимому, континентальным державам приходится в подобных случаях выдерживать натиск общественного мнения, могущего заставить правительство сойти с занятой им более разумной позиции. Вынужденное следовать желаниям страны, оно предпринимает рискованные шаги и рассылает громовые ноты с совершенно неприемлемыми условиями. Вот последствия действий, предпринятых сгоряча! Сегодня я приказал Ламсдорфу предложить моему лондонскому послу передать, согласно протоколу Гаагской конференции, этот вопрос на рассмотрение Международной Следственной Комиссии. Я вполне разделяю твое неудовольствие по поводу поведения Англии в вопросе снабжения германскими пароходами на-

*) Подлинник даты не имеет. В Секретном Архиве министра иностр. дел за 1904 г. имеется копия этой телеграммы с пометкой: «Шифрованная телеграмма государя императора императору германскому, присланная его величеством графу Ламсдорфу собственноручно переписанная 16 окт. 1904 г.». На полях против слов: «Сегодня я приказал... поставлено: «15 октября».

**) См. прим. 43.

ших кораблей углем; она понимает сохранение нейтралитета своеобразно. Безусловно пора положить этому конец. Единственное средство этого достигнуть, как ты говоришь это,— чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Составь и набросай, пожалуйста, проект такого договора и сообщи мне его. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову, он принесет мир и спокойствие всему миру. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

64.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 30/X 1904 г.

Дорогой Ники.

Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба т а й н о, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе. Конечно, союз должен быть чисто оборонительным, направленным исключительно против нападающего или нападающих в Европе, нечто в роде компании взаимного страхования от огня против поджогов. Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врожденной антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии. Кроме того, американцы прекрасно сознают тот неоспоримый факт, что могущественная японская империя является постоянной опасностью для американских Филиппин. Что касается Франции, то мы оба знаем, что радикалы и антихристианские партии, в данную минуту наиболее сильные, склоняются к Англии—старые Крымские традиции,—но они против войны, потому что победоносный генерал внес бы некоторое расстройство в эту республику жалких штатских. Националистическая или клерикальная партия не любит Англии и симпатизирует России, но и не помышляет о том, чтобы связать свою судьбу с Россией в теперешней войне. Между этими двумя партиями республиканское правительство сохранит нейтралитет и ничего не предпримет. На этот нейтралитет и, следовательно, на изоляцию России рассчитывает Англия.

Мне достоверно известно, что не дальше как в декабре прошлого года французский министр финансов Рувье, по собственному почину, заявил финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне, даже если Англия встанет на сторону Японии. Чтобы сделать этих республиканцев вполне надежными, Англия передала Франции Марокко. Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку А н г л и и,—вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лучшему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придется открыто высказаться за Петербург или за Лондон. Но как я сказал выше, радикалы, тяготеющие к Англии, относятся вообще с отвращением к войне и к милитаризму, националисты же, не имеющие ничего против войны, как таковой, не желают сражаться ни за Англию, ни против России. Отсюда ясно, что обе партии заинтересованы в том, чтобы оказать давление на Англию и заставить ее сохранять мир. Если ты и я будем стоять плечо к плечу, то важнейшим последствием этого будет то, ч т о Ф р а н ц и я д о л ж н а б у д е т о т к р ы т о и ф о р м а л ь н о п р и с о е д и н и т ь с я к н а м о б о и м, и таким образом выполнить, наконец, по отношению к России возложенные на нее договором обязательства, что для нас чрезвычайно ценно, особенно если принять во внимание ее прекрасные гавани и хороший флот, которые окажутся тогда и к нашим услугам. Ты можешь быть уверен, что это положит конец жалобам на так называемые нарушения нейтралитета. Раз это будет достигнуто, я надеюсь, что буду в состоянии поддержать мир, а у тебя будут развязаны руки в твоих действиях по отношению к Японии. Позволь мне прибавить к этому, что я искренно восторгаюсь твоим тонким, политическим инстинктом, подсказавшим тебе мысль обратиться по поводу происшествия в Северном море в Гаагский третейский суд. Ведь именно этот упорно выставляющийся в извращенном виде случай и использовали французские радикалы, Клемансо и остальная сволочь (tag-rag and bobtail), как довод против того, чтобы Франция выполняла в отношении России возлагаемые на нее договором обязательства. Конечно, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в этом вопросе и заговаривать с Францией,—необходимо покончить с этим досадным происшествием в Северном море. Дело в том, что, как мне сообщили, Делькассе и Камбон примкнули в этом вопросе к британской точке зрения и

сообразно с этим о т н о ш е н и е французского правительства о п р е д е л и л о с ь, как с о ч у в с т в у ю щ е е А н г л и и. Если мы поэтому в э т о м в о п р о с е окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону А н г л и и,—а это-то нам как раз и нежелательно. Il faut que l'incident de la Mer Noire soit clos»*) (необходимо, чтобы происшествие на Черном море было исчерпано), и тогда только можем мы начать действовать совместно.

Согласно твоему желанию я прилагаю при этом проект статей договора, надеюсь, что ты их одобришь. Никто ничего не знает об этом, даже мое министерство иностранных дел: это сделали Бюлов и я лично. «Möge Gottes Segen ruhen auf dem Vorhaben der beiden Hohen Herrscher, und die mächtige 3-fache Gruppe Russland, Deutschland, Frankreich für immer Europa den Frieden bewahren helfen, das walte Gott» (да благословит бог намерение обоих высоких властителей и да поможет он могучему тройственному объединению России, Германии и Франции навсегда обеспечить Европе мир, да поможет этому бог). Таковы были его слова, когда мы кончили.

Я послал в Сувалки, чтобы приветствовать тебя вблизи нашей границы, генерала от инфантерии фон-дер-Гольца и губернатора Восточной Пруссии фон-Мольтке. Гольц командует первым армейским корпусом, а раньше был начальником нашего инженерного корпуса; этот пост он занимал, вернувшись из Турции, где он провел много лет в бесплодных попытках реорганизации. Фон-Мольтке—губернатор Восточной Пруссии, племянник старого фельдмаршала и брат моего ген.-адъютанта, который командовал твоими гренадерами, и которого ты так часто радушно принимал, когда он приезжал по специальным поручениям. Привет Алисе.

Остаюсь всегда твой любящий кузен и друг

Вилли.

Проект договора.

Их величества, император всероссийский и император германский, чтобы локализировать насколько возможно русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзниц

*) См. прим. 43.

се придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.

Статья II.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны, со стороны третьей державы, протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

65.

Телеграмма Вильгельма.

Очень благодарю за телеграмму. Сегодня вечером отослал с императорским фельдъегерем письмо с проектом договора *), которого ты желал. Слышал частным образом, что Гулльские рыбаки уже заявили, что среди своих судов они видели чужой пароход, не принадлежавший к их рыбацкой флотилии и им неизвестный. Значит, тут была измена. Думаю, что английское посольство в Петербурге должно знать эту новость, которую доселе скрывают от английской публики из боязни «blamage» (шума).

Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Берлина, отправленная 17-го октября 1904 г.

66.

Телеграмма Вильгельма.

В Царское Село.

Из достоверного источника мне тайно сообщают из Индии, что для Афганистана спокойно подготовляется экспедиция «à la Thibet» (подобная Тибетской) [41]). Имеется в виду раз на-

*) См. предыдущее письмо.

всегда подчинить эту страну британскому влиянию, а, если возможно, то и прямому суверенитету. Экспедиция должна отправиться в конце этого месяца. Единственный европеец-не англичанин на афганской службе, директор оружейного завода эмира, германский дворянин, был убит, в виде «пролога» к действию! По имеющимся у меня сведениям, потери японцев под Порт-Артуром равны пятидесяти тысячам человек; следовательно, они начинают чувствовать утомление от войны, так как теряют слишком много людей. Это побудило их обратиться в Париж и Лондон за посредничеством, и вот почему эти две державы заставили свою печать возобновить обсуждение вопроса о том, насколько возможно для них явиться посредниками. Япония надеется получить Порт-Артур и Манчжурию через них при помощи конгресса. Готовлю на твое милое письмо ответ, который, надеюсь, окажется соответствующим твоим желаниям.

Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Нового Дворца, 2/15 ноября 1904 г., 1 час. 35 мин. пополудни

67.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 17/XI 1904 г.

Милейший Ники.

Твое милое письмо подтверждает еще раз, что наши совместные усилия направлены, главным образом, на то, чтобы локализировать настоящую войну и избежать войны европейской. Злоупотребляя твоим любезным разрешением, я беру на себя смелость предложить тебе в наших обоюдных интересах два изменения: одно изменяет мое предложение, другое—твою заключительную оговорку.

Если бы содержание договора стало известно, путем ли официального опубликования или просто благодаря нескромности,то возможно, что фраза: «для того, чтобы локализировать русско-японскую войну»,—будет истолкована другими державами в том смысле, что договор имеет силу т о л ь к о в том случае, если Англия вступит в войну в качестве союзницы Японии, т.-е., что договор является угрозой в ы з ы в а ю щ е г о характера, направленной только против Англии. В действительности это отчасти так и есть. Но «toute verité n'est pas bonne à dire» (не всякую правду следует говорить). Мы видим, что английское общественное мнение в настоящий момент находится в нервном состоянии, близком

к помешательству, чему несколько прелестных образчиков мы только что получили. При таком настроении Англия взглянула бы на этот договор, как на вызов, и тотчас ускорила бы окончательную катастрофу, которой мы пытаемся избежать или которую, по крайней мере, стремимся отдалить. Поэтому я предлагаю фразу, которую ты сам употребил, «afin d'assurer le maintien de la paix en Europe (чтобы обеспечить сохранение мира в Европе). что будет вполне соответствовать нашей цели и чего ни в каком случае нельзя счесть провокацией. Мы думаем только о себе и воздерживаемся от того, чтобы указывать пальцем на кого бы то ни было, что к тому же в обществе считается невоспитанностью. (Никому—у кого совесть чиста—такой договор им может быть неприятен, и злобным джинго в Англии будет очень трудно превратить факт заключения его в «casus belli» (повод к войне).

Это изменение редакции договора, по моему мнению, делает необходимым установить известный срок, или краткий, с правом отказа от договора в любой момент года, или, если хочешь—более долгий. Продление действия договора, в случае если он отвечает желаниям обеих сторон,—на что я горячо надеюсь—и полезен нашим народам, могло бы совершаться само собой, автоматически. Все это можно устроить вполне сообразно твоим желаниям.

Другое изменение касается вновь прибавленной заключительной оговорки. Не надо забывать, что если бы ты захотел, например, оставить договор неопубликованным, то возможна нескромность—у стен есть уши, а дипломатов языки, которые будут работать,—при таких условиях эту фразу будут истолковывать в том смысле, что я определенно обязался помогать тебе защищать завоевания России, а это немедленно придаст статье 1-ой чисто агрессивный характер. В таком случае весь политический мир пришел бы к выводу, что мы вместо оборонительного союза основали нечто в роде компании в целях аннексий, со включением, вероятно, секретных сговорок в пользу Германии. Результатом этого было бы всеобщее недоверие, очень для нас опасное, так как Америка, движимая подозрениями, что Россия с Германией готовы к наступательным действиям ради дальнейших эгоистических целей, примкнет тогда к Англии. Этого допускать нельзя ни в коем случае: ведь главная задача руских и германских дипломатов—предотвратить союз Америки с Англией. Если бы договор сделался известен путем официального опубликования или благодаря нескромности, необходимо, чтобы Бюлов—в ответ на запрос в парламенте—мог заявить, что нет никаких секретных статей, противоречащих оборонительному характеру

договора или обеспечивающих Германии—au détriment des autres (в ущерб другим)—что-либо, кроме помощи в деле защиты мира в Европе в том случае, если бы ему кто-нибудь угрожал. Вот почему я предлагаю изменить редакцию этой фразы.

Руководящая мысль в ней— это непрерывные за последние месяцы протесты русской печати против мирного конгреса, который, подобно конгрессу 1878 г., должен был бы сыграть роль посредника; твои газеты очень боятся, что он снова будет созван, а имеются признаки, что некоторые державы уже действуют в этом направлении, особенно Париж и Лондон. Конгресс этот постарается, конечно, сделать все, чтобы уравнять положение победителей и побежденных и попробовать отнять у первых их завоевания и преимущества, как это было в 1878 году. Кроме того, эта фраза в своей новой формулировке раз навсегда исключает всякую возможность для Германии принять участие в подобном мирном конгрессе и в то же самое время отнимает у всех недоброжелателей и критиков удобный случай утверждать, будто мы преследуем какую-либо иную цель помимо стремления обеспечить мир, никого не провоцируя.

Таковы два моих предложения, которые я решаюсь представить на твое рассмотрение и которые, как я надеюсь, ты одобришь; цель их не допустить Англию принять активное участие в этой войне и, если можно, воспрепятствовать Америке присоединиться к Англии.

Я не знаю, считаешь ли ты нужным сообщить тайную статью (III) Франции. Пусть будет так, как ты хочешь, но я думаю, что другие статьи удержат Францию, и она не отстранится от нас. Я уверен, что Делькассе в самом духе договора сейчас же почувствует тенденцию против конгресса, и, принимая во внимание, что он уже начал между Лондоном и Парижем, а также и с другими державами переговоры по поводу созыва мирного конгресса для посредничества, он окажется в затруднении, потому что ему придется внезапно оборвать свои уже начатые переговоры.

Без сомнения, французы предпочли бы всякую группировку держав союзу à trois (втроем), как в 1895 г. *) но как только русско-германский договор станет совершившимся ф а к т о м, наши соединенные силы окажут на Францию сильное влияние, которое ты уже предусмотрел в своей телеграмме от 29-го октября, где ты говоришь: «После того, как мы войдем в соглашение, Франция будет вынуждена присоединиться». Конечно, это уже задача твоих дипломатов уладить

*) См. прим. 5.

дело с Францией, в то время как Германия будет молча стоять за тобой. Демократы—штатские и франкмасоны Делькассе, Комб и К° равным образом боятся как победы, так и поражения, и в тот момент, когда им станет ясно, что Франции не удастся остаться нейтральной, а необходимо примкнуть к той или другой стороне,—они сделают все от них зависящее, чтобы удержать Англию от войны. Прекрасным средством охладить британское нахальство—было бы произвести несколько военных демонстраций на персидско-афганской границе, где англичане считают появление твоих войск во время настоящей войны невозможным. Если даже у тебя сейчас нет достаточно войск для нападения на Индию, то тех, которые имеются, достаточно для Персии,—у нее нет армии, а давление на границу Индии со стороны Персии произведет в Англии чудеса и окажет замечательно успокаивающее действие на горячие головы джинго в Лондоне.

Я знаю сам и мне сообщали, что они боятся только этого, и что страх перед твоим вступлением в Индию из Туркестана и в Афганистан из Персии был настоящей и единственной причиной того, что пушки Гибралтара и британского флота 3 недели тому назад молчали. Граница Индии и Афганистан,—это единственная часть земного шара, где весь британский военный флот ничего не может поделать, и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля. Потеря Индии—смертельный удар для Великобритании.

Я надеюсь, что таким образом наш договор достигнет своей цели сохранения мира в Европе.

Если пересмотренный проект и предложенные соображения будут тобой одобрены, то подписание может состояться немедленно. Я надеюсь, что Ламсдорф получит от тебя приказ совершить все формальности. Дай бог, чтобы мы нашли истинный путь локализировать ужасы войны, и да благословит он наши планы. Привет Алисе. Верь мне, милейший Ники. Всегда твой горячо любящий кузен и искренний друг

Вилли.

Проект.

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения сохранения мира в Европе, установили следующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если бы одна из двух империй подверглась нападению со стороны одной из европейских держав, союзни-

на ее придет ей на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами. Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги, для того чтобы сообщить Франции этот договор и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Тайная статья.

Высокие договаривающие стороны согласились действовать сообща в том случае, если бы действия, совершенные одной из них во время войны (настоящей?), как, например, поставка угля какой-либо воюющей державе, вызвали бы впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

Из первого пункта статьи I вытекает, что Германия не присоединится ни к какому действию, каково бы оно ни было, в котором могли бы быть скрыты враждебные России намерения.

68.

Телеграмма Вильгельма.

Сегодня вечером Ламсдорф уезжает с письмом *). Мои сообщения об Индии в последней телеграмме подтверждены речью лорда Сельборна, который коснулся афганского вопроса **). Слышал из заслуживающего доверия частного источника, что власти в Токио опасаются за дальнейший ход войны. Они высказывали свою скорбь по поводу того, что за неимением свежих резервов не добились под Лао яном настоящего успеха, соответствующего громадной потере людей. Непрестанное прибытие из России свежих батальонов далеко превышает их ожидания, так как они никогда не считали Сибирскую дорогу способною к беспрерывному транспорту. Следовательно, они начинают видеть, что, тогда как

*) См. предыдущее письмо.
**) См. прим. 44.

их кадры, особенно офицерские, подходят к концу, т в о я армия с каждым днем возрастает в мощи, численности и ударной силе, и что военное счастие медленно, но верно отворачивается от них. Один японский генерал дошел до того, что сказал: «кашу, которую мы заварили, мы же должны теперь и расхлебывать». Таким образом, оказались верными мои подозрения, что японцы тайно стараются добиться посредничества других держав, ибо ныне достигли высшей степени своих успехов. Ленсдоун просил Гайаши сообщить Англии у с л о в и я, на которых Я п о н и я заключила бы мир. Их телеграфировали из Токио, но они были так нелепы, что даже свирепый Ленсдоун счел их чрезмерными и посоветовал Гайаши понизить тон. Когда тот сделал недовольное лицо и стал возражать, Ленсдоун прибавил: «разумеется, Англия позаботится о том, чтобы при посредничестве не допускать Россию в Манчжурию, Корею и т. д. Так что фактически Япония получит все, что ей нужно!!» Вот пункт, который англичане имеют в виду, когда говорят о дружбе и дружеском посредничестве. Франция, как слышу из Японии, уже осведомлена касательно этих планов и, разумеется, участвует в этой сделке, становясь—как обычно в новой «entente cordiale»—на сторону Англии. Они собираются предложить тебе, как компенсацию, кусок Персии, разумеется, подальше от берега залива—sa va sans dire (это само собой разумеется)—каковой Англия намерена захватить сама, боясь, как бы ты не добрался до теплого моря, что тебе следует сделать по праву, так как Персия должна подпасть под контроль и надзор России. Это открыло бы великолепные коммерческие перспективы, которых Англия хочет тебя лишить. Вероятно, твои дипломаты уже доложили тебе обо всем этом, но я все-таки счел своей обязанностью уведомить тебя обо всем, что слышу, так как все это—подлинные серьезные известия из совершенно достоверных источников; слова Ленсдоуна тоже подлинные. Итак, ты видишь, что для твоей армии будущее проясняется, и что скоро ты окажешься в состоянии отплатить врагу его же монетой. Дай тебе бог полного успеха; я же продолжаю всюду стоять за тебя на страже. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Нового Дворца, 6/19 ноября 1904 г., час. 35 мин. утра.

69.

Телеграмма Николая *).

В Новый Дворец.

Шифром:

Граф Ламсдорф передал мне сегодня твое очень милое и очень интересное письмо. Прими мою самую сердечную благодарность также и за твою вчерашнюю телеграмму, которая сообщила мне многое. В самые ближайшие дни я пришлю тебе свой ответ и надеюсь, что мы это дело уладим к обоюдной выгоде. Алиса шлет сердечный привет.

Ники.

70.

Телеграмма Николая **).

В Новый Дворец.

Шифром:

Узнав, что император австрийский написал тебе по поводу соглашения, подписанного между Россией и Австрией, я считаю своим долгом сообщить тебе об этом также с своей стороны. В подкрепление наших усилий сохранить мир и спокойствие на Балканах, согласно договору 1897 г. [45]), император и я решили подписать тайную декларацию о соблюдении лойяльного и строгого нейтралитета в случае, если бы одна из империй оказалась в состоянии войны, одна и без вины с своей стороны, с третьей, которая пожелала бы угрожать существующему «status quo». Конечно, это соглашение не касается ни одного из маленьких Балканских государств и будет оставаться в силе до тех пор, пока Россия и Австрия будут продолжать свою политику мира на юго-востоке Европы.

Зная, как ты стараешься сохранить общий мир, я уверен, что это соглашение встретит с твоей стороны сочувствие, и ты отнесешься к нему доброжелательно.

Ники.

---

*) Подлинник даты не имеет. На подлиннике имеется приписка II. Романова на русском языке: «Верните это мне назад».

**) Согласно документам Секретного Архива министра ин. дел. послана 11 ноября 1904 года.

71.

Телеграмма Николая.

В Новый Дворец.

Шифром:

Я полагаю, было бы разумным показать французам черновик договора перед тем, как подписать его. Пока он еще не подписан, есть возможность сделать некоторые маленькие поправки в тексте, тогда как, если он будет уже вполне одобрен нами обоими, покажется, что мы пытаемся заставить Францию принять договор. В этом случае все дело может потерпеть неудачу, чего, как я полагаю, и ты не можешь желать. Поэтому я прошу твоего согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом и, по получении ответа, я немедленно сообщу тебе телеграммой.

Ники.

72.

Телеграмма Вильгельма.

В Царское Село.

Очень благодарю за телеграмму. Ты дал мне новое доказательство твоей полной лойяльности, решив не уведомлять Францию без моего согласия. Я, однако, твердо убежден в том, что было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. Лишь несомненная и определенная уверенность в том, что мы с тобой связаны договором о взаимной помощи, заставит Францию оказать давление на Англию в том смысле, чтобы последняя оставалась спокойной и не нарушала мира из боязни поставить Францию в опасное положение. Между тем, если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но еще не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой ее связывает «entente cordiale» *) и осведомит ее немедленно. Результатом такой информации будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калекою. Это нарушило бы мировое рав-

*) См. прим. 40.

новесие в ущерб нам с тобой, и позднее, когда ты начнешь переговоры о мире, предоставило бы т е б я о д и н и а о д и н нежным попечениям Японии и ее торжествующих подавляюще-могучих друзей. Моим особым желанием, а также,—насколько я понимал—и твоим намерением—было поддержать и укрепить это находящееся в опасности мировое равновесие путем соглашения между Россией, Германией и Францией. Это возможно лишь в том случае, если наш договор станет п р е ж д е э т о г о с о в е р ш и в ш и м с я ф а к т о м и если между нами в какой бы то ни было форме установится полное единомыслие. Предварительное же уведомление Франции приведет к катастрофе. Но если ты, тем не менее, считаешь для себя невозможным заключить договор со мной без предварительного согласия Франции, то будет гораздо безопаснее совместно воздержаться от заключения какого бы то ни было договора. Разумеется, я буду также абсолютно безмолствовать о наших переговорах, как и ты; как ты сообщил о них одному только Ламсдорфу, так и я говорил об этом только с Бюловым, который гарантирует абсолютную тайну. Наши взаимоотношения и чувства останутся неизменно прежними, и я, как и прежде, буду стараться быть тебе полезным, поскольку это будет совместимо с моей безопасностью. Твой договор о нейтралитете был мне сообщен австрийским императором; благодарю тебя за твою телеграмму, присланную с тою же целью; считаю его очень разумным и вполне его одобряю.

Сердечный привет

Вилли.

Из Мошена при Кулмах, 13/26 ноября 1901 г. 9 час. 33 мин. утра.

73.

Телеграмма Николая.

Шифром.

Очень благодарен за телеграмму. Отвечу на нее письмом с разъяснениями по этому поводу. Я полагаю, что письмо надежнее шифрованной длинной телеграммы, которая может привлечь нежелательное внимание. Я твердо убежден в том, что мы скоро достигнем полного единомыслия по этому, столь сильно нас обоих интересующему вопросу. Очень благодарен тебе за твои откровенные и благосклонные разговоры с Шебеко, о которых он мне доложил.

Ники.

74.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 7/XII 1904.

Милейший Ники.

Британское правительство, как ты, вероятно, видишь из английской печати, считает настоящий момент подходящим для того, чтобы противиться снабжению твоего Балтийского флота углем. Под предлогом, что оно обязано поддерживать строжайший нейтралитет, английское правительство запретило германским судам, принадлежащим Гамбургско-американской пароходной компании или зафрахтованным ею, покидать британские порты. Опасения мои, — я уже давно писал тебе об этом, что это случится, — наконец, оправдались, и на мне теперь лежит обязанность принять своевременные меры и определить отношения Германии к поведению Англии. Я не хочу торопить тебя с ответом на мои последние заметки по поводу твоих предложений, касающихся нашего оборонительного договора. Но я уверен, что ты сам понимаешь, что мне необходимо получить от тебя положительные гарантии в том, что ты будешь помогать мне в том случае, если Англия и Япония объявят мне войну из-за того, что Германия поставляет уголь русскому флоту.

Если ты не можешь вполне гарантировать мне, что в случае подобной войны ты будешь честно сражаться плечо к плечу со мной, то я, к сожалению, должен буду немедленно запретить германским пароходам поставлять уголь твоему флоту [46]).

У Альвенслебена имеются инструкции окончательно выяснить угольный вопрос с Ламсдорфом.

Привет Алисе.

Твой всегда горячо любящий кузен и друг

Вилли.

75.

Телеграмма Вильгельма.

В Царское Село.

Твое письмо от 7-го, за которое очень благодарен, как раз скрестилось с моим от того же числа. Т е п е р ь мы п р е ж д е в с е г о должны притти к прочному соглашению об угольном вопросе. Он с к а ж д ы м д н е м становится все более и более неотложным. Сегодня до меня вновь дошли серьезные вести из Порт-Саида и Капштадта; больше

нельзя терять времени. Никакая третья держава не должна слышать даже и намека о наших планах, прежде чем мы не заключим конвенцию по делу о снабжении углем; иначе последствия могут быть очень опасны. Я, разумеется, вполне полагаюсь на твою лойяльность.

Вилли.

Из Нового Дворца, 27 ноября-10 декабря 1904 года 10 ч. 23 м. вечера.

76.

Телеграмма Николая *).

В Новый Дворец.

Шифром:

Сердечно благодарю за твое письмо. Вполне согласен с тем, что оба наши государства должны притти теперь к определенному соглашению по угольному вопросу. Ламсдорф посетил сегодня утром Альвенслебена. Ты вполне можешь положиться на мою лойяльность и на мое желание, как можно скорее уладить этот серьезный вопрос.

Ники.

77.

Телеграмма Николая **).

В Новый Дворец.

Я приказал министру иностранных дел вручить графу Альвенслебену ноту, в которой я даю свое согласие на выраженное тобой желание, в связи с угольным вопросом ***). Счастлив сообщить тебе это.

Ники.

78.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 21/XII 1904 г.

Милейший Ники.

От всей души благодарю тебя за твое милое письмо и две телеграммы, а равно и за твой приказ относительно уголь-

---

*) Подлинник даты не имеет. В Секретном Архиве министра иностр. дел за 1904 г. имеется копия телеграммы с пометкой: «Ответ государя императора. Царское Село 28 ноября 1904 года».

**) Из документов Секретного Архива министра иностр. дел за 1904 г. видно, что телеграмма послана 29 ноября 1904 года.

***) См. прим. 46.

ного вопроса. Конечно, мы не можем сейчас предвидеть, достаточно ли будет заявления твоего правительства, чтобы избежать всех возможных осложнений, могущих возникнуть из теперешнего положения дел. Как бы то ни было, я не собираюсь навязывать тебе такое решение дела, которое казалось бы тебе нежелательным. Во всяком случае, мы остаемся верными друзьями. Мнение мое по вопросу о соглашении остается неизменным; нельзя посвящать Францию в наши переговоры, п р е ж д е чем мы придем к окончательному соглашению. Лубэ и Делькассе, несомненно, опытные государственные люди, но так как это не принцы и не императоры, то и в вопросе, требующем д о в е р и я, каким является этот вопрос, я не могу относиться к ним также, как к тебе, мне равному, к моему кузену и другу.

Поэтому, если ты все-таки считаешь необходимым ознакомить французское правительство с нашими переговорами, п р е ж д е чем мы придем к окончательному решению, то я считаю, что для всех участников выгоднее попрежнему оставаться вполне независимыми друг от друга и самостоятельно итти к своим целям, насколько допускает положение. Я твердо убежден, что наши надежды на то, что мы можем быть полезны друг другу, могут получить свое осуществление не только во время войны, но и после нее, во время мирных переговоров, потому что интересы наши на Дальнем Востоке во многих отношениях вполне совпадают.

Желаю тебе и Алисе от всего сердца веселого Рождества и счастливого нового года, и да будет божье благословение на всех вас, и на мальчике в том числе.

Сердечный привет Алисе. Верь мне, милейший Ники, всегда твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

79.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 2/I 1905 г.

Милейший Ники.

От души благодарю за твое милое письмо и за превосходно исполненные новогодние карточки. Очень большое впечатление производит атака казаков и невольно приходит в голову мысль: что случилось бы, если бы при Ляо-Яне генерал Самсонов пошел в подобную атаку со своими 17.000 сабель и копий против левого крыла японцев. Полученное здесь вчера вечером известие о падении Порт-Артура произвело громадное впечатление. Мы все глубоко сочувствуем доблест-

ным генералам и находившейся под их командой храброй горсти героев, совершивших все возможное, чтобы исполнить свой долг перед императором и родиной; их защита Порт-Артура будет прославлена во все времена и, пока будет существовать солдат, она будет приводиться, как достойный подражания пример; честь и слава им во веки! Неизбежность падения обреченной на сдачу крепости привела за последнее время в движение дипломатические языки в разных столицах мира; многочисленны и разнообразны были доходившие до меня со всех сторон слухи и известия о переговорах о перемирии и даже о мире. Так как трудно отличить правду от вымысла, то я надеюсь, что ты не сочтешь это вмешательством в твои частные дела, если я обращусь к тебе с просьбой сообщить мне, каковы твои планы на будущее, чтобы я по возможности мог быть тебе полезен и мог бы сообразно с этим вести свою политику, тем более что Ламсдорф сказал на-днях Альвенслебену «que la France connait déjà nos conditions» (что Франции наши условия уже известны). Я предпочитаю узнать все прямо от тебя, чем получать сведения окружным путем через различных агентов, так как с самого начала я неизменно был для тебя и для твоей страны верным другом! После того как довольно долго стояла необычно теплая и туманная погода, позволявшая нам кататься верхом почти вплоть до Рождества, внезапно разразилась ужасная буря, за которой последовал сильный мороз и снег, и, повидимому, зима установилась прочно. Это наводит меня на мысль об условиях жизни, в которых находятся сейчас манчжурские армии, остающиеся без движения в течение этих последних месяцев. Я так рад, что ты наградил массой знаков отличия мой храбрый полк, *) отличившийся при Шахэ, надеюсь, что они получили много Георгиевских крестов.

Теперь, когда программа обновления твоего флота опубликована, ты, я надеюсь, не забудешь сказать своим властям, чтобы они вспомнили о наших крупных фирмах в Штеттине, Киле, и т. д. Я уверен, что они доставят прекрасные образцы линейных военных судов. Я очень рад, что Эрни снова собирается жениться, в начале будущего месяца я поеду на его свадьбу. Прошу тебя благосклонно принять к Рождеству две сделанные на нашем королевском фарфоровом заводе вазы, как выражение моих горячих пожеланий тебе, твоей семье и стране к наступающему году; да хранит бог вас всех.

Верь мне, всегда твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

---

*) См. прим. 41.

80.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 15/I 1905 г.

Милейший Ники.

Вдова старого князя Антона Радзивилла, княгиня Мария, едет в Петербург, чтобы просить тебя об утверждении завещания ее покойного мужа. Князь Антон был не только уважаемым и пользовавшимся доверием слугой моего усопшего деда, в качестве его адъютанта и генерал-адъютанта, но в лице его как мой дед и мой дорогой отец, так и я имели верного, любимого личного друга. Его чарующее обращение, веселый характер, его рыцарство — создавали ему везде друзей, и твой дед и отец — оба всегда любили его. Жена его была старинным, близким другом моей покойной матери и была назначена своим супругом его душеприказчицей. Вся будущность ее детей и семьи зависит от утверждения тобой завещания, и я беру на себя смелость выступить перед тобой защитником ее интересов и просить тебя оказать ей эту милость, так как она страшно опечалена и удручена своей потерей; тяжесть последней для нее еще усугубляется тем, что старший сын ее — безнадежный идиот — находится в лечебнице, так что на ней лежат еще заботы и о внуках. Твой посол Остен-Сакен страшно беспокоится за свою бедную старую жену. Она перенесла без хлороформа—очень серьезную операцию на спине—и теперь не может лежать, а вынуждена сидеть всю ночь в кресле, вынося жестокие боли, ввиду чего, принимая в расчет ее возраст, — 84 года,— жизнь ее в опасности. Бедный старик! это сильно удручает его, и я боюсь, что если она умрет, он не сможет уже больше работать, как прежде, и должен будет, пожалуй, подумать об отставке. На случай, если бы в твоем посольстве здесь произошли перемены, я позволю себе просить тебя (но чтобы эта просьба моя осталась между нами) прислать сюда Извольского. Это один из лучших людей в твоем ведомстве иностранных дел и в то же время старинный близкий друг графа Бюлова, который был бы очень рад, если бы Извольский был здесь, потому что они прежде встречались на своем дипломатическом поприще, и Бюлов его очень любит. — Наконец, позволь мне еще раз напомнить тебе, о твоем дважды данном и дважды взятом обратно любезном обещании разрешить моему шурину Фридриху-Леопольду приехать в твою армию. Последний раз в поле все уже было устроено и готово, когда он опять получил

отказ, что поставило его в очень неловкое положение по отношению к нашей армии и офицерам, так как он был, как мы говорим «blamiert» (посрамлен), особенно ввиду того, что Карл Гогенцоллерн отправился в Японию; последнее произошло потому, что мы рассчитывали, что Фридрих-Леопольд поедет в Мукден. Теперь на Фридриха-Леопольда показывают пальцами, и бедняга очень упал духом. Он накупил себя платья и многое другое и вообще сделал все приготовления к отъезду — даже выучил ваш язык; человек он очень спокойный и генералам твоим ни в каком отношении помехой быть не может, а так как армия очень велика и сильна, то я полагаю, что поездка его вполне возможна; поэтому я снова решаюсь спросить тебя, разрешишь ли ты ему ее.

Прости, что надоедаю тебе всем этим, но подобные дела лучше устраивать между нами.

Привет Алисе.

Остаюсь всегда твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

81.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 6/II 1905 г.

Милейший Ники.

Твое милое письмо я получил утром в день моего рождения так рано, что твои добрые пожелания были первыми. Прими, пожалуйста, мою горячую за них благодарность: дай бог, чтобы они исполнились! Письмо я получил в минуту страшного беспокойства, потому что мой мальчик *) был тогда очень болен, и вопрос шел о жизни и смерти. Вся следующая за этим неделя была тяжелым испытанием, и моя бедная жена переживала мучительные часы, бодрствуя у постели больного.

Благодарение богу,—он услышал наши молитвы и спас жизнь нашего мальчика.

Мой шурин глубоко благодарен за твое любезное разрешение, дающее ему, наконец, возможность отправиться на фронт. По пути туда он явится к тебе и передаст эти строки. Свита его сокращена, согласно твоему желанию, и ему сделано внушение, чтобы он держался на заднем плане, так чтобы ничем не стеснять главнокомандующего; он просит, чтобы последний не уделял ему слишком много внимания и не за-

*) Эйтель-Фридрих.

бывал бы, что имеет дело с простым наблюдателем, желающим серьезно изучить искусство войны.

Тебе пришлось пережить серьезные тревоги из-за брожения и волнения среди низших классов; я рад, что солдаты твои оказались надежны и верны присяге своему императору. Прием депутации от рабочих, — которые, кажется, сбиты с толку и побуждаемы к забастовке агитаторами, — произвел повсюду хорошее впечатление, так как показал им, что они могут лицезреть своего «батюшку», если должным образом попросят об этой чести. Насколько я понимаю, проекты реформ у вас многочисленны и очень неопределенны, — но самым разумным и наиболее соответствующим характеру и привычкам населения, по моему скромному суждению, было бы собрание лучших и способнейших людей от различных «земств». Это собрание должно бы быть придано к «Государственному Совету» и ему можно было бы поручать рассмотрение и разработку всех имеющих существенное значение для всей России вопросов и подготовление проектов для «Государственного Совета»; при обсуждении специальных вопросов можно бы приглашать выбираемых для каждого отдельного случая из всех слоев населения компетентных людей и выслушивать их мнение. Самое же лучшее было бы, если бы ты время от времени председательствовал сам для того, чтобы иметь возможность ознакомиться с мнением возможно большого числа различных людей и быть, таким образом, в состоянии составлять себе правильное суждение о поставленных вопросах. Именно так поступил я в 1890 г., когда после крупной забастовки созвал большую комиссию для выработки «социальных законов» для рабочего класса, где я председательствовал неделями. Таким образом, собрание это могло бы давать «Государственному Совету» все нужные ему сведения и дало бы тебе возможность находиться постоянно в контакте с главной массой низших классов, обеспечивая последним возможность быть всегда выслушанными в вопросах, касающихся их благосостояния; таким образом, установилась бы непосредственная связь между простым народом и его «императором и отцом». Кроме того, ты бы мог, основываясь на полученных тобой сведениях, действительно наблюдать за своим «Государственным Советом» и «Комитетом министров», и следить за тем, чтобы свою работу они вели сообразно т в о и м желаниям и потребностям твоего н а р о д а. При таком порядке и с п о л н и т е л ь н а я в л а с т ь всегда будет в руках «с а м о д е р ж а в н о г о ц а р я», а не в руках руководящего м и н и с т р а с целым штатом беспомощных сотоварищей, слепо ему повинующихся.

В день моего рождения самый высокий из моих адъютантов — хорошо известный тебе фон-Плюсков (в Париже дамы называли его «plus que haut» (более чем высокий) был назначен полковником твоих александровских гренадер; они несли почетный караул во время «развода» в день моего рождения и глядели молодцами, как ты можешь это видеть по приложенным фотографиям. Со временем, когда все успокоится, новый полковник представится тебе, если ты этого пожелаешь.

Так как я слышал, что Сергей сказал, что твои власти недовольны Круппом, который не поставил в срок заказанных Россией баттарей, я приказал расследовать дело на месте и посылаю тебе копию полученного мной отчета; из него видно, что вышеупомянутые жалобы не имеют основания. Расследование, произведенное в конторах Гамбургско-американской пароходной компании, показывает равным образом, что слухи о том, будто бы она на своих пароходах перевозила пушки и снаряды для Японии, совершенно неосновательны; ни оружия, никаких других военных материалов она в Японию не перевозила и для Японии не брала. Видимо, тучи французских и английских агентов, осаждающих адмиралтейство и военное министерство, рассержены на наши фирмы, которые снабжают твое правительство хорошо и лучше, чем это делают французские и английские фирмы, распускают бесчисленное количество разных уток «au détriment» (в ущерб) германцам. Я посоветовал бы поменьше верить им и сверх того дать им пинка, чтобы они слетели в Неву.

Японцы только что заказали в Англии 4 линейных военных судна, они должны быть сделаны по образцу английских броненосцев новейшего типа, в 18—19 тысяч тонн, с двадцати пяти сентиметровыми пушками в качестве средней артиллерии и с 30-ти сентиметровыми в качестве тяжелой артиллерии. Искренне пожелаю тебе и твоей стране быть осторожнее. Привет Алисе.

Остаюсь горячо любящий тебя кузен и друг

Вилли.

P. S. В конце будущего месяца мы повезем нашего мальчика на Средиземное море и в Сицилию.

82.

Телеграмма Вильгельма.

При самом начале этого дела об угле я говорил тебе, что не буду ставить никаких препятствий. Касательно его я не могу давать никаких инструкций, потому что это—частное предприятие. Гамбургско-американской пароходной компании известно положение вещей, и она сама должна нести ответственность за свои действия. Стоя на этой точке зрения, я теперь приказал еще раз телеграфировать Баллину, что я и мое правительство предоставляем ему свободу поступать, как он считает нужным,—разумеется, на его собственный риск.

Вилли.

Из Берлина 2/15 февраля 1905 г. 12 ч. 55 м. пополудни.

83.

Телеграмма Вильгельма.

Вникая в дело об угле, я узнал, что два агента Гамбургско-американской пароходной компании сейчас в Петербурге и ведут переговоры о продаже угольных судов, но что твои люди отказываются покупать таковые под тем предлогом, что в их распоряжении нет людей для снабжения угольщиков экипажами. Не может быть, чтобы это была правда, и я предполагаю, что желание заключить мир, во что бы то ни стало, преобладает в умах лиц, отговаривающихся невозможностью. Ибо, наверное, несколько сот матросов, с нужными при них офицерами и машинистами, можно бы взять с Черноморской эскадры, которой во всяком случае предстоит оставаться бездеятельной,—и послать прямо на пароходах через Суэзский канал на Мадагаскар. Их можно бы разместить на угольщиках задолго до прибытия на Мадагаскар третьей эскадры, которой Рожественскому, во всяком случае, придется дожидаться, так как вторая эскадра слабее японских морских сил. Большое счастие для тебя, что французы всегда даже вопреки собственным интересам во время германской войны, отстаивали тот пункт морских законов, в силу которого суда воюющих сторон могут стоять в нейтральном порте, сколько угодно, не разоружаясь. Таким образом, французское правительство имеет полное право разрешить второй эскадре простоять у Мадагаскара до прибытия третьей. Поэтому русские экипажи для угольщиков вполне успели бы доехать до Носси-Бе и водво-

риться на своих судах. Перемена экипажей на угольщиках даст Рожественскому законную причину быть в Носси-Бе до тех пор, пока на подкрепление к нему не придет третья эскадра. Если бы кто-нибудь дал тебе совет позволить Рожественскому напасть на японцев до прибытия подкреплений, то можешь спросить советчика, готов ли он принять на себя ответственность за результат.

Вилли.

Из Берлина 3/16 февраля 1905 г. в 11 ч. 15 м. утра.

84.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 21/11 1905 г.

Милейший Ники.

Фриц-Леопольд только что вернулся и привез от тебя твои добрые пожелания и приветы; твоя чрезвычайная любезность, ласка и оказанный тобой ему прекрасный прием, произвели на него глубокое впечатление. Я так рад был услышать от него, что ты здоров, спокоен, не теряешь самообладания и много работаешь, и что милая Алиса и дети здоровы. Ведь гораздо легче заниматься трудной работой, когда знаешь, что близкие чувствуют себя хорошо. Я рад, что мог согласно твоим желаниям отправить Леопольда в Азию морем; таким образом, это не создало никаких затруднений для твоих железных дорог. Какие страшные вести пришли из Москвы. Эти скоты анархисты учинили темное и подлое дело[47]). Бедная Элла! *) Какой это был ужасный удар для нее, пошли ей бог сил и покорности, перенести его. Старой, прекрасной столице России очень тяжело, что стены ее осквернены таким гнусным преступлением, но, без сомнения, в ней нет ни одного истинного гражданина, который бы одобрил это. Я не могу поверить, что эти бесы вышли из рядов твоих московских подданных; это были, наверно, иностранцы из Женевы, потому что громадная масса твоего народа все еще верит в своего «батюшку-царя» и боготворит его священную особу. Я вынес это убеждение, внимательно наблюдая за различными фазами движения в России, насколько это было возможно по известиям, приходящим оттуда непосредственно, и по мнениям наблюдателей, иногда и русских, в европейской печати.

*) Елизавета Феодоровна.

Русское движение, как ты можешь хорошо себе представить, является главнейшей темой всех разговоров и корреспонденций не только в России, но и за пределами ее. Вся европейская печать наполнена статьями о России, при чем суждения отдельных органов ее определяются точкой зрения той партии, к которой они принадлежат. Таким образом, образовалась, так сказать, е в р о п е й с к а я точка зрения, кот рая, повидимому, совершенно правильно передает о б щ е с т в е н н о е м н е н и е н а ш е г о м а т е р и к а.

Вот я и думаю, что тебе до известной степени интересно— в твоем уединении в Царском — составить себе понятие об этом европейском общественном мнении и услышать, что думает о событиях в твоей стране так называемый «цивилизованный мир» вообще. Поэтому в последующих строках я попытаюсь сделать для тебя маленький набросок — отражение картины русской действительности, как ее воспринимают извне. Конечно, публика, находящаяся за пределами твоей страны, не посвящена в подробности сложных вопросов, ожидающих в России разрешения, и ей приходится часто лишь догадываться или выводить заключения по результатам, не зная их причины и поэтому неправильные догадки часто ведут к неправильным же выводам, так как незнание истинных фактов является пробелом. Иностранные наблюдатели часто вынуждены «делать скачок к выводам», но мы должны прибавить:—«Wo die Begriffe fehlen, stellt oft ein Wort zu rechter Zeit sich ein», («коль скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить»). Поэтому я должен avant tout (прежде всего) извиниться перед тобой, что пишу тебе вещи, которые, вероятно, тебе давно известны из докладов твоих дипломатов, и, кроме того, просить тебя быть терпеливым и снисходительным, если я, как честный, верный и преданный друг твой, буду вынужден отмечать также и мнения, которые могут показаться тебе грубыми, неблагородными, лживыми или даже оскорбляющими твои чувства. Но Россия теперь как бы переворачивает страницу своей истории и в своем развитии обнаруживает стремление положить начало некоторому обновлению.

Ты согласишься сам, что подобный процесс в таком могучем народе, как твой, должен естественно вызывать живейший интерес в Европе и «comme de raison» (само собой разумеется) прежде всего в соседней стране. Меры, которые должны быть приняты, способы воздействия, которые следует применить, и люди, которые должны быть призваны к исполнению работы,—все это оказывает прямое влияние на другие нации, находящиеся за твоим рубежем. Я назвал «мнение» «европейским», но я не могу умолчать о том обстоя-

тельстве, что множество русских, бывших здесь проездом за последние месяцы, и все живущие повсюду в Европе — особенно в Париже и во Франции — тоже способствовали известному освещению картины; таким образом, факты, являющиеся основой «европейского общественного мнения» доставлены по большей части Францией, которая как «amie et alliée» (друг и союзница) всегда наилучшим образом осведомлена касательно России. Резюме всего этого таково.

«On dit » (говорят): режим Мирского слишком внезапно дал печати бо́льшую, чем прежде, свободу, и чересчур быстро отпустил повода, которые Плеве держал так туго натянутыми. Отсюда внезапный поток неслыханных статей и открытых писем, адресованных правителю,—вещь, до сего времени считавшаяся в России невозможной; некоторые из них, крайне дерзкие, рассчитаны на то, чтобы умалить уважение к самодержавной власти. Этим случаем воспользовалась революционная партия, чтобы завладеть доверчивыми рабочими, привести их в состояние брожения и заставить требовать таких вещей, о которых они не имеют и понятия, притом в самой непочтительной, не допускающей возражения форме, при чем и язык их и действия чрезвычайно напоминали революцию. Это поставило рабочий класс, — я уверен, против его воли, — в прямую оппозицию к правительству и привело к столкновениям с властями, которые должны поддерживать законность и порядок. Так как у этих, сбитых с толку и невежественных людей, большинство которых привыкло смотреть на царя, как на отца, и говорить ему «ты», сложилось убеждение, что им можно подойти ко дворцу царя и рассказать ему о своих желаниях, то высказывается мнение, что было бы полезно, если бы царь принял некоторое количество их, собранных на площади и оцепленных войсками и, окруженный свитой и высшим духовенством с крестами попробовал бы с балкона Зимнего Дворца поговорить с ними, как отец, прежде чем начнет действовать военная сила. Возможно, что таким путем удалось бы совершенно избегнуть кровопролития или, по крайней мере, уменьшить его размеры.

Часто приводят пример Николая I-го, который усмирил очень серьезное возмущение, въехав со своим сыном на руках в середину толпы, и быстро заставил бунтовщиков встать на колени [48]). Предполагают, что и теперь, как тогда, личность царя все еще имеет огромную власть над простым народом, и что последний все еще склоняется перед священной особой царя. Слово, сказанное в такой обстановке при таком «entourage» (в присутствии таких лиц) внушило бы массам благоговение, успокоило бы их и прозвучало бы

далеко через их головы в самых отдаленных концах государства, неся с собой поражение агитаторов. Последние, как говорят, имеют влияние на массы потому, что правитель не сказал еще этого слова, а они продолжают играть на воображении народа, твердя: «Это его желание, он думает так, но вы не можете его услышать благодаря толпе чиновников, которые, как стеной, окружают его и держат вдали от народа». Обманутые массы слушаются этих людей и верят им до того момента, когда становится уже поздно, и кровь должна пролиться.

Предпринималось много реформ, обсуждалось много новых законов, но замечательно, что народ обычно говорит: «Это исходит от Витте, это влияние Муравьева, это мысль Победоносцева». Царя же не называют никогда, потому что его мысли неизвестны! Хотя Комитет министров или Сенат выпускают манифесты от имени царя, однако эти учреждения чересчур неопределенны и таинственны для постороннего зрителя и не могут вызвать ни воодушевления, ни интереса к своим действиям. При самодержавном режиме, как говорят, с а м п р а в и т е л ь должен давать пароль и программу действий определенным, не вызывающим сомнений официальным путем. Кажется, теперь все ожидают чего-то в этом роде в форме личного волеизъявления самого царя. Пока этого не будет, всем будет казаться, что объявленные реформы и статьи законов — все это только дело министров, творимое для видимости, чтобы пустить пыль в глаза народу. Все будут продолжать с беспокойством ощущать недостаток твердой руки, которая, будучи направляема сильным умом, стремящимся к ясно сознаваемым результатам, вела бы государственный корабль к определенно намеченной цели. Такое положение вещей создает чувство беспокойства, которое, в свою очередь, вызывает недовольство, порождающее критику и обвинения «à tort et à travers» (вкривь и вкось) в самом широком масштабе даже со стороны самых добродушных и благонамеренных людей, движимых честнейшими и искреннейшими побуждениями. В результате недовольный наблюдатель,—даже, может быть, и подданный,—все более и более склонен сваливать на плечи царя ответственность за все, чем он недоволен. В обычное время это не беда и в конституционных государствах не так опасно, так как министры короля должны заделывать все бреши и защищать его особу. Но в России, где министры не могут оградить священной особы правителя, потому что всем известно, что они являются только орудиями в его руках, подобные волнения, вносящие тревогу и беспокойство в русские умы и побуждающие последние ставить в вину пра-

вителю все, что случается неприятного, являются очень серьезной опасностью для главы государства и его династии, потому что ведут к их непопулярности. Далее говорят, что «интеллигенция» и часть общества уже недовольны, следовательно, если царь станет «непопулярным» среди масс, то агитаторы смогут легко поднять такую бурю, что еще большой вопрос, удастся ли и династии устоять против нее.

В одном, только, кажется, в Европе все согласны, а именно, что царь лично всецело ответствен за войну. Начало ее, неожиданность внезапного нападения, очевидная неподготовленность,—все это, как говорят, его вина. Говорят, что тысячи семейств, потерявших своих мужчин из-за войны или лишенных их присутствия на долгие месяцы, несут кровь их и свои жалобы к ступеням царского трона.

Утверждают, что призванные запасные крайне неохотно покидают свои дома, не желая сражаться в стране, о существовании которой они даже и не знали, и защищать интересы, совершенно для них чуждые. Их гложет забота, когда они думают об оставленных дома жене и детях, которые немедленно погружаются в нищету и бездну непоправимых несчастий, и они несут свои скорби и свои заботы к дверям царского дворца, желая, чтобы царь позволил им остаться дома.

Отчеты иностранных и русских корреспондентов из армии рисуют картину ее тяжелой борьбы с опаснейшим врагом. Ей пришлось начать борьбу при самых неблагоприятных обстоятельствах, она не имела времени как следует приготовиться к войне и, значительно уступая противнику в численности, не могла устоять под напором нахлынувших неудач и выдержать ужасный натиск врага, который, как известно, готовился к войне в течение последних пяти лет. За все это считают ответственным царя, а равно и за страшные потери во флоте.

Ответственность за войну для правителя—вещь очень серьезная, я знаю это по опыту моего покойного деда, который мне об этом рассказывал. Сам он добрейший и миролюбивейший человек, будучи уже в преклонном возрасте, вынужден был за время своего царствования трижды решаться на войну. И ответственность за каждую из них он всецело принимал на себя. Но совесть его была чиста, и народ честно и с энтузиазмом поддерживал его; вся нация, поднимавшаяся, как один человек, решала победить или умереть; победа или поражение — но биться до конца; он и его подданные чувствовали, что провидение за них, а это все равно, как если бы победа была уже одержана. Такие войны для правителя легки, потому что весь народ делит с ним их тя-

жесть. Ответственность же за непопулярную войну — дело иное. Когда пламень патриотизма не возжен, когда сама нация добровольно в войне не участвует и своим делом ее не считает, а шлет своих сынов на фронт, только потому, что этого хочет царь, — тогда это страшное и тяжкое бремя; облегчить его может лишь чистота побуждений, дающая правителю спокойствие совести, в силу которого только он и может ожидать от своих подданных, чтобы они сражались за него даже и в том случае, если мотивы, которыми он руководится, для них непонятны. Эти слова должны показаться тебе очень странными, и я слышу, как ты удивленно спрашиваешь: «Война непопулярна! Не может быть!» В ответ на это я могу тебе только сказать, что частная корреспонденция, получаемая во Франции, не оставляет никаких сомнений на этот счет.

Война очень непопулярна во в с е х классах России, не исключая и офицерства; последнее объясняется, главным образом, тем, что до сих пор русскому оружию было отказано в победах. У офицеров французской армии — твоих союзников — создалось впечатление, что даже доверие к Куропаткину пошатнулось, а столь необходимое для успеха согласие между различными командирами русских сил оставляет желать многого. Если это верно, то такое положение вещей сильно затруднит операции и сделает менее вероятной победу. Это необходимо исправить, и как можно скорее, а то армия и ее дисциплина пострадают. Признаюсь, разрешить эту задачу очень трудно.

Однако все согласны, повидимому, с тем, что Куропаткин был бы более на месте в качестве начальника штаба при другом вожде, чем в роли самого вождя, потому что он несколько медлителен и ему недостает того, что называется «Offensive». Такого вождя найти трудно, потому что генералы старше Куропаткина слишком стары и уже давно вышли из строя; кроме того, еще вопрос, согласится ли он на такую перемену. С другой стороны, как говорят, его знание местности, врага, способов борьбы последнего, знакомство с делом продовольствия и снабжения армии в высшей степени ценны и на фронте незаменимы. В результате всех этих размышлений публика начинает намекать, что,пожалуй, царь мог бы принять на себя главное командование и, став в главе своих храбрых войск, вернуть им уверенность, поднять их дух, разделяя с ними тяготы похода, воодушевить их своим присутствием и сохранить для войск услуги Куропаткина, так как в этом случае тот был бы начальником штаба своего «верховного вождя». Как я указал выше, создается, так сказать, медленно нарастающий прилив кри-

вотолков, беспокойства и непослушания, — прилив, который, очевидно, необходимо остановить и успокоить; и европейская публика, как и русский народ, инстинктивно обращает свои взоры на царя в ожидании того, что он выступит и совершит какое-то великое деяние, которое покажет всем, что он самодержавный правитель своего народа и готов, насколько это в его власти, облегчить его тяготы и страдания. Это всеобщее ожидание кто-то выразил очень удачно следующими словами: «Il faut que l'Empereur fasse un grand acte pour affermir son pouvoir de nouveau et sauvegarder sa dynastie qui est menacée, il faut qu'il paye de sa personne»! (Императору необходимо совершить великое деяние, для того, чтобы укрепить снова свою власть и спасти свою династию, которой грозит опасность, необходимо, чтобы он не щадил себя). Но как?

После того, что я написал о войне, ты в праве задать другой вопрос: «Почему же война непопулярна, почему оказывается, что меня не поддерживает весь мой народ, почему у них нет воодушевления в этой борьбе; на нас напали, наш флаг оскорбили, и мы должны сражаться за нашу честь, за наш престиж?!» Иностранные наблюдатели полагают, что ответ ясен. Вот он. В прежние времена предки твои, прежде чем итти на войну, обыкновенно отправлялись в Москву, молились в старых церквах, собирали знать в покоях Кремля, народ же во дворе его; с большой торжественностью объявляли им о необходимости войны и призывали своих верноподданных следовать за ними на поле брани. Такой призыв из Кремля в Москве, которая продолжает оставаться действительной столицей России, всегда находил отклик в русском народе! Подобного выступления, подобного призыва к оружию ожидала от тебя Москва и Россия в дни, следовавшие за 8 февраля прошлого года, тогда они готовы были ответить воодушевлением, страдая от совершенно неожиданно поразившего их удара; жители великой столицы с нетерпением ожидали твоего прибытия: говорят даже, что держали наготове поезд для твоего путешествия. Но царь не приехал. Москва была предоставлена самой себе. «Священная война», провозглашения которой ожидали с таким нетерпением, не была провозглашена, и призыва к оружию не было. Москва увидала в этом пренебрежение к себе, которое заставило ее страдать. Она была раздражена и не скрывала своего раздражения,— ее примеру последовала вся Россия. Недавно было сделано такое замечание: «Il est temps que l'Empereur remette la main sur Moscou; avec Moscou il parviendra à remettre l'ordre en Russie, sans Moscou cela sera très difficile». (Императору

пора вновь овладеть Москвой; с Москвой ему удастся восстановить порядок в России, без Москвы это будет очень трудно). Европейские наблюдатели полагают, что это возможно; что царь мог бы совершить это великое деяние, приехав в Москву и обратившись с речью к собранным в его великолепном дворце дворянству и общественным деятелям. Можно бы начать с выговора за опубликование посланных ему писем и адресов, так как это плохой обычай и его повторять не следует, а затем объявить о реформах, которые сам царь считает нужными для своего народа. Никаких обещаний общего законодательного собрания, никаких «Constituante» (учредительных собраний) или «Convention Nationale» (национальных конвентов), а просто Habeas-Corpus Act [49]) и расширение компетенции Государственного Совета. Никакой свободы собраний или печати, но строжайший приказ всем цензорам впредь избегать каких-либо придирок. Далее царь должен объявить собравшимся принятое им решение касательно армии, — в случае если он сочтет возможным и необходимым выступить самому—сказать им и призывать их воздерживаться от всяких внутренних раздоров до тех пор, пока враг не будет побежден. После этого царь «entouré» (окруженный) духовенством с хоругвями, крестами, кадилами и святыми иконами, должен выйти на балкон и прочитать только что сказанную им речь, уже в качестве манифеста своим верноподданным, собравшимся внизу на дворе, окруженном сомкнутыми рядами войск «la bajonnette *) au canon, le sabre au poing» (с примкнутыми штыками, с саблями наголо). Если бы ты сказал им, что ты, если это представится тебе необходимым, отправишься делить тягости войны с их братьями и родными, ушедшими туда по твоему приказу, постараешься ободрить их и повести к победе, то весь народ, глубоко тронутый, будет восторженно приветствовать тебя, упадет на колени и будет молиться за тебя. Популярность царя воскресла бы вновь, и сверх того он приобрел бы симпатии своего народа. Все, кто относится не безучастно к событиям в России, единогласно говорят, что «à la longue» (постоянно) царь не может оставаться в Царском или в Петергофе; несомненно, что если бы он явился народу при описанных выше условиях, то это произвело бы необычайное впечатление на весь мир, который слушал бы, затаив дыхание, как царь, по примеру своих предков, обратился бы со словом к своему народу со стен Кремля.

---

*) Правописание подлинника.

Таков, милейший Ники, сделанный мной набросок с европейского общественного мнения касательно русских событий. — Вначале я привел тебе причину, в силу которой я счел долгом написать эти строки. Еще раз я умоляю простить меня за то, что я отнял твое драгоценное время и за то, что я внес, может быть, в свой отчет слишком много личного. Но в качестве твоего верного друга я являюсь ревнивым стражем твоего «renommée» (доброго имени) в этом мире, и мне бы хотелось, чтобы свет судил о тебе справедливо и правильно. Я считаю также своим долгом сообщать тебе то, что думает свет о тебе, чтобы ты, если захочешь, мог бы своими действиями исправить это мнение. Во всяком случае «Honni soit qui mal y pense» (позор тому, кто дурно об этом подумает).

С искреннейшими пожеланиями благополучия и будущего твоей стране и твоему дому, с приветом Алисе и с пожеланиями, чтобы бог хранил и благословил вас всех, остаюсь, верь мне, милейший Ники, как всегда

твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

85.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 3/VI 1905 г.

Милейший Ники.

Твои милые строки, переданные мне вчера Мишей, глубоко меня тронули. События, о которых ты говоришь, ярко запечатлелись в моей душе и напоминают мне о том, сколько лет прошло, и как часто за это время нам удавалось сноситься непосредственно друг с другом. Естественным последствием этого явилось прочное чувство взаимной дружбы, основанной на полном понимании друг друга. В течение долгих лет процветают эти отношения, на благо наших стран, управлять которыми мы призваны провидением. Отношения эти были и будут, надеюсь, и впредь гарантией мира и благосостояния как наших стран, так и всего мира. Я хорошо помню ту минуту в церкви Зимнего Дворца, когда среди глубокого молчания огромного блестящего собрания, ты приносил свою присягу перед покрытым славой старым казачьим знаменем. Как растроган был твой дорогой отец, целуя тебя после торжественного обряда! Как давно это было! Теперь ты стоишь на его месте и должен проводить свою страну через одну из самых трудных стадий ее развития. Излишне

говорить, как много я думал о всех вас и как сочувствовал вам за эти последние месяцы. Я следил также за каждым движением эскадры адмирала Рожественского. Это была с твоей стороны крупная ставка, с честью проигранная. Он (Рожественский) сделал все, от него зависящее, чтобы исполнить твои желания, но провидение судило иначе, и он храбро встретил поражение, оставаясь верным до конца своему повелителю. Я глубоко сочувствую и ему, и тебе.

С чисто военно-стратегической точки зрения поражение в Корейском проливе отнимает всякую надежду на то, чтобы счастье повернулось в твою сторону; японцы теперь могут беспрепятственно перебрасывать в Манчжурию сколько угодно резервов, свежих войск, военных припасов и т. д. для осады Владивостока, который едва ли будет в состоянии долго сопротивляться без поддержки флота. Для того, чтобы вернуть армии Линевича ее прежнюю боевую силу, нужно, по крайней мере, 3 или 4 свежих армейских корпуса, но даже и при этом условии было бы трудно предсказать, каков будет результат, и будет ли новое кровопролитное сражение успешнее прежних. Конечно, формально можно даже при таких неблагоприятных обстоятельствах продолжать войну еще некоторое время, но нельзя упускать из вида человеческую сторону дела. Твоя страна послала тысячи своих сынов на фронт, где они умерли или заболели и на всю жизнь остались калеками. Как я писал тебе в своем последнем письме—от 6-го февраля, война очень непопулярна, и народ видит, что его сыны и отцы против воли оставляют свои дома, чтобы итти сражаться за дело, которому они не только не сочувствуют, но даже чувствуют отвращение! Совместимо ли с ответственностью правителя упорствовать и против ясно выраженной воли нации продолжать посылать ее сынов на смерть тысячами только ради своего личного дела? Только потому, что он так понимает национальную честь? После того, как народ своим поведением ясно показал, что он не одобряет дальнейшее ведение войны? Не падет ли со временем на правителя ответственность за все бесполезно принесенные в жертву тысячи жизней и за всю пролитую кровь, и не потребует ли он—владыка и царь всех царей—у земного правителя ответа за тех, власть над кем ему была дана творцом, вверившим ему заботу об их благополучии. Национальная честь сама по себе вещь прекрасная, но только в том случае, если вся нация сама решила защищать ее всеми силами. Но когда нация своим поведением показывает, что терпение ее истощено и она убеждена что «tout est perdu hors l'honneur» (все потеряно, кроме чести), то не требует ли разум, чтобы и правитель сде-

лал отсюда соответственные выводы и, хотя бы, несомненно, с тяжелым сердцем, заключил мир? Даже если бы последний оказался тяжким? Не лучше ли это, чем, продолжая непопулярную войну, рисковать создать такое отчаянное настроение в стране, при котором народ не остановился бы перед серьезными мерами, чтобы заставить, в конце концов, правителя покориться его желанию и сообразоваться с его волею? Конечно, надо здесь принять в рассчет армию. Она сражалась и сражалась храбро, в жар и в холод в течение $1^1/_2$ лет, стараясь одержать победу для тебя и для твоей страны, но до сих пор провидение отказывало ей в успехе. Вместо него, бедной армии были ниспосланы поражения, страшные потери, неописуемые страдания, и твои прекрасные храбрые, спокойные, самоотверженные солдаты переносили все безропотно. Вполне естественно, что они горят мщением и готовы сражаться во всякую минуту. Но разве есть среди предводителей ее новый вождь или генерал, способный настолько о б е с п е ч и т ь успех, чтобы можно было оправдать новые неслыханные усилия и принесение в жертву тысяч солдатских жизней? Убеждена ли армия вполне, что на этот раз ей удастся склонить чашу весов в свою пользу? Ответ на этот вопрос знаешь, конечно, один ты. Если твои генералы от имени твоих солдат, ручаясь их честью, дают отрицательный ответ, заявляя, что они готовы умереть за своего императора, но едва ли могут рассчитывать одержать для него р е ш и т е л ь н у ю победу, тогда, я полагаю, совесть твоя может без колебаний решить вопрос, должен ли ты сражаться, или нет, и ты можешь начать мирные переговоры, которые все твои верноподданные встретят ликованием после кровавой дани, добровольно принесенной ими для своего императора. Ты можешь сказать тогда то же, что поет старый французский гренадер-Бомбардон: «Das Gluck des Kriegs hat wieder uns entschieden, doch die Armee hat ihre Pflicht gethan, die Hälfte fiel, der Rest ward Invaliden! Je nun man trägt, was man nicht ändern kann». («Военное счастье нам опять изменило, но армия исполнила свой долг; половина пала, остальные стали калеками! Но чего не можешь изменить, то приходится переносить!»)

Наполеон I и Фридрих Великий тоже терпели поражения.

На то, что дела приняли такой оборот, надо смотреть, как на волю божью. Бог возложил на тебя это бремя, и его надо нести. Но, может быть, по его воле и с его помощью все это приведет еще, в конце концов, к хорошим последствиям; в результате всех этих испытаний может родиться новая жизнь и новый порядок вещей в России, что было бы для твоих подданных вполне ими заслуженной наградой.

Прости за длинное письмо, но, как твой друг и коллега, я считаю своим долгом сказать тебе всю правду. Ты знаешь мои побуждения и можешь делать с этими строками все, что тебе угодно.

Если же ты разделяешь изложенные в этом письме мысли и думаешь, что я могу тебе хоть сколько-нибудь быть полезным в деле подготовки почвы для мира, располагай мною по своему усмотрению. Может быть, мне следует обратить твое внимание на то обстоятельство, что из всех наций японцы, несомненно, наиболее чтут Америку, потому что эта могущественная, развивающаяся держава с ее страшным флотом находится к ним ближе всех. Если есть кто-нибудь на свете, кто может повлиять на японцев и побудить их быть благоразумными в их требованиях, то это президент Рузвельт. Если бы ты этого пожелал, я мог бы частным образом снестись с ним, потому что мы с ним большие приятели; посол мой тоже с ним очень дружен. Кроме того, у тебя есть г. Мейер, которого я знаю уже много лет и который пользуется полным моим доверием; ты можешь послать за ним, поговорить с ним откровенно,—он очень скромный и заслуживающий доверия человек, очаровательный собеседник с приятными манерами. Прибытие невесты *) состоялось здесь при великолепной погоде, среди всеобщего ликования. Привет Алисе

от твоего горячо любящего друга и кузена

Вилли.

86.

Письмо Вильгельма.

Пиллау, 27/VII 1906 года **).

Милейший Ники.

Достигнув родных берегов, я пользуюсь первой возможностью послать тебе несколько строк, чтобы еще раз поблагодарить тебя за оказанный мне прием и проявленное тобой дружеское ко мне расположение. Часы, которые мне дано было провести в твоем обществе, никогда не изгладятся из моей памяти: ты относился ко мне, как милый брат. Чувства твои встретят всегда в моей душе столь же живой и горячий отклик, и ты можешь рассчитывать на меня, как на надежного друга, преисполненного одним желанием и одной надеждой:

*) Цецилии Мекленбургской.

**) В подлиннике стоит дата 1906 года, но по содержанию письма видно, что оно написано сейчас же после свидания в Бьерке, происходившего в июле 1905 года.

видеть тебя достигающим успеха в твоем трудном деле, а твое отечество быстро оправляющимся от ниспосланного ему провидением тяжкого испытания. Союз, заключенный нами для взаимной поддержки в случае нужды [50]), будет очень полезен для России, так как принесет успокоение умов, воскресит надежду на сохранение мира в Европе и поощрит иностранных финансистов к помещению капиталов в предприятия, которые будут учреждаться для разработки огромных, еще нетронутых богатств России. Весьма возможно, что даже и Япония пожелает со временем присоединиться к нам. Это поубавило бы самоуверенности и дерзости Англии, ибо она тоже в союзе с Японией [51]). 24-ое июля 1905 года будет краеугольным камнем европейской политики; этот день начинает собою новую страницу в истории; это будет страницей мира и доброжелательного друг к другу отношения держав европейского материка, политика которых, основанная на дружбе и доверии, будет направлена к достижению общих всем интересов. С того момента, как известие о новой «groupement» (группировке) распространится по земному шару, более мелкие государства: Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Норвегия,—все окажутся привлеченными к этому новому крупному центру притяжения, в силу естественного закона тяготения мелких тел к телам более крупным и более плотным. Они начнут вращаться в орбите союза великих держав (Россия, Германия, Франция, Австрия, Италия), доверчиво следуя за ними. Двойственный союз, слившись с Тройственным, образует Пятерной союз, вполне способный призвать к порядку каждого беспокойного соседа и водворить мир даже силою, если бы нашлась держава, достаточно легкомысленная для того, чтобы пожелать его нарушить. В беседе с таким превосходным человеком, как Бирилев,—ты сделал отличный выбор,—я высказал, что раз вопрос о выборе типа для твоих судов будет разрешен, тебе следует строить их сразу как можно больше и, помимо французских фирм, не забывать при этом и частных германских. Ибо последние стали бы работать, как для своей родины, тогда как другие державы злоупотребили бы секретами твоих строителей и инженеров во вред тебе и твоему государству. Между Бьерке и Гогландом я встретил свой крейсер на пути из Швеции, небритый, немытый и совершенно черный, как трубочист от дыма торпедной лодки,—печальная картина. Я получил кое-какие французские газеты, в которых прочел следующее суждение о Брестских празднествах: «Двенадцать лет назад у нас были Тулон и Кронштадт: это был брак по любви. Как во всех таких браках, и тут наступило общее разочарование, особенно со времени войны 1904—1905 г.г. Теперь у нас Брест

и Коус; это—брак по расчету и, как и все подобные браки, он повлечет за собой супружество по рассудку» [52]). Мне это кажется чересчур холодным! Для союзника так бросать свою «amie et alliée!» Французам было бы весьма полезно, если бы ты натянул вожжи потуже. Конечно, их 10 миллиардов франков, помещенные в России, мешают им отстраниться вполне, но такие речи показывают, до чего уже довела их лесть англичан! Надеюсь, что в Коусе они не совсем потеряют голову. Возвращаясь к сравнению с браком, скажу: Марианна (Франция) должна помнить, что повенчана с тобою, почему и обязана ложиться с тобой в постель, время от времени уделяя ласку или поцелуй мне; а не пробираться украдкой в спальню того, кто на острове вечно интригует, touche à tout (за всем тянется)!

Ну, прощай, милейший Ники; не забудь насчет Magna Charta (Habeas Corpus Act) *) и награди твои армейские полки, уравняв их в правах с гвардейскими! Ты мне это обещал! Не обращай внимания на досаду Владимира и на оппозицию гвардии; помни о тех 10 армейских корпусах, которые проливали за тебя кровь на поле битвы, и о тех, которые на родине, в провинции, ежедневно борятся за тебя с революцией. Сердечный привет Алисе от твоего

самого преданного друга

Вилли.

P. S. Так как ты сказал мне, что соответственно идеям, которые я тебе высказывал, Булыгин уже выработал согласно с твоими указаниями законопроект, то, полагаю, необходимо о б н а р о д о в а т ь е г о н е м е д л е н н о, чтобы депутаты были избраны, к а к м о ж н о с к о р е е; это даст тебе возможность, когда тебе будут предложены условия мира, сообщить их представителям р у с с к о г о н а р о д а, на к о т о р ы х и л я ж е т о т в е т с т в е н н о с т ь за их отклонение или за одобрение. Это оградит тебя от общих нападок на твою политику, которые последуют со всех сторон, если ты сделаешь это е д и н о л и ч н о.

87.

Телеграмма Вильгельма.

Жена шлет привет и благодарность за твою милую телеграмму. Нынче утром телеграммы Рейтера сообщают о том, что британский флот крейсирует по Балтийскому морю

*) См. прим. 49.

и заглядывает в наши порты без официальных визитов. Или Англию тревожит наше свидание, или она хочет напугать меня! Это придаст больше веса моей беседе в Копенгагене. Сегодня ты получишь от меня письмо. Я решаюсь посоветовать как можно скорее обнародовать законопроект Булыгина, так что бы представители русского народа были избраны без промедления. Пока это будет происходить, мирная конференция уже откроется и условия станут известны обеим сторонам. При господствующем ныне в России настроении недовольные массы постарались бы возложить ответственность за все невыгодные последствия на тебя, а успехи приписать личным заслугам Витте. Было бы прекрасною первою задачею для этих представителей, если бы после того, как мирный договор будет формулирован, ты предоставил бы им его голосовать, возлагая, таким образом, на страну ответственность за решение и давая тем русскому народу голос в вопросах его собственного благополучия, чего он так сильно желает. Результат оказался бы их собственным делом, и это заткнуло бы рты оппозиции.

Сердечный привет Алисе

Вилли.

Из Данцига 16/29 июля 1905 г. в 1 ч. 28 м. пополудни.

88.

Телеграмма Вильгельма.

Посещение сошло хорошо, все семейство и особенно твой милый старый дед были по отношению ко мне чрезвычайно приветливы. Читая здесь местные и иностранные газеты, я скоро понял, что посещение мое возбуждает опасения и сильное недоверие, навеваемые, главным образом, из Англии; король так напуган, и общественное мнение так обработано, что мне нельзя было коснуться вопроса, который, как мы решили, я должен был затронуть в разговорах с ним. Английский посланник, обедая с одним из лиц моей свиты, говорил весьма резко обо мне, обвиняя меня в самых низких планах и интригах и заявляя, что каждый англичанин знает и убежден в том, что я подготовляю войну с Англией в целях ее уничтожения. Можешь себе представить, какой вздор подобный человек мог внушить датской фамилии, двору и народу. Я сделал все возможное, чтобы рассеять облако недоверия, держал себя беззаботно, не сделал и намека на серьезные политические вопросы; к тому же, принимая во внима-

ние множество каналов, ведущих из Копенгагена в Лондон, и вошедший в пословицу недостаток сдержанности при датском дворе, я боялся высказать что-либо о нашем союзе, так как это тотчас было бы передано в Лондон,—вещь совершенно невозможная, раз договор должен пока остаться в тайне. Впрочем, из продолжительной беседы с Извольским я мог заключить, что нынешний министр иностранных дел граф Рабен и ряд влиятельных лиц уже пришли к убеждению, что, в случае войны и грозящего вторжения иностранной державы в Балтийское море, датчане ожидают, вследствие своей очевидной беспомощности и неспособности соблюсти, при вторжении, даже тень нейтралитета, — Россия и Германия немедленно примут меры к ограждению их интересов, наложив руку на Данию и оккупировав ее на время войны. Так как это одновременно послужило бы гарантией неприкосновенности территории и будущего существования династии и страны, то датчане постепенно примиряются с этой альтернативой, что понемногу создает соответственное настроение умов. Так как это именно то, чего ты желал и на что надеялся, я счел за лучшее не затрогивать этой темы с датчанами и воздержался от всяких намеков; лучше дать этой мысли развиться и созреть в их головах и предоставить им самим вывести окончательные заключения, так чтобы они по собственной инициативе решились опереться на нас и стать плечо к плечу с нашими двумя государствами. Tout vient à qui sait attendre (Всего достигнет тот, кто умеет ждать).

Вопрос о Карле, отправляющемся в Норвегию*), вырешен до мельчайших подробностей, Англия согласилась на все, и тут уже больше нечего делать. Я толковал с Карлом об его предположениях и нашел его весьма рассудительным и чуждым всяких иллюзий касательно своей задачи.

Что скажешь о программе торжеств для твоих союзников в Коусе. Все Крымские ветераны приглашены для встречи прежних «б р а т ь е в п о о р у ж и ю», вместе с которыми сражались против России! Очень деликатно, что и говорить! Оказывается, что я был прав, предупреждая тебя два года тому назад о возобновлении старой «крымской комбинации» **), в них быстро вновь разгорается жажда мщения!

Погода была хорошая. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Засница (Остров Рюген) 4 августа—22 июля 1905 г. 1 ч. ночи.

---

*) См. прим. 6.
**) См. прим. 34.

89.

Телеграмма Вильгельма.

Мой посол только что уведомил меня, что ты приказал обнародовать указ о созыве «Государственной Думы»[53]). Имеющие быть выработанными статуты должны в главных чертах уподобить ее нашему «Staatsrat»'у (Государственному Совету), придавая ей форму «совещательного органа». Прошу тебя принять мои горячие поздравления по поводу этого великого шага по пути развития России. Из газет вижу, что переговоры о мире в общем идут удовлетворительно, но что есть пункты, представляющие кое-какие трудности для соглашения. Прежде, чем ты примешь окончательное решение в пользу мира или продолжения войны—при чем второе будет иметь неисчислимые последствия, конечный результат которых трудно предвидеть, и потребует беспредельного количества жизней, крови и денег—я счел бы превосходною мерою, если бы ты сперва предложил этот вопрос на обсуждение «Государственной Думы». Так как она представляет собой русский народ, то ее ответ будет голосом России. Если бы она высказалась за мир, то ты был бы у п о л н о м о ч е н н а ц и е й заключить мир на условиях, предложенных в Вашингтоне твоим делегатом, если, таким образом, с а м а Р о с с и я сочтет свою честь незатронутой, мы можем вложить меч в ножны со словами Франциска I: «tout est perdu, fors l'honneur» (все потеряно, кроме чести). Никто в твоей армии или стране, или в остальном мире не будет иметь права порицать тебя за это. С другой стороны, если Дума сочтет предложение неприемлемым, а японское правительство откажется вести переговоры на иных основаниях, то опять-таки сама Россия через посредство Думы п р и з ы в а е т тебя, своего императора, продолжать борьбу, принимая этим на с е б я полную о т в е т с т в е н н о с т ь за все последствия и раз-навсегда ограждая тебя в будущем в глазах мира и истории от упрека, что ты пожертвовал тысячами сынов России, не спрашивая мнения страны или даже против ее желания. Это явится важным стимулом твоих личных действий и придаст им большую силу, так как ты будешь чувствовать что тобой руководит желание всего твоего народа, решившегося биться до последнего конца, не взирая на время, утраты и лишения—единственно возможный образ действий, если продолжать войну. На твоем месте я бы не уступил этого первого и лучшего случая действовать согласно с чувствами и желаниями твоей страны по вопросу о мире или войне, давая русскому народу давно желанную возможность решать свою будущность или

принимать участие в решении таковой, на что он имеет положительное право, а также давая Думе сразу хороший случай поработать, показать, что она способна сделать и стоит ли она на высоте возлагаемых на нее всеми ожиданий. Решения, которые предстоит принять, так страшно серьезны, и последствия их будут переживаться так долго, что ни один смертный властитель не может принять ответственность за них на себя одного без помощи своего народа! Господь с тобой! Не забудь об уравнении армии в правах производства с гвардией.

Вилли.

Из Вильгельмсхёе, 7/20 августа 1905 г., 11 час. 34 мин. утра.

90.

Телеграмма Николая.

Шифром. *В Вильгельмсхёе.*

Прими мою сердечную благодарность за твою милую телеграмму, которая меня глубоко тронула. Я не мог ответить тебе ранее, будучи занят маневрами [войск] вблизи Царского Села. Мне очень приятно, что ты так интересуешься будущим созывом Думы. Я полагаю, что лояльность и рассудительность моего народа будут значительно способствовать развитию России с помощью этого совещательного органа. За последние три месяца я много размышлял о войне и о мире. Я ежедневно получаю телеграммы, письма, адреса и пр. с просьбой не подписывать мира на тяжелых условиях. Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить [54]). М е н я ж е ничто не з а с т а в и т согласиться на эти два требования. Поэтому нет надежды на мир в настоящее время. Ты знаешь, как я ненавижу кровопролитие, но все же оно более приемлемо, нежели позорный мир, когда вера в себя, в свое отечество была бы окончательно разбита.

Возможно, что завтра этот вопрос решится. Я готов нести всю ответственность с а м, потому что совесть моя чиста, и я знаю, что большая часть народа меня поддержит. Я вполне сознаю всю громадную важность переживаемого мною момента, но не могу действовать иначе. Благодарю за участие, которое ты проявляешь к моим тяжелым переживаниям. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

91.

Письмо Вильгельма.

Замок Вильгельмсхёе, 22/VIII 1905 г.

Милейший Ники.

Твой манифест об учреждении Думы произвел в Европе, особенно в моей стране, превосходное впечатление, и я прошу тебя принять мои самые горячие поздравления. Это крупный шаг вперед в деле политического развития твоей страны, открывающий твоему народу путь для непосредственного сообщения тебе своих надежд и желаний и дающий возможность властителю и стране совместно работать на благо всего народа. Теперь ты будешь в состоянии входить в соприкосновение с самыми разнородными по своему положению людьми и сможешь внушать им непосредственно свои взгляды и свои идеи, чему до сих пор препятствовала стоявшая между вами стеной чиновничья бюрократия, к которой подданные твои относились с величайшим недоверием. Прости меня за посланную на днях телеграмму, но я думал что это, может быть, хорошая мысль подвергнуть Думу маленькому испытанию и посмотреть, насколько она работоспособна. В то же время ты приобретаешь возможность хорошо ознакомиться с мыслями и взглядами своего народа и возложить на него часть ответственности за будущее, которую он, пожалуй, не прочь был бы свалить исключительно на тебя. Таким образом, огульная критика и недовольство по поводу совершенных тобой одним действий станут невозможными.

Прилагаю несколько интересных статей, характеризующих настроение умов во Франции. Англичане унижались перед Францией и французскими моряками в надежде отвлечь их от тебя и помешать всякому «rapprochement (сближению) между тобой, мной и Францией. Французы чувствовали себя очень польщенными, но я надеюсь, что рассудительные люди сохранили хладнокровие и ясность мысли и поняли, что все это «cousu de fil blanc» (шито белыми нитками), и что Британия стремится к одному—сделать Францию своим орудием против нас, подобно тому, как она воспользовалась Японией против тебя; статью в «Forum» написал Морис Ло—корреспондент «Morning Post», посланный в Америку. Статья написана умно и очень несдержанно там, где речь идет о широком толковании нового англо-японского договора *), который до сих пор держался в Лондоне в стро-

*) См. прим. 51.

гой тайне, теперь, как кажется, «выпустили кошку из мешка». «Архи-интриган и сеятель раздора» в Европе, как ты совершенно правильно назвал английского короля, работал усердно за последние месяцы. В Коусе он сказал одному моему другу-германцу, которого я послал следить за «Entente Cordiale»: «Я никак не могу разузнать, что происходило в Бьорке! Бенкендорф ничего не знает, потому что он мне всегда все рассказывает, Копенгаген ничего не знает, и даже мать императора, постоянно сообщающая мне все, ничего не слыхала от своего сына за это время; даже Ламсдорф, такой милый человек, доводящий до моего сведения все, что меня интресует, тоже ничего не знает или, по крайней мере, не хочет говорить! Это очень неприятно». Ты видишь из этого, какой широкой сетью тайной информации опутал он Европу и тебя.

Он сначала заставил свою прессу распространять мысль о поездке ко мне, а когда все европейские газеты подхватили ее и стали обсуждать, он вдруг опубликовал оскорбительное опровержение, объявив, что мысль эта пущена моим министерством иностранных дел. Самая утонченная ложь, какую мне когда-либо приходилось слышать! Потом он приглашает за моей спиной моего сына приехать к нему в гости в Англию! Конечно, я сейчас же остановил это дело. Флот его собирается посетить наши берега, и я полагаю, что это откроет, наконец, глаза многим германцам, которые все еще не расположены давать денег на увеличение нашего флота; мы пошлем туда и по железной дороге и на пароходе много народа, чтобы дать им там предметный урок. Я надеюсь, что они поймут необходимость построить могучий флот. Прилагаемую брошюру я получил из Америки. Я думаю, что она заинтересует тебя, потому что в ней идет речь о планах Англии против России и Азии и о целях, для которых она хочет использовать японцев. Это бросает свет на японскую экспедицию к туркестанской границе, о которой я тебе говорил.

24/VIII 1905 г.

Сегодня исполнилось ровно 4 недели со времени нашего свидания в Бьорке *). Очаровательные часы, проведенные нами вместе, и прочные узы единства и дружбы, которые с божьей помощью принесут добрые плоды нашим странам. Я только что получил твою милую длинную телеграмму. Очень тебя благодарю за нее и за хлопоты; это так мило с твоей стороны. Я вполне понимаю твое положение и твои

*) См. прим. 50.

решения. Если ты уверен, что народ твой поддерживает тебя и готов продолжать войну, то все обстоит благополучно, и я желаю тебе с божьей помощью скорой победы. Я здесь в гостях у моих сестер, только что возвратившихся после продолжительного пребывания в Англии. Они рассказывают, что известия о нашей встрече в Бьорке повергли там и публику и печать в состояние неистового возбуждения. Главным образом король и двор были совершенно «äus dem Häuschen» (вне себя). Король старался всеми силами выпытать у моих сестер, не знают ли они чего-нибудь о том, что там происходит. Они, конечно, смеялись ему в лицо и очень всем этим потешались.

Извлечение из письма Бисмарка к Шлейнитцу из России в 1858 г. должно заинтересовать тебя, так как показывает, что история повторяется, и что были времена, очень напоминающие теперешние. Сегодня я видел великого герцога Георга с Минни Греческой*). Он сказал мне, что из частных источников он узнал, что указ о созыве Думы произвел прекрасное впечатление на русское провинциальное общество, и что симпатии к Германии и благодарность за наше отношение к России во время войны живы и горячи. Мои сестры, Тино**) и все семейство шлют тебе сердечный привет. Не забудь выпустить приказ, уравнивающий армию с гвардией в правах производства. Это даст прекрасные результаты.

Посылаю тебе несколько новых почтовых карточек со снимками Заальбурга, в котором я был сегодня; он почти закончен и очень красив в хороший летний день.

Ну, прощай, мой милый Ники, бог да поможет тебе и да сохранит тебя и все твое семейство. Мои молитвы будут всегда сопутствовать тебе.

Твой преданнейший и любящий друг и кузен

Вилли.

25/VIII

P. S. Едва я кончил беседовать с тобой, как получил письмо от президента Рузвельта. Зная, как я интересуюсь мирной конференцией, он любезно осведомляет меня о положении дел, о спорных пунктах, возбуждающих разногласия между Японией и Россией ***), и о своих предложениях, направленных к тому, чтобы, насколько возможно, согласовать желания обоих воюющих сторон. Я считаю его предложения очень разумными и дельными, и надеюсь, что они отвечают

*) Марией Георгиевной.
**) Константин.
***) См. прим. 54.

твоим ожиданиям. Насколько мне удалось уяснить себе, они обеспечивают России все выгоды почетного мира, но, конечно, только ты один можешь решить этот вопрос, так как ты являешься лучшим судьей чувств своих соотечественников. Еще раз прошу прощения за то, что так пристаю и надоедаю тебе, но ты знаешь, что это исходит от дружески расположенного к тебе сердца, которое горячо сочувствует тебе и твоему народу.

Я отдал приказ своему флоту неотступно следовать за британским и, когда тот встанет на якорь, остановиться вблизи, дать им обед, напоить их елико возможно и выведать у них, что им нужно, а потом уйти! Я думаю, велико будет их удивление, потому что и англичане и наша публика думают, что наш флот будет в Северном море! И так, не говори об этом никому, потому все это надо держать втайне. На этот раз я решительно кончаю.

Вилли.

Переписка Бисмарка с министром бароном фон Шлейнитцем 1858—1861 *).

«После опубликования закона о крестьянах,—пишет Бисмарк,—всякий, не живущий исключительно государственной службой, требует и ожидает для России в той или другой конституционной форме участия народа и особенно высших кругов в управлении страной; умеренные не требуют слишком многого; но слышатся голоса, напоминающие конвент и уже зашедшие дальше жирондистов. Чувствуется деятельность подстрекателей, не пренебрегающих никакими средствами, чтобы распространить недовольство двором и императорским домом даже среди низших слоев народа. К сожалению, ближайшие к императору круги не свободны от элементов, создающих самую благоприятную почву для агитации, и ответственность за действия этих элементов, а равно и за всю Авгиеву конюшню чиновничьих злоупотреблений возлагается на императора; его мягкое сердце, без сомнения, слишком снисходительное по отношению ко многим известным ему лицам, искреннее стремление с его стороны улучшить положение вещей—признают даже и те, кто упрекает его за безуспешность этих стремлений. Подстрекатели говорят, что на бедных

*) Присланная Вильгельмом выписка из письма Бисмарка отнесена им к 1858 году. Из опубликованной переписки Бисмарка со Шлейнитцем видно, что настоящая выписка составлена из отрывков двух писем Бисмарка от 18/30 ноября 1860 г. и 18/30 января 1861 г. (Ср. Bismarcks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz 1858—1861. Stuttgart 1905. Стр. 118 и 138.)

людей, даже на простых солдат, ложатся расходы двора, стоимость содержания штатов служащих при великих князьях, покупка домов для младших сыновей императора, расточительность двора,—и сопоставляется со всем этим их бедность. Люди высокопоставленные, как по занимаемой ими должности, так и по происхождению, говорят мне о революциях, как о вещах, конечно, вполне возможных, но их в сущности мало касающихся, а имеющих отношение только к императору, так что кажется, что они и не помышляют о том, чтобы рисковать своей жизнью ради защиты трона. Положим, здесь за проявляемую в повседневной жизни покорность власти всегда себя вознаграждали резкими порицаниями в разговорах, но в прежние времена в Европе не было при этом таких неблагоприятных для монархической власти веяний, как теперь, и особенно, как за последние четыре года в России. Быть может, это пройдет, как пароксизм лихорадки, но возможно, что маленькой случайной искры будет достаточно для того, чтобы зажечь большой пожар.

Офицеры жалуются на ослабление дисциплины среди солдат и утверждают, что необходима война для того, чтобы не восторжествовали опасные настроения. Во всем мире положение угрожающее, и если здесь приходится наблюдать, как дворяне, повидимому, спокойного и мирного темперамента, делая свои приготовления к лету, закупают партиями револьверы и патроны, то я не знаю, не лучше ли чувствует себя христианин-собака в Дамаске, чем дворянин в царстве императора Николая.

Положение немца в Северном Шлезвиге во всяком случае менее неприятно, чем положение русского помещика, разгуливающего среди своих крестьян увешанным револьверами, наподобие какой-то адской машины. Император подавлен серьезностью положения внутри страны и не проявляет прежнего интереса к иностранной политике. Вчера он сказал мне с глубоким вздохом, что единственный счастливый для него день—среда, так как тогда он в течение двадцати четырех часов свободен от дел. Каждый вторник он уезжает вечером на охоту. Во время данной мне недавно аудиенции, он был в подавленном состоянии духа; он подарил мне свою фотографию и фотографию покойной императрицы и в связи с этим говорил мне по поводу лиц, фамильные портреты которых висели в комнате. Если бы слова были смертоносны, то, конечно, из всего дома Голштейн-Готторп не было бы уже в живых ни одной души мужского пола.

Всякий отдает должное благородному сердцу императора, однако, следующее за этим «но» такого свойства, что мне

приходится или уходить, или просить переменить разговор. Очень скверно то, что императора делают ответственным за все многочисленные и многообразные злоупотребления, связанные с именем Мины Ивановны, а по-немецки г-жи фон Бургхоф—приятельницы старого Адлерберга. Чтобы гвардейские офицеры, в присутствии посторонних, обсуждали вопрос, стрелять ли им или не стрелять в народ,—этого император Николай, конечно, не мог ожидать так скоро. Здесь издавна была слишком хорошая полиция для того, чтобы император был обо всем этом мало осведомлен, а фактический глава этого учреждения—Тимашев очень мрачно смотрит на ближайшее будущее».

92.

Телеграмма Вильгельма.

Каблограммы из Вашингтона принесли мне известие о принятии конференцией преливинарных условий мира, чем, кажется, наконец, обеспечено окончательное заключение мира. Прими мои самые сердечные поздравления с тем, что нашлось решение, которое дает возможность России выйти с полною честью из войны и во всех отношениях воздает должное доблести твоей армии, равно как и постоянству, с которым ты отстаиваешь права России и ее национальную честь. Я слышал, что Япония согласилась на все ваши требования. Слышал, что президент Рузвельт употребил почти нечеловеческие усилия, чтобы склонить Японию к уступкам. Он поистине сделал великое дело для вашей родины и для всего мира, тем более что, как я слышал от него, Англия положительно отказалась хотя бы пальцем пошевельнуть, чтобы помочь ему добиться от ее союзников—японцев уступок его требованиям. Еще раз самые искренние поздравления. Я был бы рад, если бы мог быть сколько-нибудь тебе полезным за это время. Сердечный привет Алисе

Вилли.

Отправленная 17 авг. 1905 г. в 12 ч. 35 м. дня, из Нового Дворца.

93.

Телеграмма Вильгельма.

Слышу, что Витте едет обратно [55]). Не позволишь ли ему навестить меня «en passant» (проездом) по пути в Россию? Я

имел намерение наградить его орденом по поводу проведения в жизнь торгового договора, заключенного им в прошлом году с Бюловым! Желаю счастливого плавания. У нас маневры очень интересны, в прелестной местности, но очень мокро. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Гомбург, 4 сентября 1905 г., 9 час. 30 мин. утра.

94.

Телеграмма Вильгельма.

Согласно твоему любезному распоряжению, Витте будет здесь 13/26. Знает ли он о нашем договоре? *) Если нет, должен ли я сообщить ему? Сердечный привет Алисе. Убил здесь четырех оленей, только не особенно больших; погода прохладная и хорошая. Привет охотника.

Вилли.

Отправлена из замка Ромнитен, 11 сент., в 12 ч. 20 м. пополудни.

95.

Письмо Вильгельма.

Ромнитен, 26/IX 1905 г.

Милейший Ники.

Визит Витте предоставляет мне приятный случай послать тебе несколько слов. Это приносит мне всегда большое удовольствие; надеюсь только, что письмо тебе не очень наскучит. С Витте у меня был очень интересный разговор. Он произвел на меня впечатление человека редкой проницательности и дальновидности, одаренного незаурядной энергией. С помощью не менее энергичной и умелой поддержки Рузвельта ему удалось довести Портсмутскую конференцию до столь удачного конца, что повсюду на это смотрят, как на явную и значительную победу России над Японией. Это может быть тебе интересно, потому что его враги и завистники в России будут, без сомнения, стараться умалить его заслугу и постараются уверить всех в том, что он не отстоял интересов своей родины так, как должен был бы это сделать. Великие люди, а я полагаю, что его следует к ним причислить, всегда будут встречать известное количество зависти и лжи, как противовес тем похвалам, которые расточают им их по-

*) См. прим. 50.

клонники. Но за них говорят факты, и Портсмут говорит сам за себя.

К моему удовольствию для меня выяснилось, что его политические идеи и те взгляды, которыми мы обменивались в Бьорке, вполне совпадают в своей основе. Он усердно отстаивает мысль русско-германо-французского союза, в духе которого, как он мне сказал, с удовольствием будет действовать и Америка (will be gladly «côtoyé» by America) ради поддержания мира и status quo, равновесие которого нарушено англо-японским договором *). Поэтому он был очень приятно поражен, когда я рассказал ему о нашей работе в Бьорке. Это наиболее естественная группировка держав, являющихся представительницами «континента», и к ней примкнут другие, более мелкие державы Европы. Америка будет на стороне этой «комбинации», во-первых, с расовой точки зрения, американцы определенно «белые» и «анти-желтые»; во-вторых, политически, благодаря тому, что Япония опасна для Филиппин [56]), на которые японцы устремляют завистливые взоры, потеря же Филиппин неблагоприятно отозвалась бы на положении Америки в Тихом океане; в-третьих, из-за опасной конкуренции японской торговли, которая находится в более благоприятных условиях вследствие очень дешевого труда в Японии и свободы от уплаты за доставку товаров издалека и за провоз их через Суэзский канал. Последний расход ложится тяжелым бременем на всю е в р о п е й с к у ю торговлю. То же самое будет и с «Панамским каналом».

«Континентальный Союз», пользующийся содействием Америки, является единственным средством закрыть путь к тому, чтобы весь мир стал частной собственностью Джон Буля, который его эксплоатирует по своему усмотрению, после того как он при помощи бесконечных интриг и лжи перессорил между собою все остальные цивилизованные народы. Мы видим в настоящий момент применение этого гибельного принципа в Марокканском вопросе, в котором Джон Буль также делает все возможное, чтобы восстановить французов против нас, создавая этим бесконечные проволочки и затруднения. Но твои союзники так загипнотизированы «Кокусом», «Брестом» и «Entente cordiale», что едва ли предпринимают что-либо в области внешней политики, не посоветовавшись предварительно с Лондоном! Я думаю, что было бы хорошо, если бы ты указал Нелидову на желательность положить предел этой англомании,—как я слышал, он тоже несколько «англоман»,—и напомнить французам, что их будущее

*) См. прим. 51.

связано с тобой и с нами. Витте дал французам дружеский совет быть благоразумными в вопросе о Марокко, а я предписал Радолину быть насколько возможно «conciliant» (сговорчивым), так что я надеюсь, что через несколько дней мы придем к соглашению.

Что касается англо-французской «Entente cordiale», то, может быть, ты найдешь в моих письмах, что два года тому назад я предостерегал тебя по поводу зарождавшегося «rapprochement» (сближения) обоих правительств и стран, когда они на основании «Мюрцштегских пунктов» совместно противились твоей политике в Македонии, и затем указал тебе на то, что они опять возвращаются к своей прежней «крымской» политике и назвал ее «преступной комбинацией» *). «Либеральные западные державы» действуют, как я предсказывал, и противодействуют тебе не только во внешней политике, но и еще усерднее и откровеннее в твоей внутренней политике. Французская и английская либеральная пресса согласно и совершенно открыто клеймит каждый монархический и энергичный шаг в России,—«царизм» как они это называют,—и открыто становится на сторону революционеров в их стремлении распространить и поддержать либерализм и «просвещение» в противовес «царизму» и «империализму» в «неких» отсталых странах. Эти страны—твоя и моя. Англия всегда подкупает французов фразой: «сообща оберегать интересы либерализма во всем мире и проповедывать его в других странах». Это значит подстрекать к революциям и помогать им повсюду в Европе, особенно в странах, которые, к счастью, пока все еще не находятся в неограниченной власти этих адских парламентов.

Альвенслебен, который теперь дома в отпуску, к сожалению, совершенно больной человек и просил разрешить ему подать в отставку и оставить службу. С твоего любезного согласия я предлагаю послать к твоему двору г. ф. Шена, посланника в Копенгагене. Прежде он был долгое время в Париже, у него элегантная и очаровательнейшая жена; он сопровождал меня в этом году в моем путешествии в Танжер и по Средиземному морю. Это очень честный, спокойный, сдержанный человек, мой личный друг, уже много лет пользующийся моим доверием. Он очень хорошо знаком со всеми английскими интригами в Дании и нашел возможность оказать многим из них противодействие. Он хорошо знает Италию, говорит по-французски, по-итальянски, по-английски,

*) Здесь в английском тексте игра слов. Вильгельм употребляет в обоих случаях слово: crimean, производя его от слов: Crimea—Крым и crime—преступление.

как на своем родном языке, очень подвижен и прекрасно играет в лаун-теннис, на случай, если бы тебе понадобился партнер.

Посещение британским флотом Свинемюнде и Данцига прошло гладко. Публика была очень учтива и «hospitalier» (гостеприимна), но воодушевления не проявляла. В Ейсберге у меня был один друг, который хорошо говорит по-датски и по-английски. Он ходил на суда под видом торговца углем и часто обедал или завтракал с офицерами. Они ему рассказали, что посланы в Балтийское море для того, чтобы показать императорам, что те не могут решать все по своему усмотрению, потому что британский флот им этого никогда не позволит. Прекрасный образец бесстыдства. Только бы поскорее опять появился на водах твоей флот в составе прекрасных судов нового типа под командой здоровых и способных офицеров с хорошо обученным экипажем.

Недавно узнали через Вену нечто такое, что должно тебя позабавить. Американский посол г. Беллами Сторер рассказал одному из моих друзей, что он встретился в Мариенбаде с английским королем. За несколько дней до заключения мира король сказал Стореру, что о мире нечего и думать, потому что Японии никогда не позволят отказаться от требований возмещения убытков, на что она имеет право, как победительница. Дальше он стал говорить, что необходимо оставить Россию на долгое время совершенно беспомощной и искалеченной в финансовом отношении. Сторер рассказывал, что он очутился в очень неловком положении, так как король спрашивал его совета, говоря об этом громко на прогулке среди многочисленной сопровождавшей их и слушавшей разговор публики! Как кажется, он боится, что Америка присоединится к другим государствам, которые собираются, по выпуске большого международного займа, дать России денег, и старался повлиять на Сторера, чтобы тот сделал домой сообщения в этом направлении, от чего Сторер, конечно, уклонился.

Теперь, когда мир подписан и предстоит обмен ратификациями, не найдешь ли ты нужным, чтобы мы, не посвящая наших послов при заграничных дворах в тайну существования договора, преподали им одинаковые инструкции работать сообща во всех делах, не затрагивающих специальные особые интересы каждой из наших стран, а касающихся вопросов общей политики и осведомлять друг друга о своих инструкциях и соображениях. Такое очевидное для всех согласование действий, поскольку дело идет об общих интересах, непременно вызовет во всем мире впечатление, что наши отношения стали теснее и таким образом постепенно подготовит

твою союзницу Францию к той новой ориентации, которую она должна будет усвоить себе в своей политике для того, чтобы примкнуть к нашему договору*). Марокканский вопрос разрешится через несколько дней. Витте говорил дельно и давал хорошие советы обеим сторонам, а я предписал быть по возможности «coulant» (покладистым).

Витте очаровал здесь всех дам и мужчин своими занимательными рассказами об Америке и о своих наблюдениях. Тебя это тоже очень позабавит!

Ну, прощай, милейший Ники, привет Алисе и поцелуй мальчику от твоего преданнейшего друга и кузена

Вилли.

96.

Письмо Николая.

Позволь поблагодарить тебя за письмо, переданное мне В.**), а также и за оказанную ему тобой честь. Он подробно доложил мне обо всем, что он от тебя слышал, и о том, что говорил тебе. Я очень доволен тем, что он произвел на тебя хорошее впечатление, и что мысли его о международной политике в большинстве случаев совпадают с твоими.

Тебе, конечно, известно, что через несколько дней Портсмутский мирный договор будет ратифицирован. Тогда наше Бьоркское соглашение должно войти в силу. Этот, в высшей степени ценный документ, следует еще подкрепить или пояснить для того, чтобы дать всем заинтересованным сторонам возможность честно и смело выполнять свои обязанности.

Важнее всего привлечь Францию в наш оборонительный союз и создать континентальную лигу, согласно статье 4-ой Бьоркского договора.

Но если бы Франция отказалась присоединиться к нам, то не только отпала бы статья 4-ая, но в корне изменился бы и весь смысл ст. 1-й, ибо обязательства, о которых она говорит в настоящей редакции, касаются [указывают на] ***) других Европейских держав, в том числе и Франции—союзницы России...

Во время твоего пребывания в Бьорке я не имел при себе подписанных моим отцом документов, которые ясно опреде-

---

*) См. прим. 50.

**) Витте.

***) В подлиннике сохранены оба слова написанными одно над другим.

ляют принципы нашего союза с ней и, конечно, исключают все, что могло бы привести к столкновению с ней.

При попытке выяснить, возможно ли [склонить] побудить [Францию] французское правительство присоединиться к нашему соглашению на первых же шагах обнаружилось, что это является трудной задачей и что потребуется много времени для того, чтобы [привести его без] привести его к этому по его доброй воле. Иначе можно толкнуть Францию в объятия противника, и она может не сохранить предложений в тайне. Поэтому я полагаю, что Бьоркский договор не должен быть проводим в жизнь [входить в силу] *) до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесется Франция.

В случае, если она абсолютно откажется присоединиться к нашим государствам, необходимо будет изменить редакцию ст. 1-ой и 4-ой так, чтобы они вполне соответствовали обязательствам России по отношению к Франции [со времени] с момента возникновения Тройственного Союза в 1890 году **).

97.

Телеграмма Вильгельма.

Исполнение договора не противоречит, — как мы согласились в Бьорке, — франко-русскому союзу, конечно, при условии, что последний не направлен прямо против моего государства.

С другой стороны о б я з а т е л ь с т в а России по отношению к Франции могут иметь значение лишь постольку, поскольку она своим поведением заслуживает их выполнения. Твоя союзница явно оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия помогала тебе всячески, насколько это было возможно без нарушения законов о нейтралитете. Это налагает на Россию нравственные обязательства также и по отношению к нам: do, ut des (даю, чтобы ты дал). Между тем нескромность Делькассе обнаружила перед всем миром, что Франция, хотя и состоит с т о б о ю в с о ю з е, вошла, однако, в соглашение с Англией и была готова напасть с помощью Англии на Германию в мирное время, пока я делал все, что мог для тебя и твоей страны, е е с о ю з н и ц ы! Это—эксперимент, которого она не должна повторять, и от повторения которого, с м е ю н а д е я т ь с я, т ы о г р а д и ш ь м е н я! Я вполне с тобой согласен, что потребуется время, усилия и терпение

*) В подлиннике сохранены оба выражения.
**) Текст подлинника.

для того, чтобы заставить Францию присоединиться к нам, но в будущем разумные люди сумеют заставить себя слушать и окажут влияние! Разрешение Марокканского конфликта удовлетворило всех, так что атмосфера благоприятствует лучшему взаимному пониманию. Наш договор является очень хорошим фундаментом для дальнейшей постройки. Мы подали друг другу руку и дали свои подписи п е р е д б о г о м, который слышал наши обеты. Поэтому я думаю, что договор этот можно хорошо провести в жизнь. Но если ты желаешь каких-либо изменений отдельных статей, в указаниях на будущее, или в предвидении различных случайностей, как, например, безусловного отказа Франции,—что невероятно,—я с удовольствием пойду навстречу всем предложениям, какие ты сочтешь нужным сделать мне. Пока мы сговоримся насчет последних, договор должен исполняться нами, как есть. Вся ваша влиятельная печать: «Новости», «Новое Время», «Русь»,—за последние две недели стала резко германофобской и англофильской. Отчасти эти газеты, конечно, подкуплены большими суммами английских денег. Однако это заставляет мой народ быть настороже и сильно вредит возникающим между нашими государствами отношениям. Все эти обстоятельства показывают, что времена теперь смутные, и что мы должны держаться определенного пути; подписанный нами договор есть средство итти прямо, не касаясь вашего союза, как такового. Что подписано, то подписано! И бог был нам свидетелем! Буду ждать твоих предложений. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Отправлена из Глюксбургостзее, 29 сент. 1905 г. в 6 ч. 40 м. вечера.

98.

Телеграмма Вильгельма.

Так рад узнать, что мой шурин вернулся с войны под твою кровлю. Вновь много раз благодарю за высокую честь пожалования ему Георгиевского креста!

Кажется «европейский архисмутьян» в Лондоне опять взялся за дело, не взирая на разоблачения Делькассе, страшно скомпрометировавшие его и его правительство, которые замышляли в мирное время войну против нашей дружественной нации! Точно разбойник в лесу, он послал в Копенгаген Бенкендорфа — твоего посла — с тайной миссией к твоей матери, дав ему инструкцию добиться ее содействия, использовать ее влияние на тебя и направить твою политику против

меня! Министерство иностранных дел в Лондоне знает об этом путешествии, что отрицают там же в вашем посольстве. Мои сведения могут, конечно, быть ошибочными, но необычайное поведение Англии заставляет меня думать, что невредно, на всякий случай, известить тебя. Оригинально, что твой посол соглашается на такие комбинации, разоблачение которых неизбежно, и таким образом, создает новые тревоги, которых, я думаю, у нас в последнее время было совершенно достаточно. Погода ужасная.

Вилли.

Отправленная из Нового Дворца, 12/15 окт. 1905 г., в 2 ч. 27 м. дня.

99.

Телеграмма Николая.

Шифром.

Большое спасибо за твои телеграммы. Бенкендорф ездил с моего разрешения, так как моя мать пригласила его приехать, как друга датской семьи. Какого рода разговоры там происходили, я, конечно, не знаю. Но могу тебя уверить, что н и ч т о не может на меня повлиять, кроме интересов защиты и чести моей родины. Бенкендорф лояльный подданный и настоящий джентльмен. Я знаю, что он никогда не пошел бы на какие-либо вероломные проделки, даже если бы они исходили от самого «великого сеятеля зла». Разоблачения Делькассе необычайны, но я полагаю, что беседы Бюлова с некоторыми газетными корреспондентами не слишком способствовали выяснению положения. Я скоро напишу тебе.

О т к р ы т о.

Фриц Леопольд имеет хороший вид и загорел. Сердечный привет от обоих.

Ники.

100.

Телеграмма Вильгельма.

Благодарю за письмо. Буду отвечать, выслушав канцлера. Твои сведения насчет Таттенбаха неверны. Он все время действовал «en concert» (в согласии) со своим французским коллегою, и несколько времени тому назад они оба покинули Фец. Я совершенно согласен, что следует всеми средствами избегать осложнений в Европе или в ее соседстве; нет оснований опасаться таковых в Марокко или по его поводу. Но Македония и Балканы гораздо опаснее; морские демонстра-

ции против Турции [57]) в данный момент могут повести к самым неожиданным последствиям, в случае если бы «самолюбие» исламистского мира возмутилось против давления, оказываемого на его владыку. Здесь нужно следить за деятельностью «крымской комбинации».

Вилли.

Из Нового Дворца, 13/26 ноября 1905 г.

101.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 28/XI 1905 г.

Милейший Ники.

Канцлер, которому я читал выдержки из твоего письма, сказал мне, что наше чисто оборонительное соглашение ни в каком случае не может быть в противоречии с французским договором, заключенным твоим отцом. Если бы это было так, то это значило бы, что согласно французскому договору, Россия обязана поддерживать Францию даже и в случае наступательной с ее стороны войны против Германии! Но подобный случай — Россия, поддерживающая Францию в ее наступательной политике против нас, — казался нам до сих пор нестоящим даже и минутного обсуждения; ведь твой дорогой отец часто говорил мне, что он всегда будет открыто противиться какой бы то ни было наступательной войне; притом он находился со мной в очень дружеских и близких отношениях. Например, в 1891 году, во время маневров около Нарвы, он откровенно высказал мне свое отвращение к французскому республиканскому строю, высказывался в пользу восстановления монархии в Париже и просил меня помочь ему в этом. Если твое французское соглашение, как и наше, чисто оборонительное, тогда нет никакого несоответствия между ними, одно другого не исключает, и никаких дальнейших заявлений не требуется.

С другой стороны, я понимаю, что для тебя было бы удобнее не заявлять публично о союзе со мной, в тот момент, когда международные революционеры широко распространяют по всему миру гнусную ложь, будто я стараюсь оказать на тебя влияние в пользу реакции.

Я горячо желаю тебе пережить невредимым настоящий кризис, и чтобы твой народ вполне понял твои благородные намерения. Теперь ты должен подождать и посмотреть, каковы окажутся на деле вызванные тобой к жизни учре-

ждения. Только после этого станет возможно судить о том, нужны ли будут изменения и какие именно.

Что касается твоего мнения о Витте, то я, конечно, не не могу утверждать, что я знаю его настолько же хорошо, как и ты, но на меня он положительно произвел впечатление человека, стоящего значительно выше среднего уровня. В то же время я очень рад, что ты приблизил к себе своего дядю Николая Николаевича. Он кажется мне представителем элемента твердости, а твердость может быть нужна для поддержания порядка. Без порядка же молодая свобода существовать не может .

Что касается Таттенбаха и Марокко, то твои сведения из французских источников неправильны. Я не добиваюсь и никогда не добивался каких-нибудь особенных преимуществ для Германии, и Таттенбах никогда не вел какой-то своей собственной политики. Это на моей службе вещь неслыханная: мои представители в иностранных государствах ведут единственную политику, — а именно мою. Мы хотим только обеспечить открытые двери — в этом у нас общие интересы со всеми приморскими и торговыми нациями. Нет никаких причин, почему бы нельзя было на этой почве прийти к справедливому соглашению с Францией. Надеюсь, что ты, постоянной целью которого было поддержание мира и добрых отношений среди всех цивилизованных народов, окажешь свое могущественное содействие в деле приведения конференции к общему соглашению, основанному на сохранении принципа открытых дверей.

Слово, сказанное тобой в этом смысле своему представителю на конференции, очень облегчило бы задачу моего уполномоченного. Привет Алисе и Бэби.

Верь мне, дорогой Ники, всегда твой

Вилли.

102.

Телеграмма Николая.

Очень благодарен за твое милое письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Наш союз с Францией оборонительный. Полагаю, что посланная мною тебе декларация могла бы оставаться в силе до тех пор, пока Франция не присоединится к нашему новому соглашению. Я, конечно, сделаю все от меня зависящее, чтобы на Марокканской конференции *) было достигнуто всеобщее соглашение. Сердечный привет от нас обоих.

Ники.

*) См. прим. 40.

103.

Телеграмма Николая.

Флигель-адъютант Шебеко должен получить новое назначение. Я предлагаю заместить его полковником Татищевым из моих лейб-гусар. Он долгое время состоял при дяде Владимире, часто бывал в Берлине и очень хорошо говорит по-немецки. Я намериваюсь произвести его в генералы моей свиты в день моих именин и с твоего согласия назначить его состоять при твоей особе. Я хотел бы также знать, находишь ли ты необходимым, чтобы мы вновь назначили специальных военных атташе кроме Ламсдорфа и Татищева?

Сердечный привет от Алисы.

Ники.

104.

Телеграмма Вильгельма.

Полковник Татищев, которого ты предполагаешь прикомандировать к моей особе вполне приемлем. Что касается твоего вопроса о специально-военных атташе, кроме таковых «à la suite» (состоящих в свите) при наших с тобой особах, то я нахожу желательным создание этой должности. В старину всегда так бывало. Л и ч н ы е атташе оказываются в зависимом и трудном положении, если им приходится делать свое дело, находясь в то же время при штабе монархов. Им должна быть предоставлена лишь о д н а э т а ч е с т ь, и они обязаны только собирать и лояльно передавать официальные военные или конфиденциальные информации, получаемые ими от государя или, с г о с у д а р е в а р а з р е ш е н и я, от официальных военных властей. Они должны быть людьми безукоризненной репутации, на которых монархи могли бы безусловно полагаться, и должны пользоваться полнейшим доверием офицеров соответственных императорских главных квартир, при которых они состоят. Этим уже сказано, что у них не должно быть ничего общего с обычным «ремеслом» простого военного агента. Положение Вердера при твоем деде являет хороший пример того, что должно быть. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Нового Дворца, 30 ноября—13 декабря 1905 г., в 8 ч. 20 м. утра.

105.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 30/XII 1905 г.

Милейший Ники.

Генерал Татищев передал мне твое письмо и представился мне в своей новой «charge» (должности). Для меня в высшей степени важно знать, что он пользуется полным твоим доверием, и я буду «le cas échéant» (в случае надобности) с удовольствием прибегать к его услугам в своих частных сношениях с тобой. Он — желанный гость здесь и в рядах моего генерального штаба, к которому он теперь принадлежит.

Новый посол фон Шен выезжает сегодня с ген. фон Якоби. За характер генерала я могу ручаться во всех отношениях. Он был моим первым адъютантом, был вместе со мной студентом в Бонне, служил в первом батальоне 1 гвардейского полка; позднее вторично, после моего восшествия на престол был моим адъютантом, провел много лет в качестве военного атташе в Риме, и, наконец, командовал полком Мамà в Висбадене, где ты его видел. Я уверен, что он настолько же заслуживает твоего доверия, насколько пользуется и моим; я его близко знаю уже 25 лет!

От души благодарю за твое милое письмо и за твои пожелания к новому году; от всего сердца желаю тебе того же. Да благословит и да сохранит бог тебя и твое семейство и да ниспошлет мир твоему народу. Таково искреннее желание навсегда твоего преданного и любящего кузена, друга и союзника.

Вилли.

106.

Письмо Вильгельма

Берлин, 29/I 1906 г.

Милейший Ники.

Генерал фон Якоби привез мне твое письмо и твои пожелания, за что от души благодарю. Он был очень счастлив приветливым приемом, который он встретил как с твоей стороны, так и в обществе. Я был очень рад слышать, что как ты, так и Алиса и дети — здоровы. На него произвели сильное впечатление прекрасный вид и «tenue» (выправка) полков, которым ты делал смотр, на котором ему было разрешено

присутствовать. Но он был очень смущен, когда ему пришлось играть жалкую роль на охоте, так как с ним не было его собственных ружей, да и вообще он не из увлекающихся стрелков.

Мысль о чванливом «aide-de-camp» (адъютанте) нашего коллеги «дровосека Фальера», следующим повсюду в твоей «suite» (свите) чрезвычайно меня потешила. Но мысль эта не только смешна, в некотором отношении она в то же самое время и не бесполезна. Чем ближе Франция станет к тебе, предполагая, что это удастся — тем она будет дальше от зла. Марокканские дела, как мне кажется, будут улажены без войны. Решающим моментом здесь является то обстоятельство, что до сих пор ни одна держава не обнаружила еще склонности оказать Франции вооруженную поддержку, в том случае, если бы последняя пожелала завладеть Марокко. Не имея уверенности в том, что ее поддержат вооруженной силой, Франция не решится на такое вторжение. В конце концов, придут к соглашению, обеспечивающему всем заинтересованным сторонам вполне почетный мир, а в то же время и открытые двери в Марокко для торговли всего мира. Причина того, что Франция теперь отказала в займе России, находится в связи не столько с Марокканскими делами, так как с открытием Алжесирасской конференции *) Франция значительно успокоилась, сколько с донесениями евреев из России,— вожаков революции, — своим родственникам во Францию, под гнусным влиянием которых находится вся печать. Берлин переполнен русскими дворянскими семьями, бежавшими из балтийских провинций, свыше 50.000 твоих подданных находятся здесь, около 20.000 в Кенигсберге и еще тысячи в маленьких провинциальных городах Пруссии, Познани и Силезии. Особенно тяжело здесь положение дворян балтийских провинций, их замки сожжены, имущество разграблено, часть лесов уничтожена. Много баронесс поступило экономками в чужие семьи, а молодые графини и баронессы должны были стать простыми продавщицами в магазинах только для того, чтобы спасти себя и своих матерей от голодной смерти!! Наши крупные землевладельцы добровольно приютили некоторые семейства в своих усадьбах, и даже императрица приняла девочек в свой приют, чтобы помочь бедным матерям! Ты и представить себе не можешь, какая страшная нужда и разорение царят среди лучшего твоего курляндского и лифляндского дворянства. Многие из моих офицеров, служащих в армии, женаты на молодых девушках из этих семейств и получали главные средства к жизни от

*) См. прим. 40.

родителей своих жен, — теперь все они, бедняги, оказались «vis à vis de rien!» (ни с чем), так как на свое жалованье они жить не могут. По моему мнению, потребуются миллионы для того, чтобы поправить положение этих несчастных и помочь им восстановить их разрушенные жилища, и я надеюсь, что твое правительство с полной готовностью предоставит им необходимые для этого средства. Соответствующий приказ с твоей стороны произвел бы прекрасное впечатление на всю Европу и ободрил бы упавший дух этих достойных сожаления людей.

В то время, как я писал эти строки, пришло совершенно неожиданное известие о смерти твоего дорогого деда. Какого благородного идеального и рыцарского монарха не стало! Окруженного любовью своей семьи и своих подданных, видевших в нем своего отца! Я глубоко сочувствую тебе в этой тяжкой утрате, которую все мы, монархи, чувствуем и оплакиваем, потому что потеряли одного из лучших среди нас! Твоя бедная мать будет в страшном горе, но должна быть благодарна за то, что ей удалось быть там и провести со своим обожаемым отцом последние минуты его жизни! Я, конечно, намериваюсь быть на похоронах. Генерал Зайончковский представлялся мне и произвел на меня прекрасное впечатление; я был рад, что мог поздравить его по поводу блестящего поведения моего храброго Выборгского полка, так храбро сражавшегося за своего императора и свою родину.

Ну прощай, милейший Ники, привет Алисе и детям от твоего любящего тебя друга и кузена

Вилли.

107.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 6/III 1906 г.

Милейший Ники.

Возвращение генерала à la suite (из свиты) фон Якоби в Царское Село дает мне случай послать тебе с ним эти строки. Я пишу их, чтобы выразить тебе мою искреннюю и сердечную благодарность за твои добрые пожелания по поводу нашей серебряной свадьбы и за великолепные подарки, которые ты прислал нам обоим. Они действительны великолепны! Красивого цвета и изысканной работы; цифры из драгоценных камней эффектно выделяются на мягкой темной зелени камня. Они привлекали внимание наших гостей, и вызывали должное восхищение. Очень мило с твоей стороны,

что ты вспомнил о нашей старой свадьбе и принял такое участие в нашем празднике; я был очень рад приветствовать все присланные тобой депутации. Мои молодцы «выборжцы» были предметом особого всеобщего восхищения и любопытства; они везде производили прекрасное впечатление и были слико возможно «fêted» (чествуемы). Празднества были утомительны, но, к счастию, Виктория очень хорошо все выдержала, несмотря на то, что только что перед этим перенесла сильную инфлюэнцу.

Вот уже три дня, как у нас стоит настоящая летняя погода, и все на воздухе; верхом, пешком, в автомобилях, на велосипеде, и люди сидят сотнями в садах и на террасах кафе и пьют свой кофе или свое пиво под открытым небом. Я думаю, что эта теплая погода скоро дойдет и до вас.

Привет Алисе и детям и еще раз благодарю за твой милый подарок.

Остаюсь твой преданнейший и любящий друг и кузен

Вилли.

103.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 14/VI 1906 г.

Милейший Ники.

От всей души благодарю тебя за милое письмо, привезенное мне Татищевым и за другое, которое передал мне сегодня Владимир. Я вполне сочувствую тебе в это трудное время. Самый лучший способ облегчить заботы и огорчения, причиняемые тебе положением у вас,—это как ты и делаешь—заниматься твоей прекрасной гвардией, делая им смотры и обращаясь к ним с речами. Это доставляет удовольствие и тебе и войскам, и они, без сомнения, в серьезную минуту, в благодарность за тот интерес, который ты обнаруживал по отношению к ним, будут верным, надежным и сильным оружием в руках своего повелителя. Я рад, что ты доволен своими гусарами, в рядах которых ты сам служил. Ведь и я тоже чувствую «penchant» (склонность) к моим гвардейским гусарам, которыми я одно время командовал. Вчера, перед маневрами гвардейской кавалерийской дивизии я сделал им смотр, который был очень удачен, но, как и все смотры в этом году, закончился страшным ливнем.

Я вполне согласен с твоими взглядами на анархистов. Покушение было подло и жестоко [58]). Трудность борьбы с этим бичом человечества, как ты совершенно верно замечаешь, состоит в том, что в некоторых странах, главным

образом, в Англии, эти скоты могут жить беспрепятственно и подготовлять там свои заговоры на чью угодно жизнь. Мне сообщили, что испанский премьер-министр просил принца Уэльского передать е. в. Эдуарду VII желание испанской нации, которая считает необходимым, чтобы е. в. побудил свое правительство присоединиться к государствам континента в деле обуздания этой секты убийц. Это обстоятельство показывает, что принятые нашими двумя правительствами меры наблюдения за этими господами совершенно не удались. Потому что они могут жить в Лондоне в полной безопасности и там вырабатывать свои кровавые планы. Настоящее место для этих врагов человечества — эшафот, иногда же пожизненное заключение в сумасшедшем доме. Все континентальные державы должны сообща обратиться в Лондон и просить английское правительство, чтобы оно вошло с ними в международное соглашение для борьбы с этими зверями. Я полагаю, что было бы возможно с общего согласия, для защиты жизни и культуры, законом назначить смертную казнь за производство химических продуктов, употребляющихся для наполнения бомб.

Дума создает очень большие затруднения твоему правительству, и положение крайне трудное. Но надо надеяться, что по прошествии некоторого времени и Дума и правительство съумеют найти пути и средства для создания разумного modus vivendi так, чтобы стала возможна положительная работа для блага страны.

Как я и ожидал, выбор твой пал на Извольского, который, я уверен, тебя удовлетворит. Как человек очень умный, он легко сможет, сообразно твоему желанию, направить ход иностранной политики России по пути мира. Он дал очень разумный ответ Шену по вопросу о Багдадской дороге, так что я надеюсь, что мое правительство будет в состоянии продолжать с ним совместную работу на основе взаимного доверия, вытекающего из общности интересов. Наши связанные с этой дорогой интересы — чисто экономические и торговые, на благо человечества; это—законно оформленная концессия германской компании, которая эту дорогу строит и проводит. Я хорошо себе представляю, как, по твоему выражению, англичане суетятся вокруг тебя по поводу Азии. Но так как ты спокойно решил дожидаться их предложения, то можно быть уверенным, что, если их условия по поводу центральной Азии окажутся для тебя приемлемыми,—то соглашение с ними может устранить множество поводов к трению, что удовлетворило бы также и меня.

Всякий, конечно, поймет, что настоящий момент, выбранный англичанами для непрошенного визита их флота, должен

быть для тебя и твоей страны совершенно несвоевременным и нежелательным и, судя по тому, что я чувствовал по поводу их посещения в прошлом году, я уверен, что ты должен быть возмущен.

Они, конечно, попытаются оказать всяческую поддержку твоей ультра-либеральной партии. Флот заявил, что на обратном пути он зайдет в Пилау и Травемюнде. Я прикажу зорко следить за ними. Как и ты, я с величайшим удовольствием жду нашего свидания в конце лета, так как предполагая вернуться в Балтийское море в первых числах августа, я думал предложить тебе встретиться первого августа нового стиля, если погода будет хорошая, между Гернесдорфом и Свинемюнде. Место очень живописное, а сообщение с берегом для депеш и т. д. гораздо легче, чем в Геле.

Милый старый император Франц Иосиф, которого я посетил, все еще замечательно свеж, хотя и согнулся несколько под бременем лет. Он тоже был очень раздражен поведением своего парламента. Я очень приятно провел с ним время, благодаря его теплому, сердечному отношению и его рыцарству. Я осмотрел очень интересный старый реставрированный замок Франценштейн, принадлежащий знаменитому исследователю графу Вильчек. Это—чудесный образец готической архитектуры и обстановки времени от XIII до XV века, выдержанный в стиле и поучительный.

Татищев расскажет тебе о моем смотре этой весной и о маневрах моей второй бригады, показавших впервые на практике новый «Reglement» (устав), а также и об упражнениях гвардейской кавалерийской дивизии под моей командой, великолепно удавшихся. Владимир был здесь и передал мне твои милые строки, преисполнившие меня, как половину выборжцев, чувством гордости. Я еще раз благодарю тебя за твое доброе отношение к ним и за честь, которую ты оказал им, сделав им смотр; они этого вполне заслужили, так как вели себя чрезвычайно храбро. Владимир ездил с нами также на большую выставку скотоводства вблизи Берлина и, как кажется, с большим удовольствием осматривал премированных коров, быков, свиней, лошадей и т. д., производивших оглушительный шум. Тысячи крестьян и мелких собственников ликовали, изъявляя свои верноподданнические чувства. Поразительные успехи можно было констатировать в отделе электрических и спиртовых двигателей, а также спиртовых ламп, применяемых в сельском хозяйстве. Ну, прощай, милейший Ники, благословит и сохранит тебя бог. Сердечный привет Алисе и au revoir (до свидания) в Свинемюнде, где мы постараемся повеселиться. Всегда твой горячо любящий друг и кузен

Вилли.

109.

Телеграмма Николая.

Шифром:

Ты знаешь, как я жаждал нашей встречи первого [в первых числах] августа. Но положение вещей становится настолько серьезно, что я решил распустить Думу немедленно. Ты поймешь, конечно, что при таком положении я не могу уехать. Искренне сожалею, что должен отложить на некоторое время свой визит к тебе. Эта невольная отсрочка увеличивает мое нетерпение увидеть тебя. Сердечный привет от обоих.

Ники.

110.

Телеграмма Вильгельма.

Посещение дяди Берти сошло весьма удовлетворительно. У него хороший вид и, кажется, хорошее настроение. Мы с ним оба согласны в том, что поддержание дружеских отношений между нашими двумя государствами есть благо не только для них, но и для всех остальных народов. Искренне надеюсь, что обмен взглядов между дядею Берти и мною, всецело направленный к поддержанию всеобщего мира, может принести пользу тебе и твоей великой империи.

Вилли.

Из Вильгельмсхёе, 3/16 августа 1906 г. 6 час. 52 мин. вечера.

111.

Телеграмма Николая *).

Подчеркнутое зашифровать:

Выражаю тебе мою горячую благодарность за твою милую телеграмму. Для спокойствия всего мира

---

*) На подлиннике пометка II. Романова: «Посланный мной ответ». При телеграмме имеется следующий ее вариант, оставшийся, очевидно, неотосланным:

Шифром:

«Сердечно благодарю за твою милую телеграмму. Очень рад, что визит дяди Берти прошел благополучно, он смягчил напряженное состояние в Европе и был полезен делу мира. Сердечный привет от обоих.

Ники.

Телеграммы были вложены в копию телеграммы Вильгельма от 3/16 августа 1906 года, из Вильгельмсхёе.

безусловно необходимо поддержание дружеских отношений между Германией и Англией. Я радуюсь, что визит дяди Берти имел такие последствия. Наши маневры кончают я завтра.

Ники.

112.

Телеграмма Николая *).

Шифром:

Получив доклад Татищева о том, как ты смотришь на присутствие Бориса на маневрах твоей армии, я отозвал его с границы. Искренне любящий

Ники.

113.

Письмо Вильгельма.

7/II 1907 г.

Милейший Ники.

Гинце уезжает, и это дает мне случай послать тебе с ним эти строки. Шлю тебе самые горячие пожелания к новому году и надеюсь, что своими упорными трудами на благо родины и народа ты достигнешь успокоения умов, разгоряченных прениями и направляемых на ложные пути непростительной агитацией. Если в этом году твои подданные будут внимать более мудрым советчикам и будут вести себя, как следует, то мы получим, я надеюсь, возможность встретиться где-нибудь на море, и что Генрих будет иметь счастье показать тебе флот под своим флагом. Думаю, что ты найдешь некоторый успех в его развитии по сравнению с 1901 г. у Данцига, так как суда старых образцов уже изъяты и заменены новыми, что придает всему флоту большую однородность.

Сердечный привет Алисе и детям, фотографии которых понравились мне чрезвычайно, особенно портрет мальчика. Пожелав тебе божьего благословения, прошу тебя, милый Ники, всегда считать меня твоим горячо любящим кузеном и другом

Вилли.

---

*) Подлинник даты не имеет. Телеграмма послана 23 августа 1906 г.

114.

Телеграмма Вильгельма.

Берлин, 13-26/XII 1907 г.

Как ты уже знаешь, со времени нашего свидания в Свинемюнде велись переговоры по поводу территориального status quo на Балтийском море, и в Петербурге было подписано тайное соглашение Шеном и Губастовым [59]). Наши правительства теперь сблизились со Швецией. Король Густав просит меня сообщить тебе, что, по его мнению, настоящий момент чрезвычайно благоприятен для заключения соглашения между прибрежными пограничными государствами относительно установления территориального status quo на Балтийском море [60]), так как Шведский кабинет, настроенный раньше против каких бы то ни было договоров по поводу территориального status quo Швеции, теперь вполне поддерживает эту идею. Он желает, чтобы декларации или соглашения были подписаны лично монархами в целях гарантирования их на случай перемены кабинетов. Кроме того, он выразил желание, чтобы соглашение, которое должна будет подписать Швеция, не содержало пункта о территориальной неприкосновенности, так как подобное условие может оскорбить национальную гордость его народа. Кроме того, он думает, что вопрос об Аландских островах [61]) должен быть рассмотрен особо путем обмена нот между Россией и Швецией. В заключение он сообщает мне, что король Дании, с которым он виделся на похоронах его отца, также на стороне такого соглашения между береговыми государствами Балтики.

Оба правителя думают, что соглашение должно быть подписано возможно скорее. В Швеции положение настоящего кабинета не вполне твердо, и король Густав не знает, как отнесется к вопросу новый кабинет. Он говорит, что переговоры должны быть закончены до 15 января. В Дании положение кабинета как будто устойчивее, и министры вполне разделяют точку зрения короля.

Принимая во внимание эти обстоятельства, я советую тебе дать инструкции твоему искусному министру иностранных дел согласоваться насколько возможно с желаниями короля Густава. Извольский знаком с текстом договора, который мы предложили Швеции, и который их, повидимому, удовлетворил, так как там не говорится о «неприкосновенности», и, конечно, совершенно не упоминается об Аландских островах.

Я не думаю, чтобы различные соглашения, для которых предполагается форма «деклараций», должны были быть

подписаны лично монархами, они будут также обязательны, если их подпишут наши министры, но думаю, что другие желания короля могут и должны быть исполнены. Я уверен, что формальная гарантия территориальной неприкосновенности Швеции и Дании не встретят сочувствия со стороны общественного мнения этих двух государств. С другой стороны, соглашение, констатирующее, что прибрежные государства стремятся сохранить территориальное status quo на Балтийском море, практически имеет тот же смысл, как и территориальная «неприкосновенность».

Сердечный привет и лучшие пожелания Алисе

Вилли.

115.

Секретная телеграмма Николая.

Царское Село, 15 декабря 1907 г.

Я получил твою телеграмму и очень рад слышать, что король Густав находит настоящий момент благоприятным для заключения предполагаемого соглашения. Вполне разделяю твое мнение, что декларации должны быть подписаны нашими министрами, но что другие пожелания короля Густава, касающиеся их значения, должны быть удовлетворены. Поэтому я предписал Извольскому составить новое предложение Швеции и уверен, что переговоры будут благополучно закончены до 15 января. Что касается Дании, то я готов подписать декларацию такого же содержания, но у меня являются некоторые сомнения: не осложнит ли дела и не затруднит ли переговоров предложение твоего кабинета Англии и Франции по вопросу о Северном море *). Поэтому, прежде чем начать переговоры с Копенгагеном, я желал бы иметь подробный ответ на вопросы, поставленные по этому поводу моим министром иностранных дел твоему статс-секретарю.

Наши совместные действия в этом важном вопросе Балтийского моря — большое удовлетворение для меня и должны служить тебе доказательством моего постоянного желания быть в тесном контакте с тобой. Поэтому-то я не знал, как объяснить себе поведение твоего представителя в Тегеране, который открыто противодействовал нашими начинаниям в Персии и представлял их в ложном свете. Мой министр иностранных дел уже пояснил, что единственной целью моей политики в соседней стране, находящейся на грани

*) См. прим. 60.

революции и анархии, является желание сохранить мир и порядок и таким образом избежать необходимости нашей интервенции. Сообщение, что мы стараемся воспользоваться настоящим моментом, чтобы добиться особых преимуществ— злостный вымысел. Наше соглашение с Англией [62]) в данном случае в интересах как России и Персии, так и других заинтересованных сторон, так как им усиленно проводится вышеупомянутая политика невмешательства. Я очень рад, что согласно только что полученной от Остен-Сакена телеграммы твой статс — секретарь находит необходимым предписать твоему представителю в Тегеране не противодействовать нашим мирным начинаниям.

Ники.

116.

Письмо Вильгельм

28/XII, 1907 года.

Милейший Ники.

От всего сердца шлю тебе горячие пожелания на 1908 г. Бог да благословит и да сохранит тебя, Алису и детей; и да позволит мне надеяться, что я буду иметь удовольствие свидеться с тобою вновь. Думаю, что своим посещением Англии я устранил много поводов к недоразумениям и недоверию, так что атмосфера прочистилась, и давление на предохранительный клапан ослаблено. В качестве новости, только совершенно частной и конфиденциальной, для тебя лично, могу тебе сообщить следующее: я застал англичан в очень нервном состоянии по поводу японцев, к которым они начинают относиться со страхом и недоверием. Выход в море американского тихоокеанского флота страшно рассердил лондонцев, так как они пытались всеми мерами ему воспрепятствовать. В Лондоне боятся столкновения между Японией и Америкой, потому что тогда пришлось бы стать на сторону той или другой, так как это явится вопросом не политики, а расы, борьбы желтых против белых. Разрыв с Японией немедленно повел бы к потере Индии, под которую японцы потихоньку подкапываются, ее революционизируют и т. д.. Японцы предвидят такой ход событий и готовятся к нему. Возможно, что они сначала нападут на Индию, не обращая внимания на Филиппины. Английские офицеры армии и флота высказывали мне и моим офицерам свое отвращение к «желтому» союзу с Японией, которую они ненавидят. Суди, какой эффект при наличии таких чувств произвела речь графа Окума несколько дней тому назад! Действие ее было подобно взрыву шимозы

в Лондоне! Теперь их газеты впервые употребили термин «желтая опасность», с моей картины, которая оказывается верною. Один немецкий дворянин, только что вернувшийся из Мексики, доложил мне, что сам насчитал на плантациях Южной Мексики 10.000 японцев, всех — в военных куртках с медными пуговицами. На закате, после работы они все собираются в роты и отряды под командою сержантов и офицеров, переодетых простыми земледельцами, и производят учения, упражняясь с деревянными палками; он это наблюдал весьма часто, когда они думали, что никто не обращает на них внимания. Это — японские запасные, тайно имеющие при себе оружие; они должны составить армейский корпус, предназначенный для захвата Панамского канала, чтобы прервать сухопутное сообщение с Америкой. Нет ничего невероятного в том, что Англии придется послать эскадру в Тихий океан, чего ей очень не хочется. Тем временем американские и английские газеты дружелюбно теребят друг друга за нос, что показывает, насколько нервничает лондонская пресса. Вот моя т а й н а я информация для т е б я л и ч н о, чтобы ты успел сообразовать свои планы с положением вещей; информация эта верна и хороша, ведь ты теперь хорошо знаешь, что я никогда не давал тебе неверных сведений. Самое главное — зорко следить и быть ко всему подготовленным. События могут развертываться медленно, но возможны инциденты, которые вызовут неожиданный и внезапный взрыв, прежде нежели вопрос назреет, как это иногда бывает. Поучительно наблюдать, как хорошо японцы готовятся к возможным случайностям. Они действуют во всей Азии, тщательно подготовляя свои удары и против б е'л о й р а с ы в о о б щ е! Вспомни мою картину, она осуществляется. Если Франция поддержит Англию в этом деле, то Сайгон и Аннам пропали!

Вилли.

117.

Письмо Вильгельма.

Замок Вильгельмсхёе, 18/VIII 1908 г.

Милейший Ники.

Прошу тебя благосклонно принять мои пробные фотографии в новых русских мундирах. Они еще не появились в публике, и надеюсь, что твой внимательный взор заметит могущие быть недочеты. Дядя Берти в Кронберге сиял, как солнце, и был в отличном расположении духа. Он намерен в будущем году официально посетить Берлин с тетей Алисой, но день их приезда еще не назначен. Он также тол-

ковал о Турции, давая понять, что ее лучше оставить в покое: пусть устраивается сама и реформирует Македонию сама *) так, чтобы державы могли со временем провалить намеченные реформы; эта перспектива, повидимому, доставляет ему большое облегчение.

Надеюсь, что твоя поездка совершается при благоприятной погоде, тогда как у нас тут не прекращается проливной дождь. С сердечным приветом Алисе, твой всегда любящий друг и кузен

Вилли.

118.

Письмо Николая.

15 декабря 1908 года.

Дорогой Вилли.

Пользуюсь возвращением Татищева в Берлин, чтобы написать тебе. Многое произошло за этот год [особенно за последнюю осень], особенно с прошлого лета. Аннексия Австрией Боснии и Герцеговины [63]), последовавшая немедленно за провоглашением независимости Болгарии [64]) — вызвала в России взрыв негодования. И на меня и на мое правительство произвело неприятное впечатление то, как она была произведена. Во время свидания в Бухлау [65]) И. и Э.**) условились, что первый даст последнему письменный ответ по поводу конечного результата их разговора. Но официальное заявление об аннексии было сделано Э-ем прежде, чем он получил какой-либо ответ от нас, так как Изв. не успел доложить мне об этом деле. Это было во время нашего плавания; я был на «Штандарте» и ничего не знал о том, что должно было произойти. Потому это и произвело такое глубокое и такое неприятное впечатление на мой народ и на меня самого. Основательно или нет, но неудовольствие против Австрии проявилось чрезвычайно сильно. Пресса начала резко нападать на нее, а также, к сожалению, и на Германию. При этом рассуждали так: Австрия одна никогда не решилась бы нарушить обязательство, налагавшееся Б.***) договором; следовательно, за ее спиной должна стоять какая-нибудь другая держава, и это должна быть ее союзница и друг—Германия. Теперь, однако, это предположение постепенно теряет под собой почву, потому что все видели, что для твоей страны это явилось такой же неожиданностью, как и для России.

---

*) См. прим. 31.
**) Извольский и Эренталь.
***) Берлинским.

Полагаю, что Гинце доложил тебе о моем разговоре с ним. Я ценю твое желание оказать поддержку России при окончательном разрешении вопроса о проливах. Теперь не время возбуждать этот вопрос, у нас и так довольно затруднений, если можно так выразиться, вполне достаточно дипломатической пищи, которую придется переваривать многие месяцы. По моему мнению, единственная опасность политического положения [в Европе] в настоящий момент заключается в следующем: быть или не быть войне между Австрией и Сербией?

По нашим сведениям эта действительная опасность существует. Эр., зачинщик, один ответствен за все, что случилось. Я думаю, ему это хорошо известно, но он, вероятно, никогда не предполагал, что предпринятый им шаг [настроит] восстановит почти все государства против Австрии. Он сердит на маленькие Балканские государства, осмелившиеся вначале протестовать и высказать свое неудовольствие. Теперь мы успокоили их правительства. То, что пишут о брожении, образовании банд и т. д. в Сербии или Черногории—ложь, распространяемая венгерской и еврейской печатью. Ты можешь себе представить, в каком затруднительном положении я бы очутился, если бы Австрия напала на одно из этих малых государств, [потому что] мне пришлось бы [выбирать], выдерживать борьбу *) между голосом моей совести и разгорячившимися страстями моего народа. Ты можешь мне оказать существенную помощь в деле устранения этой беды,—я обращаюсь к [твоей] нашей давнишней дружбе,—если ты дашь понять в Вене, что война там представляет о п а с н о с т ь д л я е в р о п е й с к о г о м и р а, —война будет избегнута. Прости за откровенность и горячность этих строк, но в эти переживаемые нами тяжкие дни, я, как истинный друг, счел своим долгом изложить тебе все мои взгляды и мысли.

119.

Письмо Вильгельма.

Губертусштокъ, 9/I 1909 г.

Милейший Ники.

От всей души благодарю тебя за твое милое письмо от 25 декабря,**) присланное мне с Татищевым. Я был очень рад

*) В подлиннике оставлены оба слова.

**) Несоответствие числа в письме Вильгельма с датой предыдущего письма Николая имеется в подлинниках.

слышать о тебе, и мы с женой благодарим тебя от всего сердца за твои добрые пожелания к новому году. Ты прав, говоря, что старый год был полон событий. Аннексия Боснии и Герцеговины была поистине сюрпризом для всех и особенно для нас, так как нас известили о намерениях Австрии даже позднее, чем тебя. Я считаю своим долгом обратить на это твое внимание потому, что Германию обвиняют в том, что она побудила Австрию предпринять этот шаг. Обвинение это нелепо и так же ложно, как то, которое имело место в случае с Санджакской железной дорогой*). Я был рад видеть из твоего письма, что русская публика начинает теперь это понимать.

Дело в том, что раз Австрия, не посоветовавшись предварительно с нами, предприняла такой шаг, то для нас не могло быть никаких сомнений в том, каким путем должны итти мы, ее верные союзники. Мы не могли присоединиться к ее противникам, и ты первый, конечно, одобришь такую лояльность с нашей стороны.

Но это еще не значит, что мы намерены изменить нашим дружественным отношениям к России. Более чем когда-либо я убежден, что Германия и Россия должны быть в возможно более тесном единении; союз их будет могучей опорой мира и монархических учреждений. Тебе известны мои взгляды касательно этого; лояльность и искренность моей дружбы я имел возможность доказать тебе на деле, когда в период бедствий, которые пришлось недавно пережить России, я принял на себя ради твоих интересов серьезную ответственность.

Высоко ценя дружеские отношения между нашими странами, я придаю особенно важное значение устранению всего, что могло бы повредить им. Ты не обидишься, надеюсь, если я скажу тебе совершенно откровенно, что я думаю по поводу этого. Недавно распространяли слухи, что мы обеспокоены и недовольны твоим соглашением с Англией по вопросу о центральной Азии **). Подобные же слухи носились по поводу посещения тебя дядей Берти в Ревеле [66]).

Все вздор! Мы прекрасно понимаем, что в настоящую минуту Россия должна избегать столкновения с Великобританией и что поэтому она теперь склонна сглаживать все, что могло бы возбудить споры.

Кроме того, ты ведь несколько раз формально заверял меня, что ни в какие соглашения более общего характера с Англией входить не будешь. Ты мне дал свое слово, чего же я могу еще желать? Мы так же, как и ты, очень стремимся

*) См. прим. 31.
**) См. прим. 62.

улучшить наши отношения с Англией. Я с удовольствием жду визита дяди Берти, который собирается приехать ко мне в Берлин в следующем месяце [67]), не только потому, что я рад видеть его и тетю Алису у себя, но и потому, что от этого визита я жду пользы для всеобщего мира.

Нет, дорогой Ники, ни твое соглашение с Англией о средней Азии, ни твое свидание в Ревеле не вызвали какого-либо неудовольствия или разочарования в Германии. Причина совсем иная. Теперь уже стало вполне ясно, что за последние два года русская политика постепенно все более и более отклонялась от нас, все теснее примыкая к комбинации держав, нам враждебных. Весь мир смотрит на Тройственное согласие между Францией, Россией и Англией, как на совершившийся факт. Английские и французские газеты не упускают случая, чтобы подчеркнуть, что это упомянутое Тройственное согласие направлено против Германии, и русская печать слишком часто вторит этому хору. Кроме того, за последнее время Россия в своей политике неоднократно обнаруживала недоверие к Германии, как, например, в Персии и Китае, недоверие, совершенно необоснованное. В других, представляющих для нас интерес вопросах, как, например, касательно Багдадской железной дороги, где мы полагали, что можем рассчитывать на Россию, она в своей политике от нас сторонится. Что же удивительного в том, что между нашими двумя странами возникло некоторое отчуждение?

Мне нечего уверять тебя, что все эти вопросы глубоко меня затрагивают, и я считаю своим долгом, пока не поздно, обратить твое внимание на действительное положение дел и на причины, к нему приведшие.

Стремление русской политики опереться на Англию и Францию проявилось особенно во время теперешнего кризиса. Твое правительство обратилось к моему по поводу Боснийского вопроса только после того, как программа предполагавшейся конференции была выработана и принята в Париже и Лондоне. Программа эта была опубликована во французской печати п р е ж д е, чем ее сообщили нам. Французские газеты так же, как и английские и русские, возликовали хором по поводу этого результата Тройственного согласия. Таково было положение дел, когда Извольский приехал в Берлин; поэтому моему правительству не оставалось ничего больше, как отнестись с величайшей сдержанностью ко многим важным пунктам, составляющим часть русских пожеланий. Мы не могли требовать от своей союзницы, чтобы она согласилась с программой, которую, как мы знали заранее, она откажется принять, оставляя уже совершенно в стороне то соображение, что программа эта была выработана без на-

шего участия; подобное устранение нас от участия в этом деле произвело на посторонних зрителей впечатление намеренной демонстрации. Если бы все это было сделано иначе, мы имели бы возможность посоветовать твоему правительству не поддерживать этой программы. Мы подали бы мысль о предварительных конфиденциальных переговорах между кабинетами; такие переговоры доставили бы нам не один случай оказать России ценные услуги. Если бы Россия во-время посоветовалась с нами, то дела не оказались бы в таком запутанном состоянии, в каком они находятся сейчас, и положение не было бы столь критическим. При настоящих обстоятельствах я прямо не знаю, чтобы я мог сделать, кроме как посоветовать обоим сторонам сдерживаться, что и уже сделал. В то же время я считаю своим долгом совершенно откровенно сказать тебе: мне кажется, что ты чересчур мрачно смотришь на намерения Австрии, и что опасения твои преувеличены. Здесь у нас нет ни малейшего сомнения в том, что Австрия не нападет на Сербию. Это было бы совсем не похоже на императора Франца-Иосифа: он мудрый, рассудительный и достойный уважения джентльмен. Не верим мы также и тому, чтобы Эренталь замышлял нечто подобное.

Конечно, мелкие Балканские государства должны быть рассудительны, лояльны, избегать каких бы то ни было вызывающих действий и перестать готовиться к войне. Эти мелкие государства—страшное зло! «Quantités négligeables»! (величины, с которыми не считаются). При малейшем поощрении с какой бы то ни было стороны они начинают неистовствовать. Речи, произнесенные 2-го в скупщине, произвели на меня своими революционными тенденциями очень скверное впечатление. Шесть лет тому назад весь мир смотрел на этот маленький народ с омерзением и ужасом, как на убийц своего короля [68]).

Я от всей души надеюсь, что, несмотря на многочисленные серьезные затруднения, удастся уладить дело мирным путем; конечно, все, что я могу сделать в этом направлении, будет сделано. Даю тебе в этом слово. Это письмо передаст тебе Гинце, который, надеюсь, найдет всех вас здоровыми и счастливыми. Еще раз шлю вам свои пожелания. Да пошлет вам бог мир, благоденствие и счастие в новом году.

Виктория и я шлем сердечный привет Алисе. Очень рад, что мои рождественские подарки понравились.

Всегда твой верный и преданный кузен и друг

Вилли.

120.

Письмо Николая.

12 января 1909 г.

Дорогой Вилли.

Эти строки ты получишь в день твоего рождения. Прошу тебя принять портсигар, а также мои сердечные и искренние пожелания здоровья и счастья; да будет над тобой благословение божье и да сохранит он тебя на благо твоей страны.

Горячо благодарю тебя за откровенное письмо, доставленное мне Гинце в день нашего нового года. Только таким путем и можно все выяснить. Прежде, чем ответить на серьезный вопрос, затронутый в твоем письме, мне придется вернуться к прошлому за несколько лет.

Уже с давних времен Балканский вопрос был самым сложным в Европе. Так как он ближе всего касался России и Австрии, мы заключили в 1897 г. договор, который в течение 10 лет оставался в силе и обеспечивал там мир. Россия добросовестно и строго выполняла связанные с ним обязательства. Нарушил его барон Эренталь, во-первых, проектом Санджакской железной дороги, а во-вторых, нанеся ему роковой удар аннексией—ты ведь знаешь каким образом. Удивительно ли, что подобный образ действий совершенно подорвал наше доверие к его политике? Если Европа оказалась разделенной на два лагеря, и в Германии упрекают Россию в том, что она на стороне противников, то чья это вина?

Я часто вспоминаю светлые августовские дни, проведенные в Свинемюнде; как все было спокойно. Мы с Австрией согласно работали на Балканах, Германия оказывала нашему сотрудничеству моральную поддержку. Я никогда ни на минуту не сомневаюсь в том, что Эренталь действовал по своему собственному почину. Но в результате—согласие Германии дано, и она безусловно поддерживает свою союзницу. Я это вполне понимаю. Я еще раз повторяю то, что я писал тебе в моем последнем письме; л и ш ь т ы о д и н в состоянии помочь нам всем, оказав дружеское воздействие на Вену в смысле смягчения курса их политики. Я глубоко уважаю императора. Все мое неудовольствие вызвано безрассудной политикой его министра. Она возбудила страхи и опасения маленьких государств. Они чуют угрозу со стороны Австрии как в политическом, так и в экономическом отношениях, и если только им не будет каким-нибудь образом гарантирована возможность естественного и свободного развития—мир не будет прочен на Балканах. Не забывай, что

они принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему национальное чувство России так всецело на их стороне. По отношению к Германии нет никакой враждебности, в этом ты легко можешь убедиться по той позиции, которую заняла Дума после речи Извольского [69]). Здесь все возмущены образом действий Эренталя, и это в связи с военными приготовлениями в Австрии возбуждает в нас крайнее беспокойство.

В твоем письме ты пишешь мне, что со времени возникновения новой «triple entente» (Тройственного согласия) Россия в своей политике постепенно удаляется от Германии, и что в некоторых случаях мы выказали вам совершенно необоснованное недоверие. Возможно, что это так, но зная подробности этих обстоятельств, я полагаю, что подобное недоверие было проявлено с обеих сторон. Извини меня за то, что я говорю тебе все это так прямо, но так как и ты был со мной откровенен, то я считаю своим долгом отвечать тебе тем же, как истинный друг. Если трения бывают между братьями и друзьями, то вполне естественно, что они могут возникнуть и между дружественными и даже союзными державами. Я еще раз заявляю, что мы не заключали и не имели в виду заключать с Англией более общего соглашения. Мы вполне удовлетворены существующими соглашениями, потому что они ограждают нас от всяких забот и затруднений вдоль нашей азиатской границы.

Я вполне с тобой согласен, что Россия и Германия должны быть в возможно более тесном единении. Всю свою жизнь я буду стараться укрепить узы, связывающие обе наши страны с давних времен. Можешь вполне рассчитывать на это *).

а) Первый вариант письма.

Дорогой Вилли.

Эти строки ты получишь в день твоего рождения. Прошу тебя принять портсигар, а также мои сердечные и искренние пожелания здоровья и счастья; да будет над тобой благословение божье и да сохранит он тебя на благо твоей страны.

Горячо благодарю тебя за откровенное письмо, доставленное Гинце в день нашего нового года. Только таким путем и можно все выяснить, Прежде чем ответить на серьезный вопрос, затронутый в твоем письме. мне придется вернуться к прошлому за несколько лет [к началу].

---

*) Вслед за письмом Николая от 12 января 1909 года прилагаются: а) первый вариант того же самого письма и б) материал к нему, составленный Извольским, хранящийся в Секр. Арх. [министра ин. дел, за 1909 год.

Балканский вопрос до сих пор является самым сложным в Европе. Так как он ближе всего касался России и Австрии, мы заключили в 1897 году договор, который в течение 10 лет оставался в силе и обеспечивал там мир. Россия добросовестно и строго выполняла связанные с ним обязательства, но бар. Эренталь нарушил его, во-первых, проектом Санджакской железной дороги, а, во-вторых, нанеся ему роковой удар аннексией, ты ведь знаешь, каким образом. Удивительно ли, что подобный образ действий совершенно подорвал наше доверие к его политике? Если Европа оказалась разделенной на два лагеря и в Германии упрекают Россию в том, что она на стороне противников. то чья эта вина?

Я часто вспоминаю светлые [июльские] августовские дни, проведенные в Свинемюнде; как все было спокойно. Мы с Австрией согласно работали на Балканах, Германия оказывала нашему сотрудничеству дипломатическую поддержку. Я никогда ни на минуту не сомневался в том, что Эренталь действовал по своему собственному почину. Но в результате [этого] одобрение [согласие] Германии дано, и она безусловно поддерживает свою союзницу. Я это вполне понимаю.

[Конечно, Россия очутилась в таком положении, после того, как остальные] другие державы стали смотреть на нее как на «quantité négligeable» (величину, с которой не считаются)]. Я еще раз повторяю то, что я писал тебе в моем последнем письме: *лишь ты один* в состоянии помочь нам всем, оказав дружеское воздействие на Вену в смысле смягчения [предпринятых шагов] курса их политики. Я глубоко уважаю императора; все мое неудовольствие вызвано безрасудной политикой его министра. Она возбудила страхи и опасения маленьких государств.

Не забывай, что они принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему они чуют угрозу со стороны Австрии, как в политическом, так и в экономическом отношениях,и если только им не будет каким-нибудь образом гарантирована возможность естественного и свободного развития—*мир* никогда не будет прочен на Балканах. Национальное чувство России всецело на их стороне. По отношению [против] к Германии нет никакой враждебности, в этом ты легко можешь убедиться по той позиции, которую заняла Дума после речи Извольского.

[То, что говорят и пишут некоторые наши газеты по поводу твоей страны—вздор]. Здесь все возмущены образом действий Эренталя, и это в связи с военными приготовлениями в Австрии возбуждает в нас крайнее беспокойство Что предпримет она дальше?

Все это очень осложняет мою задачу.

В твоем письме ты говоришь мне, что со времени возникновения новой «triple entente», Россия в своей политике постепенно удаляется от Германии. Ты говоришь, например, что в Персии и Китае, мы выказали совершенно необоснованное недоверие к германской политике. Я хорошо знаю подробности этих обстоятельств и принужден сказать, что, к сожалению, наше недоверие было вполне обосновано! Ввиду того, что вопрос о Багдадской железной дороге еще не разрешен и очень сложен, я предпочитаю его сейчас не затрагивать [потому что он мне не совсем ясен]. Извини меня за то, что говорю тебе все это так прямо, но так, как и ты был со мной откровенен, то я считаю своим долгом отвечать тебе тем же, как истинный друг. Если бывают трения между братьями и друзьями, то вполне естественно, что они могут возникнуть и между дружественными и даже союзными державами. Я еще раз повторяю, что мы не заключали и не имеем в виду заключать с Англией соглашения общего характера; мы вполне удовлетворены суще-

ствующими соглашениями, потому что они ограждают нас от всяких забот и затруднений вдоль нашей азиатской границы.

Я вполне с тобой согласен, что Россия и Германия должны быть в возможно более тесном единении.

Ты можешь на это рассчитывать, всю свою жизнь я буду стараться в этом направлении.

б) Материал для письма, составленный А. П. Извольским *).

Россия во все времена признавала, что единственный путь к *мирному* разрешению Балканского вопроса состоит в соглашении с Австро-Венгрией; именно из этого убеждения вытекали наши различные попытки установить *прочное* соглашение с венским кабинетом. Достаточно вспомнить о конвенциях 1881 и 1884 г.г. [70]) (между тремя императорами) и о соглашении 1897 г.;однако в то время, как Россия соблюдала эти договоры с полной и безупречной лояльностью, Австро-Венгрия своею лицемерною политикою каждый раз делала невозможным их дальнейшее существование. Так, конвенция 1884 г. не была возобновлена вследствие действий австро-венгерской дипломатии в Болгарии. Соглашение 1897 г., которым в течение десяти лет поддерживался мир на Балканах, и которым российское правительство дорожило более, чем кто-либо, только что получило от барона Эренталя последовательно два жестоких удара: Санджакскую железную дорогу и аннексию Боснии и Герцеговины. Разве не естественно для России потерять всякое доверие к австро-венгерской политике и с тревогою смотреть на дальнейшее ее развитие? Вооружения Австро-Венгрии, язык ее печати, поистине беспримерные поступки барона Эренталя по отношению к нам (сообщение конфиденциальных документов третьей стороне и угрозы разоблачениями), все это разве не способно внушить нам серьезные опасения? Если Европа представляется ныне разделенною на два лагеря, и если в Германии нас упрекают в том, что в связи с современным кризисом мы оказываемся на стороне ее противников, то кого следует в этом винить? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно сослаться на события, которые последовали за свиданием двух императоров в Свинемюнде. Ко времени этого свидания, казалось бы, все шло, как должно. Между нами и Австро-Венгрией господствовало полное согласие касательно балканских дел, и Германия обещала этому согласию всю свою моральную и дипломатическую поддержку. Это положение вещей было нарушено бароном Эренталем, который внезапно покинул нас и за нашей спиной сговорился с Турцией о Санджакской железной дороге. Несмотря на этот тяжкий удар, нанесенный нашим отношениям с Австро-Венгрией, мы сделали все возможное, чтобы восстановить соглашение, и с этою целью г. Извольский виделся нынешним летом с бароном Эренталем; когда последний заявил ему, впрочем, в неопределенной форме о своем намерении приступить к аннексии, мы стали изыскивать все средства для разрешения этого важного вопроса мирным путем.

---

*) Документ воспроизводится с подлинника материала Извольского, переписанного на машинке на французском языке, и на котором имеется обычный знак—пометка карандашем Н. Романова; на черновике материала, написанном рукою Извольского, тождественном с подлинником, имеются надписи Извольского: «Материал для письма государя к императору германскому», и «Послано его величеству 9 января 1909 г.»

Тут положение опять осложнилось недобросовестным поведением барона Эренталя, начавшего действовать, не дожидаясь ответа, который должен был поступить из Петербурга, и предупредившего нас всего лишь за двадцать четыре часа, а также не принявшего в расчет оговорок, нами определенно формулированных; это не помешало ему заявить, что аннексия совершена с согласия России.

Мы совершенно уверены, что как в одном, так и в другом случае барон Эренталь действовал по собственной инициативе, не будучи побуждаем к этому Германией; тем не менее, его политика получила post factum полное одобрение и безусловную поддержку Германии. Мы вполне понимаем ту необходимость, которая принудила Германию отнестись таким образом; но, с другой стороны, и в Берлине поймут, что такая солидарность автоматически отбросила нас в лагерь ее противников. Мы ясно отдаем себе отчет в опасности этого положения, которое, разумеется, было создано не по нашей вине, и вся ответственность за которое лежит на рискованной политике барона Эренталя. Эта политика ни для кого не полезна, и еще вопрос, уравновешивается ли состояние общей тревоги, порожденное ею в Европе, теми выгодами, которые она доставила Австро-Венгерской империи.

Ясно, что одна лишь Германия могла бы положить конец этому опасному положению, пустивши в ход свое влияние в Вене в пользу более умеренной и прямодушной политики. Действия Австро-Венгрии глубоко взволновали умы балканских народностей; Россия сделала, что могла, чтобы успокоить и склонить к благоразумию Сербию и Черногорию. Но если желательно водворить на Балканах прочный мир, то необходимо дать справедливое удовлетворение интересам этих двух государств, которые чувствуют со стороны Австрии угрозу своей политической и экономической независимости. Следует также принять в соображение национальное чувство России. Это чувство ничуть не враждебно Германии, что доказывает прием, который встретила в Думе речь г. Извольского; но оно было сильно задето действиями барона Эренталя. Если после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрия перейдет к насилиям против Сербии и Черногории, то это может вызвать у нас взрыв, который был бы опасен для сохранения общего мира.

121.

Телеграмма Николая *).

В Берлин.

Последнее предложение князя Бюлова, переданное нам через Пурталеса, выражает, повидимому, желание Германии найти мирный исход из настоящего затруднительного положения. Я этому сердечно рад и предписал Извольскому проявить полную готовность итти ему навстречу. Надеюсь, что

*) Подлинник отпечатан на машинке и представляет точную копию с документа Секр. Арх. министра, написанного рукою Извольского с пометками: 1) «Послано государю императору в марте 1909 г.» 2) «Материал для письма государя императору Вильгельму.» На подлиннике пометка И. Романова: «Зашифровать и отправить эту телеграмму императору германскому.» Подпись поставлена карандашем рукою Николая. При телеграмме имеется записка флигель-адъютанта кн. Орлова 2-го о том, что телеграмма отправлена 9 марта 1909 года в 3 ч. 35 м. пополуночи.

благодаря твоей сильной поддержке и твоему влиянию в Вене, нам удастся благополучно уладить это осложнение. Мы делаем и сделаем все от нас зависящее, чтобы успокоить Сербию, но Эренталь, с своей стороны, должен говорить в более примирительном тоне. В твоем письме от 9-го января ты выражал сомнение в том, чтобы он мог таить замысел напасть на Сербию. Теперь, однако, мы слышим из Вены, что и он и Эстергази оба желают войны. Я не могу понять, что может выиграть Австрия при таком исходе; уничтожение Сербии не прибавит ей лавров, а материальных выгод принесет еще меньше. С другой стороны, если бы нам даже удалось локализировать войну, что будет нелегко, ввиду возбуждения, которое она вызовет в моем народе и в других местах, то последствием ее было бы нарушение status quo на Балканах, а следовательно, наступление эры всеобщей тревоги и волнений в Европе. Во всяком случае, исчезнет всякая возможность какого-либо согласия между Россией и Австрией в будущем. Ты знаешь, что я всегда был за согласие, и что Эренталь разрушил его своей авантюристской политикой. Я еще раз обращаюсь к тебе в надежде, что ты еще в состоянии удержать его от дальнейших пагубных ошибок. Окончательное отчуждение между Россией и Австрией безусловно повлияет также на наши отношения с Германией, и мне не нужно повторять тебе, как глубоко это меня огорчило бы. Я так же твердо убежден, как и ты, в том, что Россия и Германия должны сплотиться как можно теснее и образовать оплот для поддержки мира и монархических учреждений. Бог да поможет нам обоим привести настоящий кризис к быстрому и мирному разрешению.

Ники.

122.

Телеграмма Вильгельма.

Очень благодарен за твою телеграмму, на которую я не имел возможности ответить раньше из-за колебаний международной политики.

Я очень доволен, что ты рассматриваешь сделанное моим послом твоему правительству предложение, как выражение моего желания быть мирным посредником. Я рад слышать, что ты отдал распоряжение твоему правительству его принять. Я верю, что этим предположением мы сделали значительный шаг в направлении к ликвидации кризиса.

Сожалею, что дела в Сербии изменились с тех пор, как я писал тебе 9 января, ибо сербское правительство вопреки добрым советам твоего правительства принимало все более и

более вызывающую позицию. Я убежден, что даже сегодня правительство императора Франца-Иосифа хочет избежать принятия военных мер против Сербии, но я боюсь, что Австрия, в конце концов, будет вынуждена сделать это благодаря угрожающему поведению Сербии.

Ни одна великая держава не может допустить, чтобы ей угрожали революционными заговорами вблизи ее границы, как продолжает позволять себе Сербия по отношению к Австрии.

Вследствие этого я бессилен оказать какое-либо давление на венское правительство.

Ты знаешь, что я всегда занимал дружественную позицию по отношению к твоей стране и твоему правительству и помогал тебе во время японской войны моим торговым флотом, так что чуть не довел свою страну до войны. Кроме того, ты знаешь, что мое правительство всегда было готово помогать твоему правительству в борьбе с революционным движением, и делалось это так энергично, что нам пришлось встретиться по этому поводу с упреками и нападками в нашей собственной стране и даже в парламенте.

Я всегда буду поддерживать дружественные чувства к твоей стране и буду всегда рад, если отношение твоего правительства, как это было в случае с его последним ответом, поможет мне согласовать политику моей страны с дружбой, которую я питаю к тебе.

Верю, что дела в Сербии не отразятся на нашей дружбе и не нарушат твоих отношений с императором Францем-Иосифом, даже если бы Австрия вопреки своей воле и была вынуждена принять военные меры.

Да исполнится твое желание, которое я всем сердцем разделяю, довести с божьей помощью настоящий кризис до скорого и мирного для нас разрешения.

Искренний привет Алисе и мальчику

Вилли.

Из Нового Дворца, 14/27 марта 1909, в 5 ч. 46 мин. по полудни.

123.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 3/IV 1909 г.

Милейший Ники.

Прошу тебя принять для себя и для дорогой Алисы пасхальные яйца в знак моей неизменной любви и дружбы. Одно с греческим портиком и фонтаном изображает часть Шар-

лоттенгофа, представляющего копию с садов Петергофа— это для Алисы. Круглый храм—это «храм дружбы», построенный Фридрихом Великим в парке Sans Souci и посвященный всем великим историческим людям, нерушимо до смерти хранившим свою дружбу или умершим за нее. Пусть это послужит для тебя символом наших взаимных отношений, как я их понимаю. Приближается пасха, и я хочу еще раз от всей души поблагодарить тебя за то, что ты так честно и благородно шел по пути сохранения мира. Благодаря твоему самоотверженному и возвышенному почину, Европа избежала ужасов всемирной войны, а святая неделя осталась незапятнанной человеческой кровью, которая была бы пролита. Ты можешь встретить пасху, полный гордого сознания, что повсюду в Европе тысячи семейств на коленях благодарят господа за мир и призывают на тебя его благословенье. Я собираюсь после пасхи поехать через Венецию на Корфу. Как бы мне хотелось показать тебе это прелестное местечко, маленький земной рай! Никаких туристов, и очень легко достигнуть его прямо с моря. Счастливой пасхи и лучшие пожелания Алисе и мальчику.

P. S. На обратном пути, я, вероятно, заеду к дяде Артуру на Мальту. Всегда твой преданный друг

Вилли.

124.

Письмо Вильгельма.

Корфу, 8/V 1909 г.

Милейший Ники.

Гинце возвращается ко дню твоего рождения, и я с радостью пользуюсь случаем послать тебе эти строки. От всего сердца желаю тебе еще много раз счастливо встречать этот день. Да благословит и да хранит небо тебя, твою жену и детей. Да будут успешны твои труды на пользу твоему государству и на благо твоему народу.

Несколько недель тому назад, когда дела грозили принять опасный оборот, твое мудрое и мужественное решение обеспечило мир всем народам. Мне было очень приятно, что мое сотрудничество и помощь дали тебе возможность выполнить твою задачу.

Я, конечно, ожидал, что мы с тобой вызовем всеобщее одобрение, и смею думать, что мы заслужили признательность всех благомыслящих людей. Но, к моему сожалению и изумлению, многие, наоборот, порицают нас обоих. Особенно низко вела себя вся пресса по отношению ко мне. Некоторые газеты видят во мне автора аннексии и, помимо прочего вздора

и бессмыслицы, обвиняют меня в том, что я унизил Россию моим предложением мира! Ты, конечно, знаешь, что это не так. Однако надо иметь в виду, что общественное мнение создается, главным образом, газетами. Некоторые из них заблуждаются по невежеству и по отсутствию верной информации; они едва ли видят дальше своего носа. Но опаснее и вместе с тем и отвратительнее та часть прессы, которая пишет то, за что ей платят. Мерзавцы, занимающиеся этим грязным делом, не рискуют умереть с голода. Они всегда будут продолжать разжигать неприязнь между народами и, когда своими адскими ухищрениями приведут, наконец, к столь желанному столкновению, то спокойно усядутся и будут созерцать устроенную ими бойню в полной уверенности, что свою выгоду они извлекут, каков бы ни был исход. Таким образом, в 99 случаях из ста, то, что в просторечии называется «общественным мнением», есть не более, как подлог.

Мы, монархи, ответственны перед богом за благополучие народов, врученных нашим заботам, и обязаны поэтому внимательно изучить происхождение и развитие «общественного мнения», прежде чем допустить, чтобы оно влияло на наши действия. Если мы убеждаемся в том, что оно берет начало из мутного и грязного источника вышеупомянутой подлой прессы, то долг повелевает нам энергично исправлять его и бороться с ним. Лично я вполне равнодушен к газетным сплетням, но не могу подавить некоторого чувства тревоги при мысли, что, не встретив немедленного возражения, эти грязные и злостные выдумки о моей политике и моем государстве, постоянно повторяясь и оставаясь неопровергнутыми, беспрепятственно распространяемые, вызовут некоторое чувство горечи между нашими двумя народами. Общественное мнение нуждается в ясной информации и в руководстве.

Отправляясь на Корфу, я рассчитывал на спокойные праздники. Но, увы, то не было суждено! В Константинополе разразилась еще революция! [71]) Видно, нам, бедным правителям, не дано пользоваться каникулами, как простым смертным. Волнения на Востоке очень встревожили меня тогда, тревожат и теперь. Восток—настоящий кошмар, «une boîte à surprises» (коробка с сюрпризами). Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты написал мне, каково твое мнение вообще о положении дел в Турции. Обмен мнений между нами настоятельно необходим, иначе новые события захватят нас врасплох.

Явным доказательством абсолютной необходимости такового служат события последнего полугодия; они ясно показывают, что было бы в высшей степени полезно, если бы мы сносились друг с другом с момента начала кризиса. Если

мы с тобой соединимся в честном и открытом сотрудничестве во имя сохранения мира—чего я от всей души желаю—то я вполне убежден, что мир не только будет поддержан, но даже и не поколеблется. Нет и тени сомнения в том, что мир является гарантией жизненных интересов, безопасности и благополучия как наших народов, так и наших династий.

Прошу тебя принять ко дню твоего рождения акварельный набросок одного искусного здешнего живописца, изображающий «Ахиллейон», если смотреть на него из оливковой рощицы у подошвы холма. Мы здесь прелестно проводили время под синим небом, среди южных ароматов и массы чудесных цветов, почти целый день на воздухе, сидя на мраморной террасе в тени прекрасных пальм. Надеюсь, что когда-нибудь, когда тебе случится кататься на яхте по Средиземному морю, мне удастся показать тебе этот рай. Мы сделали много очаровательных экскурсий в автомобилях, устраивая в окрестностях пикники, поистине восхитительные. Остров этот прелестен, а народ на нем смирен, прост и очень вежлив, и никаких туристов! Сегодня мы с тяжелым сердцем едем домой через Мальту, Бриндизи, Полу. Мы часто проводили время с королем и королевой, и я имел великое удовольствие очень часто видеть мою сестру.

Ну, прощай, милейший Ники, сердечный привет Алисе и детям, особенно моему мальчику; да благословит и да сохранит вас бог. Надеюсь, au revoir (до свидания) и верь, что я всегда останусь твоим горячо любящим и преданным другом и кузеном

Вилли.

125.

Телеграмма Вильгельма.

Очень благодарен за милое письмо. Чрезвычайно счастлив возможностью повидаться с тобой. Мое участие в торжествах, обедах и т. д., связанных с Кильской неделей, кончается в Любеке (вечер, даваемый городом) 5-го числа нового стиля. 6-го уезжаю в Засниц, где предстоит встреча с шведским королем и открытие новой Засниц-Треллеборгской железной дороги. Поэтому я не могу добраться до твоей стоянки прежде 8 июля, когда ты уезжаешь в Полтаву. Капитан фон Гинце только что телеграфирует, что тебе было бы удобно 21 августа по возвращении твоем из путешествия; итак, я предложил бы навестить тебя в этот день, если это тебя устраивает. Я выеду из Вильгельмсхее, где буду проводить август месяц. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Из Нового Дворца, 11/24 мая 1909 г. 6 ч. 35 мин. вечера.

126.

Телеграмма Николая.

Шифром: *В Новый Дворец*

Гинце не понял. Август нам очень неудобен ввиду лагерей. Не приедешь ли ты к месту нашей стоянки между 17 и 22 июня нов. го стиля перед начал м нашег о путешествия. Надеюсь, это тебе удобно. Сердечный привет от Алисы.

Ники.

127.

Телеграмма Вильгельма.

Очень жалею, что Гинце сделал ошибку. Приеду, согласно любезно выраженному тобой желанию, утром 17-го июня нового стиля. Очень счастлив так скоро повидать тебя вновь. Очень благодарю за милое письмо.

Привет всем. *Вилли.*

Из Нового Дворца 26/13 мая 1909 г. 12 ч. 30 мин. дня.

128.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 20/X 1909 г.

Милейший Ники.

Так как Татищев уезжает из Берлина, чтобы сопутствовать тебе при твоем проезде через Германию, то я пользуюсь случаем послать тебе привет. От души желаю, чтобы путешествие доставило тебе удовольствие, а твое пребывание в Италии было приятно и скрашено такой же хорошей погодой, какая стоит у нас. Наши маневры прошли очень хорошо и дали прекрасные результаты, как он тебе об этом, вероятно, уже доложил. Дисциплина и способность к переходам пехоты оказались исключительными и блестящими. Местность была интересная, но очень трудная: очень холмистая и частью покрытая лесом. Походные кухни, скопированные с твоих образцов, оказались очень практичными и были широко использованы! Волнующим моментом для зрителей последнего дня маневров было появление воздушного корабля Цеппелина в сопровождении военного аэроплана, который маневрировал вокруг первого.

Мое пребывание на охоте в Роминтене ознаменовалось такою исключительно прекрасною летнею погодою, какою

мы не наслаждались уже давно. Я убил 21 оленя, в том числе 6 первоклассных. Госпиталь св. Иоанна, построенный мною в пограничном городке Шиткемене (напротив Выштынца) оказался очень полезным, и, осматривая его, я видел несколько русских пациентов, которым мы имели возможность помочь. Я был рад узнать, что вновь оборудованный рентгеновский кабинет, пожертвованный мной госпиталю, привлекает большое число русских больных, являющихся, чтобы их «просвечивали», и что мы приносим большую пользу. Ты был так добр, что прислал денег со Стремоуховым, Сувалкским губернатором, который имел любезность приехать и осмотреть госпиталь, за что прошу тебя принять мою горячую благодарность. По моему приглашению, он побывал в Роминтене и обедал с нами; это очень милый, спокойный и приятный человек, поддерживающий «Gute Nachbarschaft» (добрососедские отношения) со своими заграничными прусскими коллегами, которые состоят «en rapport» (в сношениях) с ним. Я думаю, тебе приятно будет узнать, какой у тебя дельный и хороший представитель на этой границе, которую я регулярно посещаю, и как все мои люди его уважают. Два дня тому назад моя дочь *) конфирмовалась в Фриденскирхе; приятно было видеть, каким молодцом она выдержала испытание, состоявшее в том, что ей нужно было вслух прочесть свое исповедание веры перед всею общиною. Все были глубоко тронуты, а я очень гордился ею, потому что она проявила такую глубину чувства, такое серьезное отношение к вопросам жизни и религии, что произвела глубокое впечатление на собравшееся духовенство; тем более, что она писала это совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи. Все еще стоит дивное лето, розы в полном цвету, и цветники так же пестры, как в августе! Прилагаемая карточка в точности передает освещение нынешнего вечера.

Пожелав тебе всего наилучшего, прошу тебя, милый Ники, всегда считать меня твоим самым преданным кузеном и другом

Вилли.

129.

Письмо Вильгельма.

Берлин. 11/1 1910 г.

Милейший Ники.

Очень благодарю тебя за привезенное мне Генрихом твое милое письмо с фотографиями, которые мне очень понрави-

*) Виктория-Луиза.

лись. Что за прекрасная у тебя явилась мысль промаршировать два часа в солдатском снаряжении и на себе испытать, каково нести такой груз в походе. Я очень рад узнать, что ты остался доволен внешностью и поведением моих депутаций на похоронах бедного дяди Миши. Очень благодарю за ласковый прием, который ты им оказал. Они были очень благодарны за разрешение нести караул у его гроба.

Генрих в точности повторил мне все, что ты поручил передать мне. Я вполне разделяю твои взгляды. Вполне понимаю, что твое внимание поглощено ходом событий на Дальнем Востоке [72]).

Сделанное ему сообщение о твоем решении удалить с нашей границы 4 армейских корпуса доставило мне большое удовлетворение. Последнее было тем сильнее, что Генрих рассказал мне, как, говоря об этом, ты в самых сердечных выражениях упомянул о традиционной дружбе между нашими двумя государствами и о возникшем сто лет тому назад братстве их по оружию. Ты хорошо знаешь, как я всегда принимал и буду принимать к сердцу эти священные отношения, и мне нечего говорить тебе, как глубоко я признателен за твои добрые и трогательные слова.

Надеясь, что это письмо дойдет до тебя в день нового года, пользуюсь этим случаем, чтобы повторить тебе и Алисе наилучшие пожелания всем вам.

Надеюсь вновь иметь вести от тебя, как только ты найдешь возможным окончательно назначить день нашей встречи в германских водах. Генрих намекнул, что, по его мнению, для тебя удобнее всего было бы начало августа во время твоего и моего возвращения из Норвегии. Какое удовольствие доставляет мне мысль, что я вновь увижу тебя, милый Ники! Сердечный привет Алисе и детям, особенно мальчику. Всегда верный и преданный друг и кузен

Вилли.

130.

Письмо Вильгельма *).

Новый Дворец.

Милейший Ники.

Позволь мне поговорить с тобой конфиденциально о деле, весьма для меня важном.

Это вопрос о том, не пожелаешь ли ты, быть может, чтобы адъютант, который имеет честь быть отсюда прикоман-

*) Подлинник даты не имеет; повидимому, письмо написано осенью 1910 года после свидания Вильгельма с Николаем в Потсдаме.

дированным к твоей особе, был заменен другим лицом. Так как при наших прежних свиданиях ты всегда говорил, что очень высоко ценишь качества капитана Гинце, и что он пользуется твоим полным доверием, то я не желаю ничего предпринимать, не выслушав твоего мнения, и не хочу действовать без твоего одобрения.

Пожалуйста, выскажи мне откровенно и не стесняясь, что ты думаешь об этом. Если ты сочтешь желательным, чтобы я сменил Гинце, то я сначала снесусь с тобою касательно выбора его заместителя.

В этом отношении для меня в высшей степени важно твое желание, так как я считаю абсолютно необходимым, чтобы офицер, прикомандированный мною к твоей особе, пользовался твоим полным доверием.

Рад слышать от канцлера *), что он имел удовлетворительный обмен мнений с Сазоновым о различных вопросах, которые могут быть разрешены ко взаимному удовольствию.

Мы все еще вспоминаем ваш любезный приезд сюда [73]) и надеемся, что обратный путь не слишком утомил Алису.

Сердечный привет ей и детям от твоего преданного кузена и друга

Вилли.

131.

Телеграмма Николая.

Твой запрос относительно Гинце дает мне возможность ответить на него так же откровенно и конфиденциально, как ты мне его задал. За последние 18 месяцев я заметил и почувствовал, что с этим человеком произошла перемена. Он меня избегает, никогда не смотрит мне в глаза, а когда мне удается говорить с ним, дает мне короткие ответы. Он, безусловно, [был] не тот Гинце, которого я знал раньше. Точно такое же мнение я слышал от его старых друзей, генералов моей свиты. Каковы причины этой перемены, я не знаю, но должен признать, что при таких условиях лучше было бы заменить его кем-нибудь другим из твоих адъютантов.

Я тебе очень благодарен за то, что ты взял на себя инициативу разрешения столь щекотливого вопроса и надеюсь, что это останется между нами.

---

*) Бетман-Гольвега.

132.

Письмо Вильгельма.

Новый Дворец, 24/XII 1910 г.

Милейший Ники.

Очень тебе благодарен за откровенный ответ касательно Гинце. К моему большому сожалению, вижу из твоего письма, что он уже не пользуется твоим доверием; поэтому я решил отозвать его.

На его место я предложил бы послать генерал-майора моей свиты фон-Лауенштейна, командующего в настоящий момент пехотной бригадой в Ганновере. До этого он был моим личным адъютантом. Ты, вероятно, помнишь его еще с тех пор, как он был военным атташе в С.-Петербурге; он также имел честь сопровождать твою армию на войну и, как я слышал, пользовался большой популярностью среди твоих офицеров. Весьма способный к военному делу, он заслуживает доверия, и на него можно вполне положиться. Он пишет превосходным немецким языком и был последовательно членом трех комиссий, занимавшихся пересмотром уставов нашей инфантерии, артиллерии и кавалерии; всеми тремя уставами мы обязаны его перу.

Я питаю к нему неограниченное доверие и жду твоего ответа в надежде на то, что ты одобришь мое предложение.

На днях со мной завтракал Остен-Сакен. Его здоровье, повидимому, превосходно, и он был очень в духе. Я так рад, что ты дал ему орден св. Андрея; я очень ценю твое дружественное и сочувственное упоминание об отношениях между нашими государствами в письме, написанном тобою милому старику по этому случаю.

Я получил несколько прелестных карточек Алисы с детьми, снятых группою; пожалуйста, поблагодари ее за них от меня. Посылаю тебе охотничий нож, а Алисе—салатник для закусочного стола, сделанный на моей майоликовой фабрике и оправленный в серебро в Дрездене.

С наилучшими пожеланиями счастия и процветания в новом году,—да будет он годом мира,—и с сердечным приветом Алисе и детям, остаюсь твоим всегда преданным другом и кузеном

Вилли.

133.

Письмо Вильгельма.

Корфу, 21/IV 1911 г.

Милейший Ники.

Так как приближается ваша пасха, я прошу разрешения выразить тебе в этих строках мои горячие пожелания по поводу этого праздника. Это—такие дни, когда человек обыкновенно оглядывается на свои поступки и мысли, прежде чем итти к причастию, после которого возвращается к обычной жизни с обновленной решимостью и с более твердыми убеждениями. К последним я причисляю наши с тобой отношения и нашу крепкую взаимную дружбу, так счастливо закрепленную в Вольфсгартене и в Потсдаме. Можешь всегда рассчитывать на меня и на мою верность тебе, твоей семье и твоему отечеству.

Мы чудесно проводим здесь время среди цветов, ароматов, небесной синевы и солнечного блеска. Только на прошлой неделе было холодно и дождливо. При случайных раскопках, произведенных ради опыта, мы были очень удивлены и заинтересованы неожиданным открытием гигантских изваяний, принадлежащих, кажется, к античному храму, относящемуся к VI или VII столетию до Р. Х. Я несколько дней жарился на солнце, наблюдая за появлением различных предметов из этого храма, что было очень увлекательно и заняло бы тебя чрезвычайно.

Вкладываю в это письмо несколько снимков с нашего дома и сада со статуей Ахилла, которую я велел поставить на террасе. Сверх того прилагаю статью, недавно появившуюся в германской печати и написанную английским политиком, близким другом дяди Берти, с целью внушить немцам лучшее мнение о дядиной политике, чем они имеют теперь. Имя его неизвестно. Как ты сам увидишь, поразительно, что наибольшую тревогу за будущее Англии внушала дяде возможность более тесной дружбы между тремя империями (Германией, Россией и Австрией), казавшаяся ему опасной для Англии, и которой он поэтому старался воспрепятствовать всеми доступными ему средствами. Вот объяснение постоянно употребляемого в английской печати выражения: «равновесие сил в Европе» т.-е.: держать трех императоров разъединенными, иначе мы пропали, потому что вокруг них сгруппировалась бы вся Европа, а это противно английским интересам.

По приглашению Джорджи я поеду в Лондон к открытию бабушкиного *) памятника, и там надеюсь побольше узнать об этом.

С сердечным приветом Алисе и всем, остаюсь твой всегда преданнейший кузен и друг

Вилли.

134.

Письмо Вильгельма.

Вильгельмсхее, 8/VIII 1911 г.

Милейший Ники.

К сожалению, я опять принужден обратиться к тебе с просьбою касательно генерала фон-Лауенштейна, который имеет честь состоять при твоей августейшей особе. Когда с твоего одобрения я избрал его на этот пост, он немедленно обратил мое внимание на то, что жена его очень слабого здоровья. Я знаю ее лично, и это обстоятельство мне известно. Однако я убедил его принять назначение, потому что ты так благосклонно отозвался мне о нем.

Теперь у нее только что родился третий ребенок, и это так подорвало ее здоровье, что, по мнению всех врачей, она не может вынести петербургского климата. Поэтому Лауенштейн возобновил свое ходатайство о разрешении оставить свой пост. Я с сожалением согласился, понимая, что невозможно требовать от него, чтобы он постоянно жил в разлуке с семьей.

Я уверен, что ты одобришь мое решение, основанное на столь серьезных соображениях.

В качестве его заместителя я предлагаю послать генерал-лейтенанта моей свиты, Дона-Шлобиттена, командующего в настоящий момент гвардейской кавалерийской дивизией. Ты помнишь, я полагаю, что я представил его тебе в твой последний приезд в Потсдам, о котором у нас сохранились столь приятные воспоминания. Тогда он собирался сопровождать моего сына **) в Индию и находился бы при его штабе во время его пребывания в Царском, если бы это путешествие совершилось согласно первоначальному маршруту.

Дона—самый настоящий кавалерист—фронтовой солдат, первоклассный наездник, страстный ездок и спортсмен, и до мозга костей светский человек. Он был популярен всегда и везде, во всех своих разнообразных должностях в качестве капитана в 1-ом драгунском гвардейском полку, затем как

*) Виктории-Александрины.
**) Фридриха-Вильгельма.

полковник моих гвардейских гусар, позднее как бригадир, и, наконец, как командир гвардейской кавалерийской дивизии. Last not least (последнее, но не наименее важное)— в Индии он приобрел уважение и симпатию всех офицеров, так что главнокомандующий тамошними силами пригласил его на коронационный «дурбар», [74]) для чего я дал ему отпуск. Надеюсь, что по возвращении он будет в состоянии дать тебе живое описание этих исключительных празднеств и их несравненного восточного великолепия. Жена его очень красива, очень общительна и моя старинная давнишняя приятельница. Она занимает прекрасное положение в Берлинских придворных кругах.

Дона пользуется моим полным доверием, и надеюсь, что мой выбор будет тобой одобрен. Мы глубоко огорчены внезапной и безвременной кончиной бедного Кнезебека. Он 11 лет был личным секретарем моей бабушки *), и 21 год секретарем моей жены! Честный и верный друг, пользовавшийся нашим доверием и истинный джентльмен! Сердечный привет Алисе и детям (что-то делает железная дорога?).

Верь мне, милейший Ники, что я всегда твой преданный друг и кузен

Вилли.

135.

Письмо Вильгельма *).

Новый Дворец, 12/I 1912 г.

Милейший Ники.

Это письмо передаст тебе генерал граф Дона, только что вернувшийся из Индии. Он был на «дурбаре» и живо может описать тебе те пышные и великолепные зрелища, которых был свидетелем. Надеюсь, что его жена, которая уже несколько месяцев живет в Петербурге, устраивая квартиру к возвращению супруга, будет настолько же приятна тебе и твоему двору, как и он. В своих письмах она выражает большое удовольствие по поводу радушного приема, оказанного ей всем обществом. Так как он только что приехал из-под тропиков, и контраст с вашим климатом, при котором часто бывает двадцать градусов мороза, будет слишком резок, то прошу тебя отнестись к нему снисходительно, когда

*) Луизы-Августы.

**) В подлиннике письмо ошибочно датировано 1911 годом, что видно из предыдущего письма. Кроме того упоминаемый «коронационный дурбар» происходил в первых числах декабря 1911 года по случаю провозглашения Георга V императором Индии.

в программах будут значиться церемонии под открытым небом; тем более, что он очень худ. Так как он еще и лыс, то я посоветовал ему теплый парик для «водосвятия». Реши сам, какого он должен быть цвета.

Еще раз шлю тебе мои искреннейшие пожелания счастливого нового года, присоединяясь к твоим надеждам и молитвам, чтобы небо даровало нам мир; я хорошо знаю, что в этом пункте наши чувства сходятся вполне ради блага наших государств. Надеюсь, что рождественский сочельник прошел благополучно, и что с моими подарками не случилось ничего дурного; особенно надеюсь, что маленькие «tummies» не окажутся плохими оттого, что их пекли дома.

В порядке ли прошлогодняя электрическая дорога? Я с большим огорчением узнал о смерти бедного генерала Струкова; это был превосходный человек, старый мой знакомый, весьма мною ценимый, и нелицемерный друг.

Пожелав всего наилучшего также Алисе и детям, от которых я получил через Ольгу такую милую телеграмму, остаюсь всегда твоим горячо любящим другом и кузеном

Вилли.

136.

Письмо Вильгельма.

Роминтен, 3/X 1912 г.

Милейший Ники.

Разреши мне обратить твое внимание на план, который занимает мои мысли уже несколько лет и которым я желал бы заинтересовать и тебя. Во время моего неоднократного пребывания в Роминтене я в подробностях изучил вопрос о развитии пограничных областей по обе стороны моего владения, и пришел к выводу, что они обещают многое в будущем. Но им необходимо открыть пути, и, если возможно, установить между ними сношения. На прилагаемой железнодорожной карте проведена красная черта; это—новая железная дорога, которая пойдет вокруг больших Роминтенских лесов для того, чтобы облегчить вывоз; она идет от Гольдапа через Паблиндзен в Шиткемен, где соединяется с ветвью на Эйдкунен. Эта линия откроет доступ к камню и гравию здешних каменоломен и копей и вывезет много лесных материалов из Роминтенского леса. Я предлагаю твоему вниманию следующую мысль: не будет ли практично со стороны твоего правительства провести линию от Сувалок до Паблиндзена и там соединить ее с нашей [75]). Это хорошо развило бы торговые сношения между обеими областями. Паблиндзен и так уже

является центром очень оживленного движения в ту и другую сторону, обещающего значительно усилиться в случае проведения дороги. Этот план уже давно обсуждался мною с твоими властями, и особенно много я беседовал о нем с г. Стремоуховым, который очень им заинтересовался и признал осуществление его весьма нужным и полезным для Сувалкской губернии. Он обещал мне, что доложит тебе в благоприятном смысле об этом проекте и уже готовился принять деятельное участие в приведении его в исполнение, когда был отозван с своего поста, так что все кончилось ничем. Это очень жаль, так как пограничные жители очень заинтересованы этим вопросом, а он был хорошо знаком с ним во всех подробностях, касающихся местностей, лежащих по обе стороны границы, и находился в постоянных «rapport» (сношениях) с моими здешними властями. Теперь все приостановилось, так как его заместитель еще не сделал ни шага, чтобы войти в сношения со своими заграничными коллегами, хотя состоит в должности уже два года. Поэтому народ со всех сторон просит меня обратиться с этим делом прямо к тебе. Я это и сделал. Пожалуйста, прости, что беспокою тебя таким мелким и ничтожным пограничным делом; но, прожив 24 года с этими людьми, я сжился с ними, и они приобрели ко мне доверие. Они просты, спокойны, трудолюбивы и, как все пограничные жители, немного забыты; а так как помочь таким беднякам было бы добрым делом, то я и хочу попытать счастье, обращаясь к тебе. Поохотился я хорошо—около 19 оленей—но, за исключением двух дней, погода была отвратительная. Сегодня снег и град.

Сердечный привет Алисе с детьми и «Weidmannsheil» тебе от твоего всегда горячо любящего кузена и друга

Вилли.

137.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 3/I 1913 г.

Милейший Ники.

Сегодня уезжает курьер с моими подарками тебе, Алисе и детям. Надеюсь, что они понравятся августейшим получателям. В то же время шлю тебе мои сердечные поздравления к рождеству и пожелания мира в новом году. Я серьезно надеюсь и верю, что 1913 год протечет спокойно, как ты телеграфировал мне в день нового года. Думаю, что в общем на будущее можно смотреть спокойно, и что прения в Лондоне, которые подвигаются успешно, будут носить примири-

тельный и дружественный характер, в каковом направлении иностранная политика твоего правительства столь талантливо сотрудничает со всеми прочими державами.

Благодарю тебя за письмо, переданное мне Татищевым, который, вероятно, уже вручил тебе и мой ответ. Надеюсь, что и это дело можно привести к удовлетворительному результату и преодолеть возникшие затруднения.

Твой военный министр, генерал Сухомлинов, посетил меня на возвратном пути из Лейпцига. Он был очень мил и интересно говорил о событиях кампании 1877 года, в которых принимал участие.

Зима у нас стоит до сих пор теплая и бесснежная, что дает нам возможность почти каждый день, если нет проливного дождя, подолгу скакать верхом.

Прощай, милейший Ники; мой сердечный привет Алисе и детям, особенно мальчику, который, надеюсь, поправляется, считай меня всегда твоим горячо любящим кузеном и другом

Вилли.

138.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 3/II 1913 г.

Милейший Ники.

Много раз благодарю тебя за добрые пожелания и за любезно присланный тобою роскошный подарок. Что за сюрприз, когда я вошел в комнату, убранную ко дню моего рождения, и увидел эти две большие картины. В самом деле, это была очаровательная мысль прислать мне два этих прекрасных оригинала, которые здесь для нас имеют большое как художественное, так и историческое значение, являясь портретами столь хорошо известных здесь лиц. Эти картины доставили мне истинное удовольствие, и я прошу тебя еще раз принять за них мою сердечную благодарность.

Я так рад узнать из твоего письма, что милый мальчик поправляется, но меня огорчает неудовлетворительное состояние Алисы. Несомненно, недели, проведенные ею в уходе за ребенком, были для нее очень тяжелы; но я надеюсь, что покой и лечение в Крыму вновь поставят ее на ноги.

Вместе с тобою я горячо надеюсь,- что балканские неурядицы [76]) скоро окончательно уладятся без дальнейших осложнений, и всей душой стремлюсь потрудиться вместе с тобою ради этой цели. Разумеется, Австрия, как ближайшая соседка тех государств, должна следить за тем, что там де-

лается. Но я вынес впечатление, что, поступая так, она ничего не потребует для себя, а только ищет уверенности в том, что карта Европы не подвергнется изменениям, которые в будущем могли бы стать для нее опасными. Адальберт уже встал с постели и завтра Дона *) опять поселится со мною. Слава богу, что все обошлось так хорошо.

Сердечный привет Алисе с детьми. Всегда твой самый преданный и любящий кузен

Вилли.

139.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 18/III 1913 г.

Милейший Ники.

Позволь довести до твоего сведения, что мы теперь окончательно назначили свадьбу нашей милой Сисси **) на 24 мая.

Главная цель этих строк—передать тебе и Алисе нашу сердечную просьбу присутствовать при брачной церемонии. Мы с женою были бы в восторге, если бы вы могли доставить нам удовольствие видеть вас здесь, и я горячо надеюсь, что вы найдете возможным покинуть Россию на несколько дней, чтобы повидаться с многими из ваших родственников, ведь мы пригласили твою милую маму, тетю Алису, Джорджи с Мэй***) Вальдемара и проч., чтобы дать возможность всем «Geschwister» (братьям и сестрам) повидаться друг с другом, равно как и с тетей Тирой.

Я так рад, что все ваши торжества сошли хорошо и успешно, что твой мальчик мог на них присутствовать и что он удовлетворительно поправляется; надеюсь, что здоровье его вполне восстановится. После пасхи приедут нас навестить Кумберландские ****), а потом мы на месяц поедем в Гомбург, так как проклятая балканская каша *****) лишила меня возможности побывать в моем небесном раю, на Корфу.

Сердечный привет от Виктории и меня Алисе и всем детям и верь, что я всегда твой самый преданный кузен и друг

Вилли.

---

*) Виктория - Августа.
**) Виктории - Лунзы.
***) Викторией - Марией.
****) Эрнст и Тира.
*****) См. прим. 77.

140.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 30/I 1914 г.

Милейший Ники.

Много раз благодарю тебя, милую Алису и детей за добрые пожелания и за сопровождавший их прелестный китайский чайник. Слава богу, мне удалось провести день моего рождения счастливо, особенно благодаря присутствию милых Софи и Джорджи *), которые, несмотря на дальность расстояния, приехали из Афин, чтобы провести этот день со мною! Мне очень приятно, что в тебе живы еще хорошие воспоминания о вашей поездке к нам в прошлом году летом на свадьбу Сисси, и можешь быть уверен, что мы все самым искренним образом разделяем ваши добрые чувства и сохраняем о нашем свидании столь же приятные воспоминания.

Я так был рад узнать, что ваше пребывание в Крыму принесло вам всем такую пользу, и что особенно Алиса и мальчик чувствуют себя лучше после поездки на юг.

Помня интерес, проявленный тобой несколько лет назад при твоем посещении Гомбурга, к построенному мной там собору, я решаюсь поднести тебе напечатанную по моему повелению книгу о часовне в новом познанском замке. Она — в древне-византийском стиле, строилась в течение семи лет и минувшего августа была освящена в нашем присутствии. Она является копией с мотивов отчасти равенских (могила Теодорика Великого), отчасти же с Мон-Реале и с Палатинской капеллы в Палермо.

Миссия Белосельского, привезшего ленты для драгун Алисы, была большою любезностью, которую полк оценил; он приглашен мною к завтраку в воскресенье. Сердечный привет Алисе и милым детям, и верь, милейший Ники, что я всегда тебе преданный кузен и друг

Вилли.

141.

Письмо Вильгельма.

Берлин, 26/II 1914 г.

Милейший Ники.

Генерал граф Дона, который имеет честь состоять при твоей особе, предупредил меня о своем намерении оставить службу в мае месяце. По смерти отца он унаследовал очень

*) Георгия Константиновича.

обширное поместье, равно как и очень красивый замок Финкенштейн, служивший сто лет тому назад главной квартирой Наполеону I перед битвой при Эйлау. Его личное присутствие совершенно необходимо для управления всем этим, почему, к величайшему моему сожалению, мне приходится исполнить его желание. В качестве его заместителя я намерен послать к тебе, с твоего благосклонного согласия, его превосходительство генерал-лейтенанта фон-Хелиуса. Он был моим полковым адъютантом, когда я командовал лейб-гвардии гусарским полком; провел несколько лет в Риме в качестве военного атташе; в чине полковника отлично командовал моим старым гусарским полком, а затем состоял в моем личном распоряжении. Он замечательный музыкант, и играет на рояле не хуже Рубинштейна, д'Альбера и других великих артистов, очень мил в обществе, весьма сдержан и вполне достоин доверия; он будет сопровождать меня на Корфу в будущем месяце. Он бегло говорит по-французски, по-английски, по-итальянски и на древне-греческом языке и является одним из самых близких моих личных друзей. Сердечный привет Алисе и детям, всегда твой горячо любящий кузен и друг

Вилли.

142.

Телеграмма Вильгельма *).

С глубоким сожалением я узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии впродолжении многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собствен-

*) Телеграммы за 1914 год хранились Н. Романовым отдельно, с пометками, сделанными в министерстве иностранных дел, которые и даны в примечаниях. Из материалов архива б. мин. иностр. дел (опубликованных в «Красном Архиве» т. 4) видно, что в определении дат и времени отправления некоторых телеграмм сведения русского министерства иностранных дел расходятся с данными немецкой Белой Книги. В настоящей переписке телеграммы печатаются с теми датами, которые имеются на документах, хранившихся у Николая Романова.

Телеграмма, приводимая здесь под № 142, сохранилась в копии без даты. По данным архива бывш. мин. иностр. дел, телеграмма послана 13/26 июля 1914 года (см. «Красный Архив» т, 4), по германской Белой Книге 28 июля н. ст. На телеграмме имеется пометка министерства иностранных дел: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге с опущением лишь фразы: В этом случае политика не играет никакой роли».

ного короля и его жены, все еще господствует в стране. Без сомнения, ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы других правителей, заставляют нас настаивать на том, чтобы все лица, морально ответственные за это жестокое убийство, понесли бы заслуженное наказание. В этом случае политика не играет никакой роли. С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, связывающую нас крепкими узами в продолжение многих лет, я употребляю все свое влияние для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению с тобой. Я искренно надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть.

Твой искренний и преданный друг и кузен *Вилли.*

143.

Телеграмма Николая *).

15 июля 1914 г.

Рад твоему возвращению. В этот особенно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как Европейская война, я умоляю тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко.

144.

Телеграмма Николая **).

16 июля.

Благодарю за примирительную и дружественную телеграмму. Официальное заявление, сделанное сегодня твоим послом моему министру, носило совершенно иной характер.

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

**) Пометка бывш. м. ин. д.: «Не помещена в германской Белой Книге».

Прошу тебя [выяснить] разъяснить это разногласие. Было бы правильно [весь] австро-сербский вопрос передать Гаагской конференции, чтобы избежать кровопролития. Доверяюсь твоей мудрости и дружбе.

145.

Телеграмма Вильгельма *).

Я получил твою телеграмму и разделяю твое желание сохранить мир, но как я уже говорил тебе в своей первой телеграмме, я не могу рассматривать выступление Австрии против Сербии, как «позорную войну». Австрия по опыту знает, что сербские обещания на бумаге абсолютно не заслуживают доверия. По моему мнению, действия Австрии должны рассматриваться, как желание иметь полную гарантию в том, что сербские обещания претворятся в реальные факты. Это мое мнение основывается на заявлении австрийского кабинета, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно, и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство прилагает все усилия к тому, чтобы достигнуть этого соглашения. Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией, как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я охотно взял на себя, когда ты обратился к моей дружбе и помощи.

Вилли.

Подана в Новом Дворце 29 июля 1914 г. 6 ч. 35 мин.
Получена в Петергофе 16 июля 1914 г. 9 ч. 29 мин. по полудни.

146.

Телеграмма Николая **).

16 июля.

Сердечно благодарю тебя за твой скорый ответ. Посылаю сегодня вечером Татищева с инструкциями. Военные при-

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

**) Пометка бывш. м. ин. д.!: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

готовления, вошедшие теперь в силу, были решены пять дней тому назад, как мера защиты в виду приготовлений Австрии. От всего сердца надеюсь, что эти наши приготовления ни с какой стороны не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию для того, чтобы она пришла к соглашению с нами.

147.

Письмо Николая *).

17/30 июля 1914 г.

Дорогой Вилли.

Посылаю к тебе Татищева с этим письмом. Он будет в состоянии дать тебе более подробные объяснения, чем я могу это сделать в этих строках. Мнение России следующее:

Убийство эрцгерцога Франц-Фердинанда и его жены— ужасное преступление, совершенное отдельными сербами. Но где доказательства того, что Сербское правительство причастно к этому преступлению? Увы! мы знаем из многих фактов, что часто нельзя относиться с полным доверием к результатам следствия или решению судебных властей, в особенности, если к делу примешиваются политические причины (дело Фридъюнга и Прохаски 2—3 года тому назад).

Вместо того, чтобы довести дело до сведения Европы и дать другим странам время ознакомиться с результатами всего следствия, Австрия предъявила Сербии ультиматум, дав срок 48 часов, и затем объявила войну. Вся Россия и значительная часть общества других стран считают ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в уступках требованиям другого правительства. Карательные экспедиции могут предприниматься только в своем собственном государстве или в колониях. Поэтому война эта возбудила такое глубокое негодование в моей стране: будет очень трудной задачей успокоить здесь воинственное настроение.

Чем дальше Австрия зайдет в своей агрессивности, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь, как к посреднику, в целях сохранения мира.

---

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Не помещено в германской Белой Книге».

148.

Телеграмма Вильгельма *).

Очень благодарен за телеграмму. Не может быть и речи о том, чтобы слова моего посла были в противоречии с содержанием моей телеграммы.

Графу Пурталесу было предписано обратить внимание твоего правительства на опасность и серьезные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме к тебе. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из сообщения твоего и твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую ты мне любезно доверил и которую я принял на себя по твоей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за войну или мир.

Вилли.

Подана в Берлине 30/17 июля 1914 г. 3 ч. 52 м. по пол.
Получена в Петергофе 30/17 июля 1914 г. 5 ч. 50 м. по пол.

149.

Телеграмма Николая **).

18 июля 1914 г.

Сердечно благодарен тебе за твое посредничество, которое начинает подавать надежду на мирный исход кризиса.

---

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге, с опущением лишь первых двух фраз».

**) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

При телеграмме имеется следующий черновой набросок на русском языке карандашом рукой Н. Романова, с его припиской синим карандашом: «в Засед. Сов. Министров».

«Благодар. за посредн., кот. начин. подавать надежду на возможн. благополуч. кризиса.

Приостановка воен. приготов. России [представляется] предпринятых под влиянием [полн.] мобилизации Австрии представляется невозможным, кот. приостановить в настоящее время по т е х н и ч е с к и м у с л о в и я м невозможно, что, впрочем, не означает нисколько желание России довести дело до войны.

Пока будут длиться переговоры [международные] с Австрией по сербскому вопросу [даю свое слово] мои войска не предпримут никаких враждебных действий п р о т и в н е е, в чем даю тебе мое слово. Уверен [надеюсь] твое посредничество будет иметь желаемый. (Ред.) нами Вене успех на пользу мира, столь необходимого нашим народам».

По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово. Я верю в божье милосердие и надеюсь на успешность твоего посредничества в Вене на пользу наших государств и европейского мира. Преданный тебе

Н.

150.

Телеграмма Вильгельма *).

Вследствие твоего обращения к моей дружбе и твоей просьбы о помощи, я выступил в роли посредника между твоим и Австро-Венгерским правительством. В то время, когда еще шли переговоры, твои войска были мобилизованы против Австро-Венгрии, моей союзницы, благодаря чему, как я уже тебе указал, мое посредничество стало почти призрачным. Тем не менее я продолжал действовать, а теперь получил достоверные известия о серьезных приготовлениях к войне на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предварительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до возможных пределов, и ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России, и она свободно может выждать результатов моего посредничества. Моя дружба к тебе и твоему государству, завещенные мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна, и я не раз честно поддерживал Россию в моменты серьезных затруднений, в особенности во время последней войны. Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии.

Вилли.

Подана в Новом Дворце 31 июля 1914 г. 2 ч. 15 мин. по полудни.
Получена в Петергофе 18 июля 1914 г. 5 ч. 35 мин. » »

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

151.

Телеграмма Николая *).

Я получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т.-е., что эти военные приготовления не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас. Наша долго испытанная дружба должна с божьей помощью предотвратить кровопролитие.

С нетерпением и надеждой жду твоего ответа.

Ники.

Петергоф, 19 июля 1914 г.

152.

Телеграмма Вильгельма **).

Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то, что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, утвердительный, ясный и точный ответ от твоего правительства — единственный путь избежать неисчислимые бедствия. До получения этого ответа я не могу обсуждать вопроса, поставленного твоей телеграммой. Во всяком случае я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам ни в каком случае не переходить нашей границы.

Вилли.

Подана в Берлине 1/VIII 1914 г. 10 ч. 55 мин. вечера.
Получена в Петергофе 20/VII 1914 г. 1 ч. 15 мин. ночи.

---

*) Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

**) На подлиннике рукою Н. Романова написано карандашом: «Получена после объявления войны».

Пометка бывш. м. ин. д.: «Помещена в верном виде в германской Белой Книге».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) 15 января 1895 г. французский президент Казимир Перье сложил свои полномочия, а 26 января того же года вышло в отставку министерство Дюпюи. 28 янв. палата одобрила амнистию политическим.

2) По инициативе Вильгельма был внесен в конце 1894 года в рейхстаг законопроект, направленный против социалистов и имевший своим содержанием ограничение свободы слова, печати и сходок. Законопроект вызвал недовольство и протесты в обществе и в прессе и был отклонен рейхстагом в заседании от 11 мая 1895 г.

3) С 1894 по июнь 1895 года в Англии у власти было министерство маркиза Салисбери, имевшее против себя в парламенте сильную оппозицию.

4) 29 января 1895 г. при приеме депутаций от дворянства и городов Николай назвал бессмысленными мечтаниями всякие надежды о реформе самодержавного строя.

5) В 1894 году конфликт между Японией и Китаем из-за Кореи повлек за собою между ними войну. Китай был побежден, и на основании мирного договора, заключенного 17 апреля 1895 года в Симоносеки Япония получила Формозу, но благодаря совместному вмешательству России, Франции и Германии в интересах Китая должна была отказаться от Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и от Кореи, уступленных ей по тому же договору.

6) К концу XIX столетия между Швецией и Норвегией, соединенными между собой унией, возникли трения из-за того, что Норвегия стала добиваться права иметь за границей своих консулов, отдельно от шведских. В 1895 г. Норвегия вотировала чрезвычайные военные кредиты, а в следующем году удалила из национального флага эмблему унии со Швецией. Конфликт между обоими государствами принял особенно острый характер после отказа короля утвердить одобренный норвежским стортингом законопроект о консулах, и в результате конфликта последовало в 1905 г. расторжение унии. Норвегией был избран королем принц датский Карл, вступивший на престол под именем Гаакона VII 18 ноября 1905 г.

7) Кильский канал, соединяющий Балтийское море с Немецким, окончен сооружением в 1895 г. На торжественном открытии канала по приглашению Вильгельма присутствовала русская эскадра под начальством вел. кн. Алексея Александровича.

8) Осенью 1895 г. происходили маневры французской армии в Миркуре в присутствии президента французской республики и специально приглашенных в подтверждение официальной близости Франции к России мин. ин. дел Лобанова-Ростовского и ген. Драгомирова.

9) Повидимому, речь идет о плане Скобелева свергнуть династию Романовых, о чем упоминается в статье «Смерть Скобелева», напечатанной в журнале «Голос Минувшего» (1917, № 5—6, стр. 102).

10) В 1894 и 1896 г.г. в Армении происходила резня христиан. Ст. 61 Берлинского трактата признает за великими державами право вмешиваться во внутренние дела Турции, наблюдая за мерами, предпринимаемыми Портою в целях обеспечения безопасности армян от черкесов и курдов. В мае 1895 г. английский, русский и французский послы в Константинополе потребовали для Армении реформ. Порта отклонила вмешательство и дала согласие только тогда, когда британская эскадра появилась у Бейрута. 30 сент. в Константинополе произошло избиение армян, а в начале октября—резня в Малой Азии. Последовало новое вмешательство России, Франции и Англии, и 17 окт. 1895 г. между ними и Турцией состоялось соглашение по армянскому вопросу.

11) Внешняя политика Англии под руководством Салисбери отличалась большой настойчивостью в армянском вопросе. В требованиях реформ от Порты английская дипломатия шла дальше всех европейских держав. Предпринимаемые ею шаги по отношению к Турции и появление английской эскадры у Бейрута возбудили в Европе сильное подозрение в неискренности, ибо тот же Салисбери был ярким защитником Порты на Берлинском конгрессе в 1878 г.

12) Maison militaire—штат офицеров, состоящих при чьей-нибудь особе.

13) Спор между Великобританией и Венецуэлой по вопросу о границах их владений в Гвиане тянулся много лет и был разрешен в 1899 г. в Париже третейским судом под председательством проф. СПБ.-го университета Мартенса. Спор шел о территории в 60.000 кв. миль. Решение суда состоялось в пользу Венецуэлы.

14) Требование англичан, проживавших в Трансваале, об уравнении их в политических правах с гражданами Трансвааля было поддержано премьером Капланда Сесилем Родсом, организовавшим вооруженное нападение на республику буров, осуществленное в конце декабря 1895 г. Джемсоном. Набег Джемсона не удался; буры окружили его вместе с отрядом и взяли в плен. Вильгельм 3 мая 1896 г. послал по этому случаю президенту Трансвааля Крюгеру телеграмму, поздравляя его с победой, что вызвало в Англии сильное негодование против Вильгельма.

15) В 1887 году Александром III и Вильгельмом I был заключен секретный договор на 3 года (так назыв. договор обратного страхования), по которому в случае нападения на одну из договаривающихся сторон со стороны какой-либо державы, другая сторона обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет. О существовании секретного договора стало известно благодаря статье Бисмарка, помещенной на страницах «Гамбургских Известий» 24 октября 1896 года. В статье указывалось, что в сближении России с Францией виноват герм. канцлер Каприви, отказавшийся в 1890 г. возобновить договор 1887 года.

16) В феврале 1897 г. на острове Крите произошло народное восстание и национальное движение, направленное на соединение с Грецией. Вопреки заявлению великих держав о неприкосновенности владений Турции, Греция организовала попытку присоединения Крита, отправив к его берегам свои военные суда и высадив на острове отряд войск. Тогда эскадра великих держав блокировала остров. Усилия держав предупредить войну между Турцией и Грецией успеха не имели. Война началась 6 апреля, и Греция была побеждена Турцией. Окончательный мир между воюющими был заключен 4 дек. 1897 г. при содействии великих держав, не допустивших никаких территориальных изменений. Финансы Греции были взяты под контроль 6-ти великих держав. Во главе Крита был поставлен в качестве верховного комиссара принц Георг греческий. В 1898 г. Германия и Австро-Венгрия вышли из европейского концерта, уклонившись от решения критских

дел, предоставив их России, Франции, Италии и Англии. По конституции от 29/IV 1899 г. Крит был признан автономным государством под верховенством турецкого султана.

17) 4 ноября 1897 года были убиты в Китае два германских католических миссионера. Главным виновником убийства Германия считала кит. губернатора Шантунгской провинции. Это дало повод германским военным судам появиться в Кио-Чау и под предлогом возмездия оккупировать порт. 15 дек. из Киля была отправлена в Кио-Чау под начальством принца Генриха Прусского эскадра из 9 судов (Flottendivision), при чем Вильгельм на проводах произнес воинственную речь, указав, что он посылает брата Генриха «с бронированным кулаком» всюду, где наносится вред Германии. По договору от 6 марта 1898 г. Китай уступил Германии Кио-Чау на 99 лет в аренду.

18) 15/27 марта 1898 года по договору с Китаем Россия получила Порт-Артур и Далянван в аренду на 25 лет.

19) В марте 1898 года русское правительство запросило Корею, признает ли она необходимой дальнейшую русскую поддержку в финансовом и военном деле; по получении ответа, что корейское правительство благодарит за своевременно оказанную помощь, но в настоящее время не встречает более надобности в посторонней поддержке, Россия решила отозвать из Кореи финансового советника и своих инструкторов из корейской армии. 6 марта было опубликовано официальное сообщение русского правительства, гласившее, что Россия может отныне воздерживаться от всякого дальнейшего участия в делах Кореи в надежде, что благодаря ее поддержке юное государство будет способно самостоятельно охранять как внутренний порядок, так и полную свою независимость.

20) Принцип «блестящей изолированности» (splendid isolation) во внешней политике был провозглашен лордом Салисбери, и Англия держалась обособленно и от Двойственного и от Тройственного союзов континента вплоть до 8 апреля 1904 года («Entente Cordiale»).

21) В ноте великобританского посла О'Конора от 31 января—12 февраля 1898 г. изложены взгляды Лондонского Кабинета по вопросу о разграничении сфер влияния между Россией и Англией как в Турции, так и в Китае. Англия предложила считать преобладающим влияние России на севере Китая, а его южную часть включить в сферу английского влияния.

22) 13/25 апреля 1898 г. в Токио между Россией и Японией был заключен договор, по которому оба государства признали суверенитет и полную независимость Кореи и взаимно обязались не вмешиваться в ее внутренние дела. В случае, если бы Корея обратилась за советом или за помощью к России или Японии, то обе империи обязывались не предпринимать никаких шагов к назначению военных инструкторов и финансовых советников впредь до совместного соглашения по данному вопросу.

23) Дипломатическое вмешательство России и Франции поддержало Китай и помогло ему ратифицировать заключенный им 26 июня 1898 г. с бельгийским синдикатом договор по постройке ж.-д. линии Пекин-Ханькоу вопреки протестам Англии, смотревшей на бассейн Янг-Цзы-Цзяня, как на сферу своего влияния.

24) В 1898 г. (осенью) Вильгельм совершил поездку в Иерусалим и Константинополь. Он возложил венок на могилу султана Саладина, современника третьего крестового похода, и на банкете в Дамаске произнес речь, в которой назвал себя другом 300 миллионов мусульман. Поездка имела большое политическое значение для Германии, сблизив ее с Турцией и укрепив немецкое влияние на Босфоре. Ближайшим результатом поездки Вильгельма явилось благоприятное для Германии

разрешение Турцией вопроса о Багдадской железной дороге, тогда как раньше германский проект этой линии тормозился Англией, экономические интересы которой этот проект нарушал.

25) Одновременно с походом англичан в Судан французская экспедиция под начальством капитана Маршана, пройдя от берегов Конго через всю Африку, достигла Нила и овладела 10 июля 1898 г. гор. Фашодой. Английский генерал Китченер, разбив туземцев, в сентябре тоже подошел к Фашоде. Англия заявила, что удержание Фашоды Францией будет рассматриваться, как casus belli, и потребовала очищения Фашоды; Франция уступила. Случай этот вызвал сильное негодование во Франции против Англии. Конфликт был разрешен англо-французской конвенцией от 21 марта 1899 г., определившей границы обоих государств в Судане и Сахаре, и в долинах Нила и Конго.

26) Кувейт находится в северной части Персидского залива и по германскому проекту являлся конечным пунктом Багдадской жел. дороги. Сюзеренные права на Кувейт принадлежали Турции, но зависимость была слабая,—Турция лишь утверждала туземного султана. В Персидском заливе Англия стремилась играть первенствующую роль, оберегая свои экономические интересы и путь в Индию. В 1901 году произошел конфликт между Англией и Турцией из-за Кувейта. Турция отправила отряд войск в Кувейт, чтобы в нем укрепиться, пользуясь ссорой Кувейтского султана с соседним султаном Неджеда. Два английские крейсера не допустили турецкий отряд в Кувейт и заявили, что никому не позволят овладеть Кувейтом. Русский крейсер «Варяг» в конце декабря 1901 г. появился в Персидском заливе с поручением наблюдать за англичанами.

27) Концессия на постройку Багдадской ж. д. дана турецким султаном в 1899 г. германским капиталистам. Дорога эта являлась кратчайшим путем от Средиземного моря к Персидскому заливу и давала Германии огромные экономические и политические выгоды в Малой Азии и Месопотамии, в то же время подрывая интересы Англии.

28) Арендные договоры великих держав с Китаем вызвали сильное озлобление в Китае, и летом 1900 года началось боксерское движение, направленное против иностранцев и поддержанное китайским правительством. Посольства в Пекине подверглись осаде. Им на помощь спешно отправился из Тянь-Дзина 10 июня 1900 г. небольшой международный отряд под начальством старшего по возрасту английского адмирала Сеймура. По дороге отряд был отрезан большими силами китайских войск и застрял в окрестностях Тянь-Дзина. Отряд Сеймура был освобожден и доставлен в Тянь-Дзин посланными подкреплениями (4 роты русских и 4 иностранных). Немцы находились под командой адмирала Уздома. 15 августа международные войска вступили в Пекин. Побежденный Китай просил мира. По мирному протоколу от 7 сентября 1901 г. Китай обязался уплатить державам 450 миллионов таэлей.

29) Весной 1902 года Вильгельм отправил в С. Ш. А. принца Генриха Прусского с дипломатической миссией для упрочения добрых отношений между обеими странами под официальным предлогом присутствовать при спуске построенной для него в Америке яхты.

30) 7 октября 1879 г. в Вене между Германией и Австрией был подписан союзный договор, направленный против России. В случае нападения со стороны России на одну из договаривающихся держав, обе империи обязывались выступить на помощь друг другу всеми своими вооруженными силами и могли заключить мир только по обоюдному соглашению. Если же нападение будет произведено не Россией, то обе договаривающиеся державы обязывались соблюдать по отношению

к подвергшемуся нападению союзнику, по карйней мере, благожелательный нейтралитет, но если при этом Россия окажет нападающему государству какую-либо поддержку, то война становится обязательной и общей для Германии и Австрии. В 1887 г., с присоединением к центральным империям Италии, союз становится Тройственным.

Сближение между Россией и Францией началось с 1890 г. и перешло в франко-русский союз.

31) «Мюрцштегская программа»—соглашение между Николаем II и Францем Иосифом, состоявшееся 20 сентября (3 октября) 1903 года в Мюрцштегском охотничьем замке (Австрия) по вопросу о введении реформ в Монастырском, Коссовском и Салоникском вилайетах Македонии при сохранении status quo на Балканах. Сущность реформ сводилась к введению контроля и наблюдения в этих трех вилайетах со стороны России и Австрии через назначенных ими двух гражданских агентов в помощь генерал-инспектору Македонии и в организации жандармерии при помощи великих держав.

С назначением Эренталя министром иностранных дел, Австрия постепенно отходила от Мюрцштегской программы и в 1908 г. ее нарушила путем получения от султана концессии на постройку ж.-д. линии от границы Боснии через Ново-Базарский санджак к Митровице (Санджакская ж. д.).

В июне 1908 г. в Ревеле при свидании Эдуарда с Николаем была проектирована так называемая «Ревельская программа» реформ, не получившая осуществления, ибо в июле того же года произошла революция в Турции.

32) Февральской программой называется представленный Турции 21 февраля 1903 г. Россией и Австрией меморандум о реформах в Македонии.

33) «Крымская комбинация»—намек на совместные действия Англии и Франции в Крымскую кампанию 1853—1856 г.г.

34) Члены французского парламента посетили своих британских коллег летом 1903 г., последние ответили им посещением Парижа осенью того же года. Этот обмен визитами явился показателем начинавшегося сближения между Францией и Англией.

35) 6 августа н. с. 1902 г. произошло свидание Вильгельма с Николаем на русских морских маневрах у Ревеля. Покидая Ревель, Вильгельм поднял прощальный сигнал «Адмирал морей западных приветствует адмирала морей восточных».

36) В 1864 г. Пруссия в союзе с Австрией вела войну с Данией. По мирному договору, заключенному в Вене 30 октября 1864 г., побежденная Дания уступила Пруссии и Австрии герцогство Шлезвиг—Голштинию и Лауенбург.

37) После боксерского движения 1900 г. для охраны железной дороги Россия получила в 1902 г. право оккупировать своими войсками Маньчжурию на срок в $1^1/_2$ года, после чего обязалась эвакуировать войска и вернуть Маньчжурию Китаю. К условленному сроку это обязательство выполнено не было.

38) Под термином «открытые двери» понимается открытие доступа в страну для подданных других государств, признание для них свободы торговли и принципиальное уравнение их в правах с собственными подданными. Термин применяется к государствам, не являющимся равноправными членами международного общения (Китай, Абиссиния, Марокко).

39) Во время неудачной войны с Японией Россия по политическим соображениям заключила 15 (28) июля 1904 г. невыгодный для себя торговый договор с Германией, в основу которого был положен при-

пятый рейхстагом 25 дек. 1902 г. новый таможенный тариф с высокими пошлинами на ввозимый в Германию русский хлеб и продукты животноводства. Русским уполномоченным для непосредственных переговоров с Бюловым в июне 1904 г. был назначен С. Ю. Витте, и упомянутый договор был подписан им и Бюловым.

40) 8 апреля 1904 г., заключено соглашение (Entente Cordiale) между Францией и Англией, урегулировавшее спорные вопросы между обоими государствами на всем пространстве земного шара. Главным пунктом соглашения являлось предоставление Англии свободы действий в Египте, за Францией, в свою очередь,—признание положения руководящей державы в Марокко. Это соглашение имело огромное значение для последовавшей группировки великих держав, положив начало Triple Entente (Франция, Россия и Англия). Соглашение по вопросу о Марокко вызвало протест в Германии, заявившей о нарушении ее прав, обусловленных договором, заключенным в Мадриде в 1880 г. После поездки Вильгельма в Танжер, где он торжественно заявил 18 марта 1905 г. о неприкосновенности прав марокканского султана, положение сделалось грозным. Франция пошла на уступки. Делькассе подал в отставку и новый министр иностранных дел Рувье начал переговоры с Германией, потребовавшей созыва международной конференции. Конференция в Алжисирасе (с 16 января по 13 марта 1906 г.) установила неприкосновенность территории Марокко и его суверенитет. Дипломатические переговоры между Парижем и Берлином продолжались, и только после заключенного между Францией и Германией договора от 4 ноября 1911 г. Германия признала за Францией свободу действий в Марокко, получив от Франции часть территории во французском Конго. Франция 30 марта 1912 г. установила свой протекторат над Марокко.

41) 6 мая 1884 г. Вильгельм, тогда принц Прусский, был назначен шефом 85-го пехотного Выборгского полка. Полк в русско-японскую войну принимал участие в боях под Ляо-Яном, под Мукденом и на Шахэ.

42) Casus foederis—случай, при наступлении которого от союзника может быть потребована и последним должна быть оказана обусловленная в договоре помощь.

43) Во время русско-японской войны эскадра адмирала Рожественского, шедшая на Дальний Восток, обстреляла в Северном море, вблизи Доггер-Банка, приняв в тумане за миноносцы противника рыболовные суда Гульских рыбаков. Инцидент был встречен в Англии с негодованием и едва не привел к войне с Россией. На основании первой конвенции Гаагского заключительного акта 1899 г. расследование случая было передано в международную следственную комиссию, имевшую место в Париже в феврале 1905 г. Дело закончилось компенсацией, заплаченной русским правительством Англии через русского посла в Лондоне (65 тыс. ф. стерл.).

Под инцидентом на Черном море, повидимому, подразумевается случай с двумя пароходами русского добровольного флота, прошедшими Дарданеллы под торговым флагом и затем вооружившимися. В Красном море один из пароходов обыскал английское судно «Малакка». С Англией возникло на этой почве недоразумение, урегулированное дипломатическим путем. Оба парохода в результате должны были вернуться обратно в Черное море.

44) В начале декабря 1904 г. вице-королем Индии, лордом Керзоном, была отправлена к Афганскому эмиру дипломатическая миссия с целью ослабить русское влияние в Афганистане и укрепить в противовес ему английское. Миссия пробыла в Кабуле около 4 месяцев, и в результате переговоров с эмиром 21 марта 1905 г. состоялось соглашение, по которому индийское правительство возобновило уплату суб-

сидии афганскому эмиру, а последний подтвердил все заключенные его предшественником обязательства по отношению к Индии.

45) В 1897 г. в Петербурге, при свидании Франца Иосифа с Николаем II состоялось соглашение, по которому Россия и Австрия взаимно обязались поддерживать на Балканах и в Малой Азии status quo и разграничили сферы своего влияния на Балканах. Западная часть полуострова вместе с Сербией входила в орбиту австрийского влияния, а восточная часть, включая Болгарию, переходила в сферу русского влияния.

46) По получении этого письма и последовавшей за ним ноты германского посла, Россия приняла на себя обязательство поддерживать Германию в случае возникновения какого-либо конфликта на почве снабжения германскими фирмами русских военных судов углем, о чем 29 ноября 1904 г. министр иностранных дел Ламсдорф уведомил нотой германского посла в Петербурге.

47) 4 февраля 1905 г. был убит в Москве соц.-рев. Каляевым в. кн. Сергей Александрович.

48) Повидимому, Вильгельм имеет в виду 14 декабря 1825 г. Вечером этого дня, когда было подавлено восстание декабристов, Николай I вышел к преданным ему войскам перед Зимним Дворцом, и в это время из Дворца ему принесли сына (будущего имп. Александра II).

49) Habeas corpus act—основной английский закон (1679 г.), гарантирующий индивидуальную свободу английских граждан путем предписания, что каждый арестованный в течение 24 часов должен быть представлен суду, дабы последний мог убедиться в законности ареста.

Великая Хартия вольностей (Magna Charta Libertatum) была подписана в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов. Великая Хартия ограничила власть короля и установила право английских граждан на правосудие и на безопасность личности и имущества.

50) 23-24 июля 1905 г. состоялось свидание Николая с Вильгельмом в море у острова Бьорке, напротив Кронштадта. Неожиданность свидания и его таинственность возбудили в Европе сильное любопытство, а во Франции и в Англии эта встреча вызвала тревогу и недовольство. Без ведома русского министра иностранных дел Ламсдорфа Вильгельмом и Николаем 24 июля был подписан союзный оборонительный договор, по которому, в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся империй, другая должна была ей оказать помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. Договор этот должен был вступить в силу тотчас по заключении Россией мира с Японией.

51) Обеспокоенные активной политикой и усилением России на Дальнем Востоке, Англия и Япония заключили между собой в 1902 г. в Лондоне союзный договор, обеспечивающий целость и неприкосновенность Китая и Кореи. До истечения пятилетнего срока договора союзники его пересмотрели и 30 июля (12 августа) 1905 г. возобновили договор на новых основаниях. Отныне всякое нападение со стороны какой-либо державы на одного из союзников влекло за собою ведение войны против нападающей державы обоими союзниками. В этом заключается главное отличие договора 1905 года от ему предшествующего; по договору 1902 г. военная помощь предусматривалась только в случае ведения войны или враждебного образа действий против союзника со стороны не одной, а двух держав.

52) Сближение России и Франции сопровождалось посещением Кронштадта французской эскадрой в 1891 г. и в ответном посещении Тулона русской эскадрой в 1893 г. В июле и августе 1905 г. английский

и французский флоты обменялись визитами в Бресте и Коусе, подтверждая англо-французскую дружбу.

53) 6 августа 1905 г. было опубликовано положение о Государственной Думе, выработанное комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина. «Булыгинская Дума»—законосовещательное учреждение, имевшее ярко цензовый и сословный характер,—по существу являлась лишь подготовительной комиссией при бюрократическом государственном совете. Рабочие и не обеспеченная интеллигенция права выборов не имели. В Петербурге с его населением, значительно превышавшим миллион человек, с избирательными правами было только около 10.000. Прусский государственный совет (Staatsrat)—коллегия с совещательным голосом для обсуждения важных государственных дел, подлежащих самостоятельному разрешению монарха, состоит из высокопоставленных людей по назначению короны.

54) При посредничестве президента С. Ш. А. Рузвельта 23 августа (5 сентября) 1905 г. был подписан в Портсмуте мирный договор между Россией и Японией, ратифицированный 1/14 октября того же года. Япония получила права на Порт-Артур и Ляодунский полуостров, приобрела южную половину Сахалина и протекторат над Кореей. Во время конференции было разногласие между русскими (Витте, Розен) и японскими уполномоченными на почве чрезмерных притязаний Японии. Япония требовала уплаты контрибуции, ограничения русских морских сил в Тихом океане и уступки Сахалина. Первые два требования были русскими уполномоченными категорически отвергнуты с указанием, что Россия не побеждена. Ввиду того, что к открытию конференции Сахалин фактически находился в руках Японии, Россия была вынуждена уступить южную часть острова.

55) На мирной конференции в Портсмуте русским уполномоченным был Витте—председатель комитета министров. На обратном пути в Россию Витте 13 сентября 1905 г. по приглашению Вильгельма был им принят в охотничьем замке Роминтен, вблизи русской границы. Вильгельм пожаловал Витте цепь ордена Черного Орла.

56) Филиппинские острова приобретены С. Ш. А. по мирному договору от 9 декабря 1898 г. от Испании, утратившей в течение 1898 г. в войну с Америкой все свои колониальные владения. Переход Филиппинских островов к Америке повлек за собою соперничество между нею и Японией в Тихом океане.

57) После того, как турецкое правительство отклонило проект великих держав о введении контроля над финансами в Македонии, в декабре 1905 года международная эскадра произвела демонстрацию у Метилины и Лемноса, принудив султана согласиться на образование комиссии, составленной из чиновников великих держав. Германия, ведя туркофильскую политику, от морской демонстрации отказалась.

58) 31 мая 1906 г. было произведено покушение на испанскую королевскую чету в Мадриде (анархистом была брошена бомба).

59) Тайное соглашение об установлении status quo на Балтийском море подписано Россией и Германией 16/29 октября 1907 г.

60) 10/23 апреля 1908 г. были подписаны одновременно два договора,—один в Петербурге, другой в Берлине. Договор, заключенный в Петербурге, был подписан четырьмя балтийскими государствами—Россией, Германией, Данией и Швецией,—и устанавливал status quo на берегах Балтийского моря. Договор, заключенный в Берлине, подписан представителями Великобритании, Германии, Франции, Дании, Голландии и Швеции и касался сохранения территориальной неприкосновенности перечисленных государств на берегах Северного моря.

61) На основании конвенции от 18/30 марта 1856 г., приложенной к Парижскому мирному трактату, Россия обязалась не укреплять

Аландских островов и не содержать на них «никакого военного или морского заведения». В 1907 г. Россия заявила о своем намерении укрепить Аландские острова и возбудила тот же вопрос в 1908 г. во время переговоров о сохранении status quo на берегах Балтийского моря. В Швеции намерение России вызвало противодействие и в правительстве и в народе, и это послужило причиной того, что Россия, дабы не обострять отношений со Стокгольмом, отложила дальнейшее обсуждение вопроса.

62) 18/31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано соглашение между Россией и Англией, урегулировавшее спорные вопросы их политики в Центральной Азии. Россия признала Афганистан вне сферы русского влияния и обязалась сноситься с афганским правительством только при посредстве Англии. В свою очередь, Англия отказалась от вмешательства во внутренние дела Афганистана и признала неприкосновенность его территории. Обе державы подтвердили сюзеренные права Китая над Тибетом, обязались не посылать своих представителей в Лхассу и сноситься с Тибетом только через китайское правительство, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела Тибета. В Персии Россия и Англия разграничили сферу своего влияния, установив три зоны. Южная зона вошла в область английских интересов, северная—предоставлена России и между ними третья зона осталась нейтральной.

63) Австро-Венгрия 5 октября 1908 г. аннексировала Боснию и Герцеговину, переданные ей по Берлинскому трактату 1878 г. «для занятия и управления». Аннексия вызвала сильнейшее возбуждение в Сербии, и отношения между нею и Австро-Венгрией сделались крайне напряженными. В Белграде надеялись на русскую поддержку. Россия, поддержанная Францией и Англией, предложила созвать конференцию. На совещании министров 21 января 1908 г. под председательством Столыпина выяснилось, что Россия воевать не может и, резюмируя происходившие прения, Столыпин сказал следующее: «Министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. Новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой мы только что начинаем выходить. На этом пути достигнуты серьезные успехи; Россия проявила изумительную живучесть и снова собирается с силами. В такую минуту нельзя решаться на авантюры или даже активно проявлять инициативу в международных делах. Через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия снова заговорит прежним языком. Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повлекла бы за собой опасность для династии». Под давлением Германии, поддерживавшей Австрию, Россия дала совет Сербии признать аннексию. Сербия разоружилась и примирилась с аннексией.

64) 5 октября (22 сентября) 1908 г. болгарский князь Фердинанд по предварительному соглашению с Австро-Венгрией, решившей аннексировать Боснию и Герцеговину, провозгласил манифестом независимость Болгарии и принял титул царя. Турция немедленно обратилась с протестом к великим державам по поводу произведенного нарушения Берлинского трактата, но вскоре согласилась получить денежную компенсацию от Болгарии, отклонив предложенные ей 84 миллиона франков и настояв на сумме в 125 миллионов франков. Россия пошла Болгарии навстречу и предложила финансовую комбинацию, по которой Турция отказывалась от взыскания с Болгарии, чем погашалась бы на соответствующую сумму невыплаченная России по войне 1877 г. контрибуция. Болгария же по русскому предложению обязывалась выплатить России не все 125 миллионов франков, а только 84 миллиона.

каковые она сама предлагала Турции. 27 апреля 1909 г. державы признали независимость Болгарии. 20 августа 1909 г. последовало официальное признание Турцией независимости болгарского царства.

65) Свидание в Бухлау (Австрия) между русским министром иностранных дел Извольским и австрийским министром иностранных дел Эренталем произошло 15 сентября 1908 г.

66) Свидание Николая с Эдуардом VII в Ревеле в присутствии их министров иностранных дел Извольского и Гардинга состоялось 9 июня 1908 г. Соглашение от 18 (31) августа 1907 г. и это свидание, дополнив франко-русский союз и англо-французское Entente Cordiale, положили начало Тройственному согласию.

67) Эдуард VII посетил Вильгельма в Берлине в феврале 1909 г. Это посещение рассматривалось оптимистами обеих стран, как фактор, примиряющий отношения между обоими государствами, но англо-германский антагонизм, имевший глубокую экономическую и политическую основу, был неустраним.

68) Сербский король Александр и королева Драга были убиты в ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г. в своем дворце офицерами Белградского гарнизона.

69) В 1908 году Извольский выступил в Государственной Думе с разъяснениями по текущим вопросам внешней политики и в речи своей упомянул, что «русская политика не имеет никакого острия против Германии». В последовавшей затем речи депутата октябриста указывалось, что дружественные отношения к Германии являются серьезной гарантией мирного разрешения возникающих вопросов и хорошие отношения между обоими государствами должны быть сохранены и на будущее время.

70) По договору 1881 г., заключенному между Россией, Германией и Австро-Венгрией, в случае войны одной из договаривающихся держав с какой-либо четвертой великой державой или Турцией (в последнем случае при наличности предварительного соглашения относительно результатов войны) две другие сохраняют по отношению к воюющей благожелательный нейтралитет и стремятся локализовать конфликт. За Австро-Венгрией Россия признает наличность интересов, обеспеченных ей Берлинским Трактатом, и все 3 договаривающиеся империи дают взаимное обещание о сохранении status quo на Балканах. Секретное соглашение между Россией, Германией и Австро-Венгрией от 1884 г. подтвердило тайный договор и продолжило его срок на 3 года.

О соглашении 1897 г. см. прим. 45.

71) Революция в Турции произошла в июле 1908 г. и повлекла за собою восстановление конституции 1876 г.; весной следующего года вспыхнуло революционное движение против султана Абдул-Гамида, свергшее его с трона.

72) В конце 1909 г. С. Ш. А. предложили державам проект о нейтрализации маньчжурских ж. д. и об образовании международного синдиката с целью выкупа и эксплоатации маньчжурских ж.-д. линий. Этот проект имел в виду обеспечить начало «открытых дверей» и равноправие всех наций в области торговли и промышленности Маньчжурии. Япония и Россия проект отклонили. Правительственное сообщение, содержащее изложение ответного меморандума русского министерства иностранных дел, опубликовано 9 (22) января 1910 г.

73) Потсдамское свидание Николая с Вильгельмом состоялось 4—5 ноября 1910 г. Министр иностранных дел Сазонов сопровождал Николая. О значении свидания в Потсдаме канцлер Бетман-Гольвег сказал в рейхстаге следующее: «Потсдамские переговоры удостоверили, что Россия и Германия не вступят в комбинации, которые могли бы

иметь агрессивное значение друг для друга, возникавшие недоразумения устранены и вновь подтверждены старые отношения между нами и Россией».

74) Дурбар—торжественный прием вице-королем Индии индийских раджей и главнейших почетных лиц из туземного населения, специально для этого приглашенных из различных провинций Индии. Вице-король пользуется этими дурбарами, чтобы богатыми подарками поддержать дружественные отношения с раджами. Дурбары обставляются возможной роскошью, чтобы внушить местному населению идею о могуществе и богатстве Англии. Особым блеском отличаются коронационные дурбары, устраиваемые по поводу провозглашения короля Англии императором Индии.

75) Предложение Вильгельма было рассмотрено и отклонено Россией по стратегическим соображениям.

76) Пользуясь затрудненным положением Турции, еще не закончившей войну с Италией, Балканские государства (Черногория, Болгария, Сербия и Греция) объявили ей войну в октябре 1912 г. Быстро последовали успешные для союзников битвы, и Турция потеряла большую часть своих европейских владений. Туркофильская Германия и Австрия были явно недовольны успехами союзников. Австрия открыто протестовала против выхода Сербии к морю. По миру, заключенному в Лондоне 30 мая 1913 г., Турция отдала союзникам территорию к западу от линии Энос—Мидия. Кроме того, за счет турецких владений возникло самостоятельное государство Албания. При разделе завоеванной территории союзники поссорились с Болгарией, предъявившей большие притязания, и в результате произошла новая война, в которой к союзникам присоединилась и Румыния. Турция взяла обратно отнятый у нее Адрианополь. Болгария была побеждена, и мир между нею и союзниками был заключен в Бухаресте 28 июля (10 августа) 1913 г. Турция подписала мирный договор с Болгарией 16/29 сентября 1913 г. в Константинополе, с Грецией—в Афинах 1/14 ноября 1913 г. и с Сербией—1/14 марта следующего года в Константинополе.

УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ.

Абдул-Гамид,—турецкий султан с 1876 г. по 1909 г.

Адальберт,—3-й сын Вильгельма II, родился в 1884 г.

Адлерберг, граф **Владимир Федорович,**—русский министр двора с 1852 г. по 1870 г.

Александр II,—русский император с 1855 по 1881 г.

Александр III,—русский император с 1881 по 1894 г. Умер 20 октября.

Александра (тетя Алиса),—королева английская, жена Эдуарда VII, урожденная принцесса датская.

Александра Иосифовна (тетя Саша),—вел. княгиня, жена вел. кн. Константина Николаевича.

Александра Федоровна (Алиса), — русская императрица, жена Николая II, урожд. принцесса Гессен-Дармштадская.

Алексеев, Евгений Иванович, — генерал. В 1903 — наместник на Дальнем Востоке. В начале Японской войны командующий морскими и сухопутными силами.

Алексей Александрович, — великий князь, брат Александра III. Главный начальник флота с 1888 г. по 1905 г.

Алексей Николаевич, — сын Николая II, наследник, родился 30 июля 1904 г.

Альвенслебен, — германский посол в Петербурге с 1901 по 1905 г.

Артур (дядя Артур), — герцог Коннаутский, брат английского короля Эдуарда VII, шеф 3-го Прусского гусарского полка.

Баллин, — директор пароходной компании «Гамбургско-американская линия».

Белосельский-Белозерский, князь, **Константин Эсперович,** — генерал-адъютант.

Бенкендорф, граф, **Александр Константинович,** — русский посол в Англии с 1902 по 1917 г.

Бетман-Гольвег,—герман. имперский канцлер с 1909 г. по 1917 год.

Бирилев, Алексей Алексеевич, — вице-адмирал, морской министр с 1905 г. по 1907 г.

Бисмарк (1815—1898), — первый канцлер Германской империи.

Борис Владимирович, — вел. кн., сын Владимира Александровича, сына Александра II.

Бубнов, Дмитрий Иванович, — военный инженер. В 1895 г. полковник. Позже начальник Ковенского крепост. инжен. управления.

Булыгин, Александр Григорьевич, — гофмейстер, чл. Гос. Сов., министр внутренних дел в 1905 году (с 20 янв. по 22 окт.).

Бюлов, граф,—германский имперский канцлер с 1900 по 1909 г.

Вальдемар,—принц датский, сын Христиана IX.

Вальдерзее,—германский генерал-фельдмаршал и генерал-адъютант.

Ведель, граф, — генерал-от-кавалерии. Оберштальмейстер при прусском дворе.

Вердер, — генерал-адъютант. Германский военный уполномоченный в Петербурге с 1869 по 1886 г., посол в Петербурге в 1894 г.

Виктор-Эммануил,—король Италии с 1900 года.

Виктория - Августа, — императрица германская, жена Вильгельма II.

Виктория-Александрина,—королева английская с 1838 г. по 1901 г.

Виктория-Луиза (Сисси),—дочь Вильгельма II.

Виктория-Мария (Мэй), — английская королева. Жена Георга V.

Виллауме, фон, — генерал-майор свиты имп. германского. Командир 2-ой артиллерийской полевой бригады в 1894 г.

Вильгельм I (1797 — 1888), — сын прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Первый германский император с 1871 г. Дед Вильгельма II.

Вильчек, граф, — один из богатейших землевладельцев Австрии. В 1872 г. снарядил почти исключительно на свои средства полярную экспедицию.

Витте, Сергей Юльевич, — министр финансов с 1892 по 1904. В 1901—1905 г. председатель комитета министров. Русский уполномоченный в Портсмуте по заключению мира с Японией. С октября 1905 г. по 1906 г.—председатель совета министров.

Владимир Александрович (1847 — 1909), — вел. кн., дядя Николая Романова. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского округа.

Гайаши,—японский посланник в Англии в 1904 году.

Ганото, — министр иностранных дел во Франции в 1896 г. Историк.

Гардинг, — английский дипломат. С 1903 по 1904 г. при английском министерстве ин. дел, с 1904 по 1906 г. посол в Петербурге.

Гатцфельд, граф,—германский посол в Лондоне в 1898 г.

Генри, — принц Альберт-Вильгельм-Генрих, брат Вильгельма II. род. 1862 г. Главный начальник германского флота.

Георг I, — король греческий с 1863 по 1913 г., женат на вел. кн. Ольге Константиновне.

Георг V (Джорджи),—английск. король с 1910 г., сын Эдуарда VII.

Георгий, вел. кн.,—брат Николая II, умерший от чахотки.

Георгий Константинович, — сын короля греческого Константина I, наследный принц.

Георгий Михайлович, — вел. кн. генерал-майор свиты. Председатель музея «Императора Александра III».

Гинтце, — капитан 2-го ранга. Морской атташе при германском посольстве в Петербурге в 1907 г, позже состоял при особе Николая II.

Гирс, Николай Карлович, — министр иностранных дел с февраля 1882 г. по январь 1895 г. Умер в 1895 г.

Гогенлое-Шиллингсфюрст, Хлодвиг-Карл-Виктор,—германский канцлер с 1894 по 1900 г.

Гольтц,—германский генерал-от-инфантерии.

Губастов, Константин Аркадьевич,—тов. министра иностр. дел в 1907 г.

Густав V,—шведский король с 1907 г.

Делькассе,—французский министр иностр. дел с 1898 по 1905 г.

Дона-Шлобиттен, — генерал-лейтенант свиты императора германского, состоял при Николае II в 1912 г.

Драгомиров, Михаил Иванович (1830 — 1905 г.), — видный участник турецкой войны 1877 г. В 1895 г. командующий войсками киевского военного округа.

Елизавета Федоровна (Элла), — жена вел. кн. Сергея Александровича, урожд. принц. Гессен-Дармштадская, сестра Александры Федоровны.

Заиончковский, Андрей Медардович, — в 1904 — 1905 г.г. командир Выборгского полка, шефом которого был Вильгельм II; в 1905—1906 г. ген. для поручений и главнокомандующий войсками гвардии.

Зиновьев, Иван Алексеевич, — русский посол в Константинополе с 1898 по 1909 г.

Извольский Александр Петрович, — в 1905 году русский посланник в Дании. Министр иностранных дел с 1906 по 1910 г.

Ито, маркиз, — начальник японского морского генерального штаба в 1904 г.

Казнаков, Николай Николаевич,—полковник. Команд. 39 драгунского Нарвского полка, шефом которого был Вильгельм II.

Камбон, Поль,— французский посол в Англии с 1898 г. по 1920 г.

Карл, — принц датский, сын Христиана IX, избран норвежским королем в 1905 под именем Гаакона VII.

Карл - Антон Гогенцоллерн, — принц. Майор генерального штаба прусской армии.

Клемансо,—член французской палаты депутатов, председатель совета министров в 1906 г.

Кнезебек, — личный секретарь прусской королевы Луизы-Августы и германской императрицы Виктории-Августы.

Кнорринг, фон, **Людвиг Карлович,** — 2-й секретарь русского посольства в Берлине в 1895 г.

Комб, — французский председатель совета министров с 1902 по 1905 г.

Константин (Тино), — наследный принц греческий, женат на сестре Вильгельма II—Софье, король с 1913 года.

Константин Константинович, — вел. кн. Командир Преображенского полка, председатель Академии Наук.

Крупенский, Василий Николаевич,—1-й секретарь русского посольства в Берлине в 1904 г.

Крупп, — немецкая крупнейшая сталелитейная фирма, существующая с 1810 г.

Курино, — японский дипломат, был посланником в Петербурге перед русско-японской войной.

Куропаткин, Алексей Николаевич, — военный министр с 1898 по 1904 г. Главнокомандующий силами, действовавшими против Японии с 1904 г. по март 1905 г.

Курсель, — французский посол в Англии в 1898 г.

Ламсдорф, граф, **Владимир Николаевич,**—русский министр иностранных дел с декабря 1900 по 1906 г.

Ламсдорф, граф, — флигель-адъютант Вильгельма II. Состоял при Николае II.

Лауенштейн, фон, — генерал - адъютант Вильгельма II; состоял при Николае II в 1911 г.

Левенсфельд, фон, — германский генерал-адъютант.

Ленсдоун,— английский министр иностр. дел с 1900 по 1905 г.

Линевич, Николай Петрович, — главнокомандующий Маньчжурскими армиями в русско-японскую войну.

Ло, Морис, — корреспондент английской газеты «Morning Post». в Америке.

Лобанов - Ростовский, кн. **Алексей Борисович,** — русский посол в Вене с 1882 по 1895 г. В 1895 г. недолго был послом в Германии и в том же году назначен министром иностранных дел.

Лубэ, — президент французской республики с 1899 по 1906 г.

Луиза - Августа, — королева прусская, жена Фридриха Вильгельма III, бабушка Вильгельма II.

Лютвиц, барон, — военный атташе при германском посольстве в Петербурге в 1904 г.

Малет, сэр, **Эдуард,**—английский посол в Берлине в 1895 г.

Мария Георгиевна (Минни)—вел. кн., жена вел. кн. Георгия Михайловича, дочь греческого короля Георга I.

Мария Федоровна,—вдовствующая русская императрица. Мать Николая II; урожд. принцесса датская, дочь Христиана IX.

Маршан,—полковник французской армии, занявший Фашоду.

Мейер, Георг фон Лангерке-Мейер, — американский посол в Петербурге в 1905 г.

Михаил Александрович (Миша),—вел. кн. Брат Николая II.

Михаил Николаевич (дядя Миша) (1832—1910), — вел. кн. Сын Николая I. Долгое время был председателем Государственного Совета.

Мольтке, фон, (1800—1891), — германский фельдмаршал и политический деятель. Участник войны с Данией (1864) и с Францией (1870—1871).

Мольтке, фон,—губернатор Восточной Пруссии.

Мольтке, фон,—полковник. Флигель-адъютант имп. Вильгельма. Командир прусского гвардейского гренадерского полка им. императора Александра, шефом которого был Николай II.

Муравьев, граф, **Михаил Николаевич,**—министр иностранных дел с 1897 по 1900 г.

Муравьев, Николай Валерианович (1850—1908),—с января 1894 г. по январь 1905 г. министр юстиции, с 1905 г. посол в Риме.

Мутсу,—японский адмирал.

Николай I, — русский император с 1825 по 1855 г.

Николай Николаевич,—вел. кн. Дядя Николая II, в 1905 году председатель совета государственной обороны.

Нелидов, Александр Иванович, — русский посол во Франции с 1905 по 1910 г.

Оболенский, Николай Дмитриевич, — флигель-адъютант Николая II.

Окуа и К-о,—японская фирма.

Окума, граф,— японский политический деятель. Премьер-министр и министр иностр. дел в 1898 г. Лидер прогрессивной партии.

Ольга, — королева греческая, жена Георга I, урожд. русская вел. княжна.

Ольга Николаевна,—вел. княжна. Старшая дочь Николая II.

Остен-Сакен, граф, **Николай Дмитриевич,**—русский посол в Берлине с марта 1895 по 1912 г.

Пален, граф, **Константин Иванович** (1833—1912),—статс-секретарь, член Государственного Совета.

Плеве, Вячеслав Константинович, — русский министр внутренних дел в 1902—1904 г.г.

Плессен, фон, — генерал. Начальник германской главной квартиры.

Плюсков, фон, — адъютант Вильгельма II. В 1904 г. командир дворцовой стражи.

Победоносцев, Константин Петрович, — обер-прокурор святейшего синода.

Полис, — морской атташе при русском посольстве в Берлине в 1902 г.

Пурталес, граф, — германский посол в С.-Петербурге с 1907 по 1914 г.

Рабен, фон, —датский министр иностранных дел в 1905 году.

Радзивилл, кн., **Антон,**— генерал-майор свиты германского императора Вильгельма I.

Радзивилл, кн., **Мария**—жена кн. Антона Радзивилла.

Радолин, кн., — опрусачившийся польский аристократ. Германский посол в Петербурге с 1895 по 1901 г. С 1901 г. германский посол во Франции.

Рейтценштейн, Николай Карлович,—капитан I ранга. Командир крейсера «Аскольд».

Рихтер, Оттон Борисович, — генерал-адъютант. Командующий русской импер. главной квартирой с 1881 по 1898 г.

Рожественский, Зиновий Петрович, — свиты е. в. контр-адмирал. В 1904 г. командир 2-й эскадры флота Тихого океана.

Рузье, — французский министр финансов с 1902 по 1905 г. С 1905 г.—председатель совета министров и министр ин. дел.

Рузвельт,— президент Соед. Штатов Америки с 1901 г. по 1905 г.

Сазонов, Сергей Дмитриевич,—русский министр иностранных дел с 8 ноября 1910 по 1916 г.

Салисбери,—английский премьер-министр в 1895 году. Консерватор.

Самсонов, Александр Васильевич,— генерал-лейтенант, командующий Сибирской казачьей дивизией с 1904 по 1905 г.

Сауссин, фон, — полковник прусского гвардейского гренадерского полка имени императора Александра.

Святополк-Мирский, кн. **Петр Дмитриевич**, — генерал-адъютант. Министр внутренних дел с 1904 по 1905 г.

Сеймур, — английский адмирал, командовал международным отрядом при подавлении боксерского восстания.

Сельборн, лорд, — английский первый лорд адмиралтейства с 1900 по 1905 г.

Сергей Александрович,—вел. кн., дядя Николая II. Московский генерал-губернатор.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843—1882), — ген.-адъютант, известный участник турецкой войны 1877 г. Особенно отличился при взятии Геок-Тепе.

Скрыдлов, Николай Илларионович,—контр-адмирал.

София (Софи), жена наследного принца греческого Константина, позднее короля; сестра Вильгельма II.

Стааль, Егор Егорович,— русский посол в Англии с 1884 по 1902 г.

Стессель, Анатолий Михайлович,—генерал-лейтенант. Комендант Порт-Артурской крепости во время русско-японской войны.

Сторер,—американский посол в Вене в 1905 г.

Стремоухов, Петр Петрович, — камергер. Сувалкский губернатор в 1909 г.

Струков, Александр Петрович,—генерал-адъютант.

Сухомлинов, Владимир Александрович,—военный министр с 1910 г. по 1915 г.

Татищев, Илья Леонидович, — генерал-майор свиты Николая II. С декабря 1905 г. состоял при императоре германском.

Таттенбах, — германский представитель в Танжере в 1905 г.

Тимашев, Александр Егорович,— управляющий 3-м отделением соб. е. в. канцелярии в 1860 г.

Тира-Амелия-Каролина (тетя Тира), — принцесса датская. Дочь Христиана IX. Сестра Марии Федоровны. Замужем за герцогом Кумберландским.

Тирпиц,—германский адмирал.

Того, — японский вице-адмирал. Принимал участие в русско-японской войне, как командующий флотом, руководил операциями под Цусимой.

Узедом, фон,—германский капитан.

Фальер, Клеман,— президент французской республики с февраля 1906 г. по 1913 г.

Фердинанд, кн. болгарский с 1887 г.; в 1908 г. провозгласил себя царем болгарским.

Фор, Феликс,—президент французской республики в 1895 г.

Франц-Иосиф,—австрийский император с 1848 г. по 1916 г.

Фредерик VIII,—датский король с 1906 по 1912 г.

Фредерика-Виктория,—мать Вильгельма II.

Фридрих II Великий,—король прусский с 1740—1786 г.

Фридрих III, — отец Вильгельма II. Германский император с марта по июнь 1888 г.

Фридрих-Вильгельм,—германский кронпринц, сын Вильгельма II.

Фридрих - Леопольд - Прусский, — шеф 15 прусского уланского полка и русского пехотного Либавского. Женат на Луизе-Софии, сестре Виктории-Августы, жены Вильгельма II.

Хелиус, фон, — германский генерал-лейтенант.

Христиан IX, — король датский, дед Николая II по матери, умер в 1906 г.

Цецилия, — германская кронпринцесса, урожд. герцогиня Мекленбургская.

Чертков, Михаил Иванович, — генерал-адъютант. Варшавский губернатор и командующий войсками варшавского округа в 1902 г.

Швейнитц, — генерал. Германский посол в Петербурге с 1876 по 1893 г.

Шебеко, Вадим Николаевич, — воен. агент в Берлине. Состоял при германском императоре Вильгельме II с X—1904 г. по XI—1905 г.

Шен, фон,—германский посол в Петербурге с 1905 по 1907 г.

Шенк, — полковник прусского гвар. гренад. полка имени императора Александра.

Шиллинг, барон, **Николай Густавович,** — контр-адмирал свиты с. в.; состоял при в. к. Алексее Александровиче.

Шиммельман, фон, барон, — капитан. Морской атташе при германском посольстве в Петербурге в 1903 г.

Шлейниц, (1807 — 1885) — прусский политический деятель. Прусский министр иностранных дел в 1860 г.

Штранц, фон,—капитан германского гвар. Александровского полка.

Шувалов, граф, — генерал. Русский посол в Берлине с 1885 по 1894 г. Был представителем России на Берлинском конгрессе.

Шультц,—камердинер Вильгельма II.

Эглофштейн,—гофмаршал короля прусского.

Эдуард VII (дядя Берти),—английский король с 1901 по 1910 г.

Эйленбург,—германский посол в Вене в 1895 г.

Эйтель-Фридрих,—принц, 2-й сын Вильгельма II.

Эренталь,—министр иностранных дел и президент общего совета министров в Австро-Венгрии с 1906 по 1912 г.

Эрнст (Эрни), — великий герцог Гессенский, брат Александры Федоровны.

Эрнст-Август, — герцог Кумберландский, женат на Тире, урожденной принцессе датской.

Эстергази де Галанта, граф,—австрийский дипломат.

Юан - Шикай, — губернатор 18 провинций в 1904 г. Позже президент китайской республики.

Якоби, фон, — герман. генерал, состоявший при Николае II.

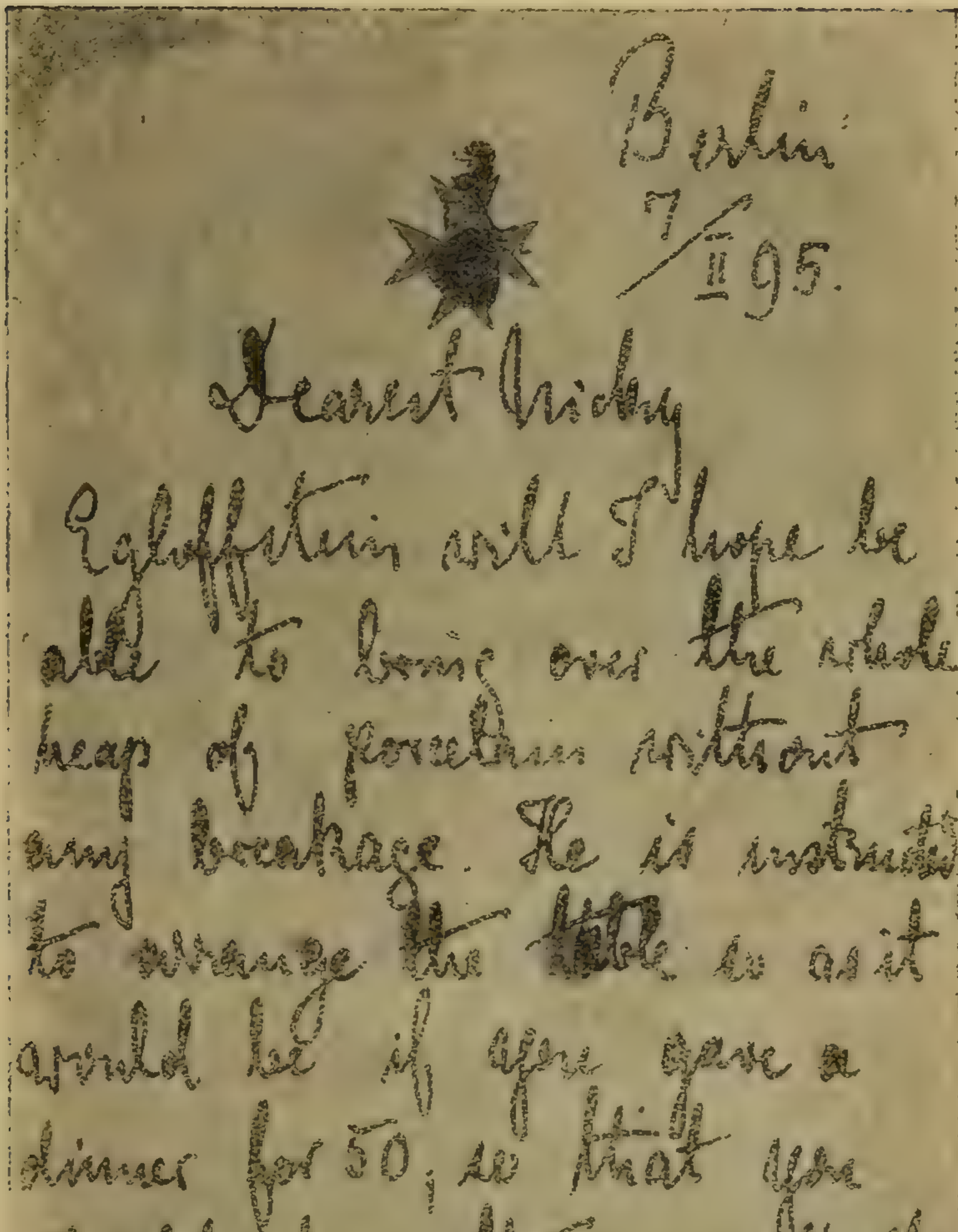
Ямаи, — японский генерал. Военный атташе при японском посольстве в Китае в 1902—1903 г.г.

ФАКСИМИЛЕ

ПИСЕМ

Николая II и Вильгельма II

Письмо Вильгельма II.



Berlin
7/II 95.

Dearest Nicky
Eglofstein will I hope be able to bring over the whole heap of porcelain without any breakage. He is instructed to arrange the table so as it would be if you gave a dinner for 50, so that you should have the coup d'oeil of the whole affair. I hope that my manufacture has done

См. стр. 5—6.

everything to fulfill your wishes
& that the present may be useful
to you both.

Since the sad weeks you had
to go through have passed much
has happened in Europe. You
have lost an excellent old
servant of your predecessors, old
Piers, who was a very good
fellow whom I much esteemed.
France has changed par surprise
her head of government &

through the amnesty opened the doors to all the worst malefactors the former people with difficulty had managed to imprison. The impulse given to the Democrats & the Revolutionary party is also to be felt here. My Reichstag behaves as badly as it can, swinging backwards & forwards between the socialists egged on by the Jews, & the Ultramontane Catholics; both parties being soon fit to be hung all of them as far as I can see.

In England the ministry is toddling on to its fall amidst universal derision! In short

everywhere, the „principe de la monarchie" is called upon to show itself strong. That is why I am so glad at the capital speech you made the other day to the deputations in response to some addresses for Reform! It was very much to the point & made a deep impression everywhere here.

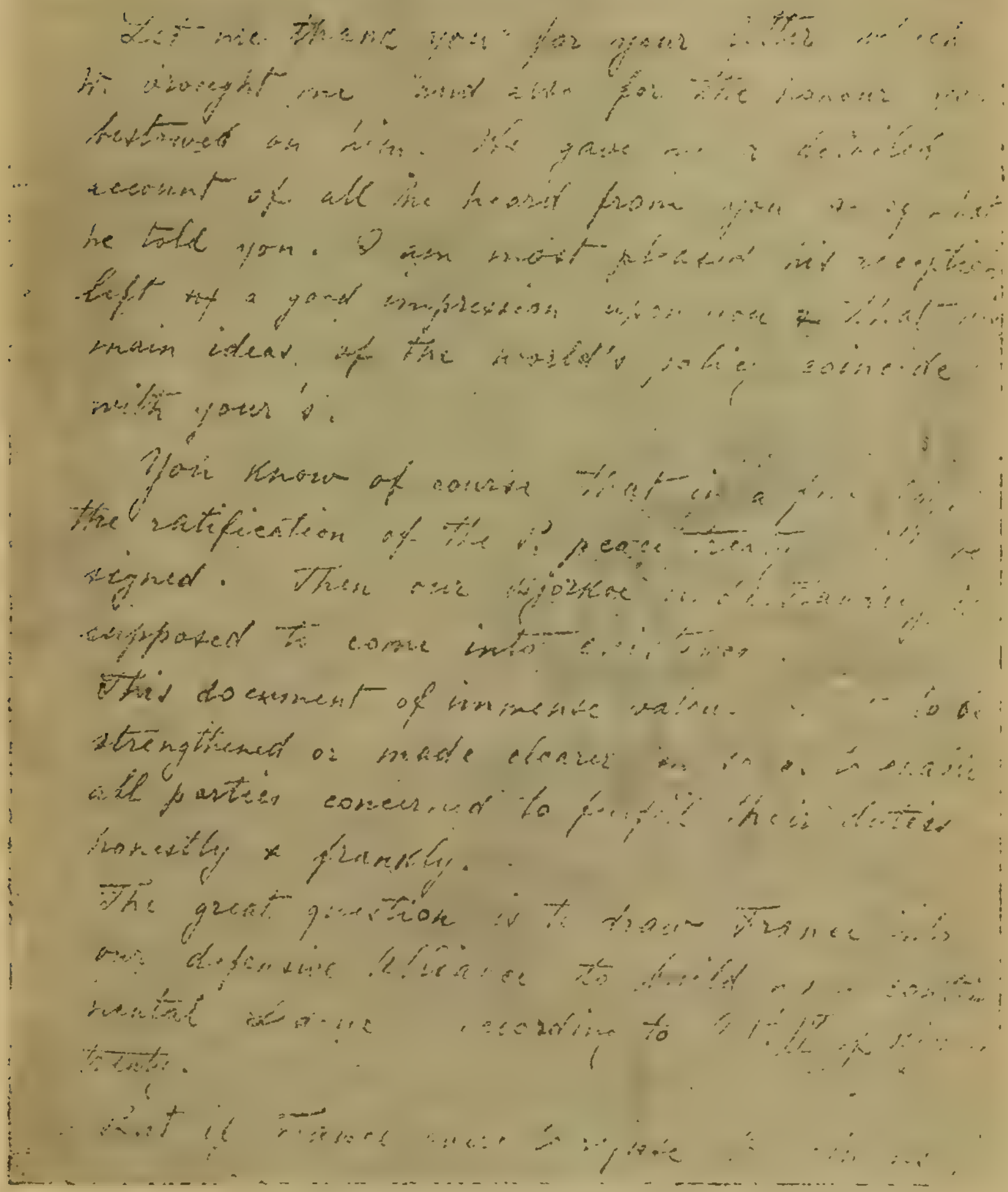
For the opening of our Canal in the end of June I have invited all European Governments to send warships to Kiel. I hope your fleet will also be represented by a ship or two.

With my respects to your Mama & many compliments to Alix.

Your most affect. friend

Willy

Письмо Николая II.



См. стр. 122—123.

then, not only would the art. II drop away
but the meaning also of art. I would change
radically, because ~~the~~ its obligations in
the present wording concern other European
Powers and France [illegible] Russia's ally.
During your stay at France I did not [illegible]
the documents signed by my Father, which
clearly define the principles of our alliance
with [illegible] [illegible] even chance
[illegible]
[illegible] with the object of
[illegible] France
[illegible]
[illegible] difficult [illegible]
[illegible] to prepare to
[illegible] of its own [illegible]
[illegible]
[illegible] might not [illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

existence of the Bjorkoe treaty ought to be put off as long as we cannot know how France will look upon it.

In case she absolutely refuses to join our two countries, it will be necessary to change the wordings of articles I and IV so as to bring them into full accordance with Russia's obligations towards France, since the time of formation of the Triple Alliance in 1890.

73355

~~Wub 29240~~

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие М. Н. Покровского III
От редакции VIII

1894 г.

1. Письмо Вильгельма от 8—XI 3

1895 г.

2. Письмо Вильгельма от 5—I 4
3. Письмо Вильгельма от 7—II 5
4. Телеграмма Вильгельма от 5—IV 6
5. Телеграмма Николая от 5—IV 6
6. Телеграмма Вильгельма от 6/18—IV 6
7. Телеграмма Николая без даты 7
8. Письмо Вильгельма от 26—IV 7
9. Письмо Вильгельма от 10—VII 8
10. Письмо Вильгельма от 26—IX 10
11. Письмо Вильгельма от 25—X 13

1896 г.

12. Письмо Вильгельма от 2—I 16
13. Письмо Вильгельма от 20—II 17
14. Письмо Вильгельма от 19—IV 18
15. Письмо Вильгельма от 12—XI 19

1897 г.

16. Письмо Вильгельма от 3—III 20
17. Телеграмма Вильгельма от 26—X 21
18. Телеграмма Николая от 26—X 21

1898 г.

19. Письмо Вильгельма от 4—I 22
20. Письмо Вильгельма от 28—III 23
21. Письмо Вильгельма от 30—V 24
22. Письмо Николая без даты 26
23. Письмо Вильгельма от 18—VIII 27
24. Письмо Вильгельма от 20—X 29
25. Письмо Вильгельма от 9—XI 31

1900 г.

26. Письмо Вильгельма от 6—V 34

1901 г. *Стр.*

27. Письмо Вильгельма от 13—VI 35
28. Письмо Вильгельма от 8—VII 35
29. Письмо Вильгельма от 22—VIII 36
30. Письмо Вильгельма от 17—XII 37

1902 г.

31. Письмо Вильгельма от 3—I 38
32. Письмо Вильгельма от 30—I 40
33. Письмо Вильгельма от 2—IX 41
34. Телеграмма Вильгельма от 18/31—X 43
35. Телеграмма Вильгельма от 9/22—XI 44
36. Телеграмма Николая от 9—XI 44

1903 г.

37. Письмо Вильгельма от 14—I 44
38. Письмо Вильгельма от 19—XI 46
39. Телеграмма Вильгельма от 18/XI—1/XII 47
40. Письмо Вильгельма от 4—XII 48
41. Телеграмма Вильгельма от 1/14—XII 49
42. Телеграмма Николая от 2—XII 49
43. Телеграмма Вильгельма от 5/18—XII 49

1904 г.

44. Письмо Вильгельма от 3—I 50
45. Телеграмма Вильгельма от 7—I 52
46. Телеграмма Вильгельма от 9—I 53
47. Письмо Вильгельма от 9—I 54
48. Телеграмма Вильгельма от 14—I 55
49. Телеграмма Вильгельма от 6/19—I 55
50. Телеграмма Николая от 8—I 56
51. Письмо Вильгельма от 11—II 56
52. Письмо Вильгельма от 29—III 57
53. Телеграмма Вильгельма от 4—IV 59
54. Телеграмма Вильгельма от 19—IV 59
55. Письмо Николая от 19/V—1/VI 60
56. Письмо Вильгельма от 6—VI 61
57. Письмо Вильгельма от 19—VIII 63
58. Телеграмма Вильгельма от 25—IX 66
59. Письмо Вильгельма от 10—X 67
60. Телеграмма Вильгельма от 6/19—X 68
61. Телеграмма Николая без даты 69
62. Телеграмма Вильгельма от 14/27—X 69
63. Телеграмма Николая без даты 71
64. Письмо Вильгельма от 30—X 72
Проект договора 74
65. Телеграмма Вильгельма от 17—X 75
66. Телеграмма Вильгельма от 2/15—XI 75
67. Письмо Вильгельма от 17—XI 76
Проект договора 79
68. Телеграмма Вильгельма от 6/19—XI 80
69. Телеграмма Николая без даты 82
70. Телеграмма Николая без даты 82
71. Телеграмма Николая без даты 83
72. Телеграмма Вильгельма от 13/26—XI 83
73. Телеграмма Николая без даты 84

Стр.

74. Письмо Вильгельма от 7 — XII 85
75. Телеграмма Вильгельма от 27/XI — 10/XII 85
76. Телеграмма Николая без даты 86
77. Телеграмма Николая без даты 86
78. Письмо Вильгельма от 21 — XII 86

1905 г.

79. Письмо Вильгельма от 2 — I 87
80. Письмо Вильгельма от 15 — I 89
81. Письмо Вильгельма от 6 — II 90
82. Телеграмма Вильгельма от 2/15 — II 93
83. Телеграмма Вильгельма от 3/16 — II 93
84. Письмо Вильгельма от 21 — II 94
85. Письмо Вильгельма от 3 — VI 102
86. Письмо Вильгельма от 27 — VII 105
87. Телеграмма Вильгельма от 16/29 — VII 107
88. Телеграмма Вильгельма от 22/VII — 4/VIII 108
89. Телеграмма Вильгельма от 7/20 — VIII 110
90 Телеграмма Николая без даты 111
91. Письмо Вильгельма от 22 — VIII 112
Переписка Бисмарка с министром бароном фон-Шлейнитцем . . 115
92. Телеграмма Вильгельма от 17 — VIII 117
93. Телеграмма Вильгельма от 4 — IX 117
94. Телеграмма Вильгельма от 11 — IX 118
95. Письмо Вильгельма от 26 — IX 118
96. Письмо Николая без даты 122
97. Телеграмма Вильгельма от 29 — IX 123
98. Телеграмма Вильгельма от 2/15 — X 124
99. Телеграмма Николая без даты 125
100. Телеграмма Вильгельма от 13/26 — XI 125
101. Письмо Вильгельма от 28 — XI 126
102. Телеграмма Николая без даты 127
103. Телеграмма Николая без даты 128
104. Телеграмма Вильгельма от 30/XI — 13/XII 128
105. Письмо Вильгельма от 30 — XII 129

1906 г.

106. Письмо Вильгельма от 29 — I 129
107, Письмо Вильгельма от 6 — III 131
108. Письмо Вильгельма от 14 — VI 132
109. Телеграмма Николая без даты 135
110. Телеграмма Вильгельма от 3/16 — VIII 135
111. Телеграмма Николая без даты 135
112. Телеграмма Николая без даты 136

1907 г.

113. Письмо Вильгельма от 7 — II 136
114. Телеграмма Вильгельма от 13/26 — XII 137
115. Телеграмма Николая от 15 — XII 138
116. Письмо Вильгельма от 28 — XII 139

1908 г.

117. Письмо Вильгельма от 18 — VIII 140
118. Письмо Николая от 15 — XII 141

1909 г. *Стр.*

119. Письмо Вильгельма от 9—I 142
120. Письмо Николая от 12—I 146
а) Первый вариант письма 147
б) Материал для письма, составленный А. П. Извольским 149
121. Телеграмма Николая от 9—III 150
122. Телеграмма Вильгельма от 14/27—III 151
123. Письмо Вильгельма от 3—IV 152
124. Письмо Вильгельма от 8—V 153
125. Телеграмма Вильгельма от 11/24—V 155
126. Телеграмма Николая без даты 156
127. Телеграмма Вильгельма от 13/26—V 156
128. Письмо Вильгельма от 20—X 156

1910 г.

129. Письмо Вильгельма от 11—I 157
130. Письмо Вильгельма без даты 158
131. Телеграмма Николая без даты 159
132. Письмо Вильгельма от 24—XII 160

1911 г.

133. Письмо Вильгельма от 21—IV 161
134. Письмо Вильгельма от 8—VIII 162

1912 г.

135. Письмо Вильгельма от 12—I 163
136. Письмо Вильгельма от 3—X 164

1913 г.

137. Письмо Вильгельма от 3—I 165
138. Письмо Вильгельма от 3—II 166
139. Письмо Вильгельма от 18—III 167

1914 г.

140. Письмо Вильгельма от 30—I 168
141. Письмо Вильгельма от 26—II 168
142. Телеграмма Вильгельма 169
143. Телеграмма Николая от 15—VII 170
144. Телеграмма Николая от 16—VII 170
145. Телеграмма Вильгельма от 16/29—VII 171
146. Телеграмма Николая от 16—VII 171
147. Письмо Николая от 17/30—VII 172
148. Телеграмма Вильгельма от 17/30—VII 173
149. Телеграмма Николая от 18—VII 173
150. Телеграмма Вильгельма от 18/31—VII 174
151. Телеграмма Николая от 19—VII 175
152. Телеграмма Вильгельма от 1—VIII 175

Примечания.
Указатель.
Снимки с автографов.